

Министерство культуры и архивов Иркутской области
Иркутская митрополия Русской Православной Церкви
Иркутская областная государственная универсальная научная
библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского
Государственный архив Иркутской области
Архитектурно-этнографический музей «Гальцы»
Иркутский областной краеведческий музей

**НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ
(ВЕНИАМИНОВА) И ПРАВОСЛАВНАЯ
МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СИБИРИ, НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

*Материалы II научно-практической конференции
15 мая 2015 г.*

Иркутск
2015

УДК 281.93+266
ББК 86.372.24-8Вениаминов
Н 31

Рецензент В. П. Шахеров, д-р ист. наук, профессор

Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. Иркутск, 15 мая 2015 / отв. ред. С. Г. Ступин ; науч. ред. С. В. Мельникова. – Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015. – 224 с.

Сборник статей включает в себя материалы II научно-практической конференции, состоявшейся в г. Иркутске и посвященной изучению наследия выдающегося православного миссионера XIX века – святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, апостола Сибири и Америки, а также миссионерской деятельности в целом – в ее историческом и современном аспектах – на территориях, объединенных миссионерским и церковным служением святителя Иннокентия.

Издание адресовано представителям духовенства и светской науки, образования и культуры – историкам, филологам, краеведам, архивистам, музейным и библиотечным работникам, педагогам.

УДК 281.93+266
ББК 86.372.24-8Вениаминов

© Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	7
<i>В. Ю. Дорофеев</i>	7
<i>В. В. Барышников</i>	9
<i>Алексий, епископ Саянский и Нижнеудинский</i>	11
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	12
<i>А. Е. Сергучев, Е. С. Шишигин</i> Святитель Иннокентий (Вениаминов) и возрождение православных традиций в Якутском крае	12
<i>И. И. Юрганова</i> Исторические источники о деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии (по документам Национального архива Республики Саха (Якутия))	23
<i>Л. В. Камедина, Ю. А. Полякова</i> Миссионерское поле Центра русской культуры «Кириллица» (Забайкальский госуниверситет)	31
<i>А. М. Любомудров</i> Литература как православная миссия. Проекты русских классиков... ..	42
<i>О. А. Михайлова</i> Выставка «Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель»	51
СЕКЦИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ И МИССИОНЕРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»	60
<i>А. П. Санников</i> Особенности миссионерской деятельности в Иркутской епархии в XVIII веке	60

<i>Т. А. Крючкова</i> Материалы о миссионерской деятельности Иркутской епархии в «Иркутских епархиальных ведомостях»	75
<i>Е. В. Сметанина</i> Миссионерские беседы со старообрядцами на страницах журнала «Иркутские епархиальные ведомости»	87
<i>Н. В. Чичкова</i> Деятельность православных миссий в XIX веке (Обзор по документам Государственного архива Иркутской области)	94
<i>М. В. Михайлова</i> Федор Александрович Парняков – священник и гражданин (по документам Государственного архива Иркутской области)	104
<i>Л. С. Попова</i> О сельском священнике отце Димитриане Попове, сподвижнике святителя Иннокентия (Вениаминова)	116
<i>М. Л. Ометова</i> Православные миссионерские школы Иркутской губернии в XIX – начале XX века	127
<i>С. Б. Белоглазова</i> К перспективе использования клировых ведомостей Русской Православной Церкви как источника по истории образования в Русской Америке	133
СЕКЦИЯ «ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	142
<i>Евгений Старцев, протоиерей</i> Посольский монастырь и духовная миссия за Байкалом	142
<i>Гортер Валинг Т.</i> До бога высоко, до царя далеко! Заметки по итогам путешествия на Аляску	152
<i>А. К. Черкашин</i> Научная и миссионерская деятельность в становлении и развитии метакультуры жизни	171

<i>С. В. Мельникова</i> Оценка инородческих культур и проблема культурного взаимодействия в путевых журналах и дневниках сибирских православных миссионеров XIX века.....	179
<i>В. В. Тихонов</i> Перспективы музеефикации элементов православной миссионерской деятельности второй половины XIX – начала XX века в Иркутской области.....	193
<i>Е. В. Дробная</i> Миссионерство как вид культурологической деятельности (из опыта работы)	199
<i>О. Н. Шахерова</i> Миссионерская работа в Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы г. Иркутска	206
<i>С. В. Мельникова</i> «МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРАВОСЛАВНОМ МИССИОНЕРСТВЕ». Обзор работы молодежной секции	213
РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) являет собой высокий образец миссионерского апостольского служения во всех возможных его ипостасях: в личной практике просвещения народов словом Евангелия; в размышлениях о целях и сущности православной духовной миссии; в деяниях общецерковного и государственного масштаба, направленных на развитие православного миссионерства в России.

География миссионерского подвига Святителя чрезвычайно широка и охватывает современные Якутию, Дальний Восток, Камчатку, Аляску, то есть всю Восточную Россию и сопредельные ей территории. Опыт успешной духовной миссии, совершаемой фактически в одиночку на огромной территории, сегодня интересен не только историкам церкви, но и практикующим миссионерам.

Успех духовной миссии, согласно отраженным в письменном наследии Святителя мыслям, зависит от трех ключевых моментов: во-первых, внимания к нуждам приобщаемых к Православию народов, бережного отношения к их национальному языку и традициям; во-вторых, личности самого миссионера, подлинности его веры, проявляемой им терпимости и любви к своей пастве; но, главное, Божьей воли к христианскому просвещению того или иного народа, без которой все человеческие усилия тщетны.

Еще с 1840-х г. первый епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий вынашивал идею создания миссионерского общества – централизованной структуры общегосударственного значения, отвечающей за планомерную помощь миссиям и подготовку миссионеров. В жизнь эта идея воплотилась в 1870 г., когда в Москве было открыто Православное Миссионерское общество, действовавшее вплоть до Октябрьской революции и объединившее практически все православные епархии Российской империи. Митрополит Московский и Коломенский стал его председателем, а идеи и планы Святителя по развитию миссионерского дела в России легли в основу принятого Устава. Общество полагалось всесловным, таким образом, миссионерство рассматривалось не только как внутрицерковная деятельность, но и как общенациональное дело, объединяющее россиян в заботах об утверждении и распространении православной веры и культуры.

Имя святителя Иннокентия обладает мощной объединяющей энергией: для истории и современности; для Сибири и центральной России, Дальнего Востока и Аляски и всего православного мира; для духовенства и светских ученых; взрослых людей и юношества.

Именно эта идея объединения и была положена в основу II научно-практической конференции «Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях», материалы которой представлены в настоящем сборнике¹.

*С. В. Мельникова,
канд. филол. наук,
гл. научный сотрудник ИОГУНБ*

¹Подробнее о целях и задачах конференции, вынесенных на обсуждение проблемах, составе участников и итогах см. в Резолюции конференции, размещенной в конце сборника.

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Добрый день, дорогие друзья! Рад приветствовать вас!

Позвольте выполнить поручение Губернатора Иркутской области Сергея Владимировича Ерошенко и прочесть его приветственный адрес участникам II научно-практической конференции «Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири на Дальнем Востоке и сопредельных территориях»: *«Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей научно-практической конференции. Это важное событие культурной и научной жизни Приангарья. Участники конференции продолжают исследовать православную миссионерскую деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, апостола Америки, Аляски, и тех людей, которые внесли огромный вклад в развитие Сибири и Дальнего Востока. Подвижнические усилия организаторов и участников конференции способствуют формированию единого научного, духовного и культурного пространства России, сохранению и развитию духовно-нравственных традиций. Желаю вам плодотворной работы и новых встреч. Губернатор Иркутской области Сергей Владимирович Ерошенко».*

Коллеги, я хочу остановиться лишь на некоторых аспектах. Я думаю, здесь собрались люди, которым не нужно рассказывать, какое событие мы ожидаем в 2017 году – это 220-летие со дня рождения святителя Иннокентия. Национальный проект «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)» впервые был представлен в 2013 году на семинаре Русского географического общества. В 2014 году Губернатор Иркутской области представил его Президенту Российской Федерации В. В. Путину. Проект получил одобрение Президента и благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Основная задача проекта – изучение, сохранение и преумножение духовного наследия Святителя Иннокентия.

Национальный проект реализуется в масштабах девяти субъектов Российской Федерации. Это закономерно, потому что Иннокентий Вениаминов был православным епископом именно Сибири и Дальнего Востока. Поэтому территории Иркутской, Магаданской, Сахалинской, Амурской областей, Чукотского автономного округа, Республики Саха (Якутия), представители которой сегодня принимают участие в нашей работе, Камчатского, Хабаровского, Приморского краев связаны с этим именем.

Нынешняя конференция уже вторая. Считаю, что конференция, расширяя свою географию, углубляя изучение трудов святителя Иннокентия, станет духовной исторической скрепой для народов Сибири и Дальнего Востока. Этот проект предусматривает еще и большую работу на родине святителя Иннокентия, в селе Анга Качугского района: в прошлом году, 3 октября в Анге был открыт после реставрации с обновленной экспозицией Дом-усадьба – музей святителя Иннокентия; к 2017 году там будет построен Духовно-просветительский центр.

Хочется, чтобы этот проект «Путь святителя Иннокентия» и после 2017 года имел продолжение, причем не только на территории Сибири и Дальнего Востока. Мне было очень приятно в прошлом году при посещении Морского собора в Кронштадте увидеть там переданную нашей епархией икону святителя Иннокентия. Экскурсовод рассказывал, что в 2017 году будет отмечаться 220-летие Святителя, и что в Иркутской области создан специальный проект.

Желаю всем вам успешной работы!

В. Ю. Дорофеев,
*заместитель председателя Правительства
Иркутской области, куратор учреждений культуры*

* * *

Добрый день, уважаемые друзья – земляки и гости! Я рад приветствовать собравшихся в этом зале и тех, кто подключается к нам по сети Интернет. Сегодня в Иркутске открывается уже вторая конференция, на которой предстоит серьезный, вдумчивый, научно обоснованный разговор о святителе Иннокентии – одном из наших величайших земляков, уроженце Иркутской земли, прошедшем путь от деревенского мальчишки до первого иерарха Русской Православной Церкви (как вы знаете, в Синодальный период, когда не было Патриарха, именно митрополит Московский и Коломенский был одним из главных, наиболее авторитетных церковных деятелей).

Сегодня мы говорим о святителе Иннокентии как о человеке, духовном лице, выдающемся ученом, исследователе, путешественнике, понимая при этом, что все ипостаси его личности были подчинены главной цели – служению Православной вере и Богу. Примечательно, что мы продолжаем разговор не только о том, что происходило во время жизни Святителя, но и о тех последствиях, которые имели его деяния и

принятые им или при его участии решения на уровне Государства, Православной Церкви и об их влиянии на современность. Так, разработанные святителем Иннокентием принципы миссионерского служения, положенные в основу деятельности созданного по его инициативе Православного Миссионерского общества, до сих пор остаются основополагающими для миссионерской работы не только в масштабах России, но и всего мира.

Мне бы хотелось, чтобы участники конференции высказали новые идеи и мысли о том, как нам сегодня использовать духовный и жизненный опыт Святителя, как его личность и духовное наследие могут объединять народы России и других стран на современном этапе. Надеюсь, что конференция даст новые темы для будущих исследований, откроет новые страницы истории и современности.

Важно, что сегодняшняя конференция пройдет при участии гостей из разных регионов нашей страны, и не только. В конференции участвуют представители Иркутской и Саянской епархий, надеемся, что и Братская епархия вскоре присоединится к нам по сети Интернет. Особую радость вызывает участие в сегодняшнем значимом событии юных исследователей – земляков святителя Иннокентия.

Национальный проект «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)», как уже говорилось, должен быть реализован нашими общими усилиями к 2017 году. Но многие значимые мероприятия в его рамках уже осуществились или осуществляются в настоящий момент. В этом году должна состояться в Иркутском Театре юного зрителя премьера спектакля о святителе Иннокентии; намечены проектные экспедиции по территории Иркутской области; Иркутский краеведческий музей покажет свою выставку, посвященную Святителю, в Хабаровске и Петропавловске-Камчатском; отец Евгений Старцев продолжит свой проект – экспедицию по местам служения Святителя.

Приглашаю всех желающих, в первую очередь наших гостей, посетить завтра село Анга – малую родину святителя Иннокентия и дом, в котором он провел первые годы жизни. В прошлом году этот дом был отреставрирован нами, при помощи благотворителей. Мы восстановили обстановку времен детства будущего великого миссионера, и ныне там находится полноценная экспозиция.

Желаю конференции успешной работы, результатом которой, надеюсь, станет обогащение и углубление наших знаний о святителе Иннокентии и об его роли в деле духовного просвещения.

В. В. Барышников,
министр культуры и архивов Иркутской области

* * *

Уважаемые участники конференции! Мне бы хотелось выразить личную признательность и глубочайшее почтение ко всем вам, поскольку сердцевиной данного события была и остается память великого угодника Божия, просиявшего не только подвигом святительства, но поистине равноапостольным деланием – миссионерством, распространением Евангелия Царствия по лицу всей земли – святителя Иннокентия Московского.

Сам по себе факт того, что интеллектуальная деятельность собравшихся сегодня специалистов обращена к грандиозному духовному наследию упомянутого Святителя, говорит о том, что это наследие возникло не на пустом месте и созидалось также не в пустоте. Так, на добром основании – молитве матери – и вырос, пройдя трудности и лишения детства и юношества, святитель Иннокентий. В течение же всей своей кипучей деятельности он напоминал самому себе о том, что «От Господа человеку стопы исправляются». Оценив с высоты этих слов свою жизнь, вверив всецело себя в руки Божии, святитель Иннокентий преодолел немислимые расстояния и связанная с этим трудности, дабы остававшиеся в неведении Бога жители Сибири, Дальнего Востока и Аляски прикоснулись к познанию Господа нашего Иисуса Христа. Однако и находясь на кафедре первосвятителей московских, он также не оставлял дело проповеди, подвигая своих верных помощников не менее ревностно исполнять высокое апостольское призвание благовестить Слово Божие.

Осмыслить проделанные святителем Иннокентием труды теперь представляется не только возможным, опираясь на сохранившиеся исторические источники, но даже полезным всем, кто неравнодушен к судьбе своего Отечества. Свидетельством сего служит настоящая конференция, которая собрала участников из разных уголков России.

Призываю Божие благословение на сие доброе начинание и молитвенно желаю всем исследователям и участникам конференции новых открытий.

*С любовью о Господе,
Алексий, епископ Саянский и Нижнеудинский*

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 269 (571.56)

*А. Е. Сергучев, Е. С. Шишигин**

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ) И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЯКУТСКОМ КРАЕ

В статье рассматривается жизненный путь святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, выдающегося церковного деятеля и ученого-этнолога, лингвиста, переводчика и его миссионерская деятельность в Якутии. Рассказывается о международной программе «Митрополит Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» и организованных в ее рамках мероприятиях.

Ключевые слова: *святитель Иннокентий (Вениаминов), Русская Православная Церковь, христианизация, Якутская епархия, богослужение, духовность, миссионер.*

Alexey E. Serguchev, Egor S. Shishigin

ST. INNOCENT (VENIAMINOV) AND THE REVIVAL OF ORTHODOX TRADITIONS IN THE SAKHA REGION

In article the course of life of St. Innocent (Veniaminov) Metropolitan of Moscow and Kolomna, outstanding church figure and scientist-ethnologist, linguist and translator and his missionary activity in Yakutia is considered. It is told about the international program «The Metropolitan St. Innocent

**Сергучев Алексей Егорович, канд. экон. наук, руководитель Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия), г. Якутск.*

Serguchev Alexey E., candidate of economic sciences, head of Department for Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk.

Шишигин Егор Спиридонович, канд. ист. наук, директор ГБУ РС(Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского», г. Якутск.

Shishigin Egor S., candidate of historical sciences, head of SBI RS (Ya) Yakut State Museum of History and Culture of Northern Peoples named after Em. Yaroslavsky, Yakutsk.

(Veniaminov) – the Educator of Alaska and Yakutia» and the actions organized in its framework.

Keywords: *St. Innocent (Veniaminov), the Russian Orthodox Church, christianization, Yakut Diocese, liturgy, spirituality, missionary.*

С именем святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, видного общественного деятеля и миссионера Русской Православной Церкви неразрывно связана вся история освоения Восточной Сибири, Аляски и Дальнего Востока, вхождение этих территорий в состав Российской империи и их последующее развитие.

В деятельности православных миссионеров большое значение всегда имел личный фактор. Многие миссионеры были не только самоотверженными веропроповедниками, но нередко играли большую роль в формировании современной культуры целых народов. В их числе можно смело назвать святителя Иннокентия (Вениаминова), апостола Америки, просветителя народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сорок четыре года своей жизни он неустанно трудился на миссионерском и просветительском поприще, простирая свою деятельность на Алеутские, Командорские и Курильские острова, Аляску и Чукотку, Амурский край, Восточную Сибирь, Камчатку и Дальний Восток.

Коренные народы регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока – эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, коряки, ительмены, эскимосы, алеуты и другие – к моменту прихода русских имели много общего: они находилось примерно на одинаковом уровне политического, социально-экономического и культурного развития, все еще живя в условиях первобытно-общинного строя. Основными их занятиями были рыболовство, охота, оленеводство и скотоводство.

Среди них выделялись сравнительно многочисленные, самые северные скотоводы якуты (саха), отличавшиеся более высоким уровнем культуры. Предки саха заселили огромную территорию с довольно сложной системой религиозного синкретизма (смещения различных культов и религиозных систем), в котором исследователи допускают возможность влияния и раннего христианства.

Без сомнения, народ саха в дорусский период играл доминирующую роль в социокультурном развитии Северо-Востока Азии, а якутский язык был языком межнационального общения, по образному выражению известного польского этнолога и писателя Вацлава Леопольдовича Серошевского, выполнял функции французского языка для этого обширного региона [3]. Именно эти обстоятельства имел

в виду святитель Иннокентий, когда настаивал на открытии Якутской епархии. «Это совершенно необходимо, поверьте. Якутская область есть свой мир, где все особенное...», – писал он в 1865 г. в представлении в Святейший Синод.

Жизнь этого замечательного человека с самого начала была связана с Якутией. Он родился 26 августа (8 сентября по новому стилю) 1797 г. на благословенной земле Иркутской губернии в селе Анга, расположенном недалеко от истока реки Лены и основанном еще в XVII в. служителями Якутского Спасского монастыря. Как вспоминал сам Святитель, якуты и эвенки «ему сыздетства ближе всех других сибирских племен были известны, по их наречию, жизни, верованию, торговле, ремеслам, по их пище и одежде» [5], так как они жили в бассейне Лены.

В декабре 1840 г. Святейшим Синодом учреждается новая епархия: Камчатско-Курильская и Алеутская с центром в г. Новоархангельске, первым епископом которой становится Иннокентий (Вениаминов). Через десять лет, в апреле 1850 г. он возводится в сан архиепископа. В 1852 г. к его огромной епархии присоединяется обширная Якутская область, пребывавшая до этого, в 1731–1852 гг., в составе Иркутской епархии. В сентябре 1853 г. преосвященный Иннокентий прибывает в г. Якутск на постоянное жительство, перенеся сюда архиепископскую кафедру из Новоархангельска (Аляска). Главный храм г. Якутска – Троицкий собор – становится кафедральным, и в нем, начиная с 1859 г., проводятся богослужения на якутском языке.

Но преосвященный Иннокентий бывал в г. Якутске и ранее. Дважды он был проездом: первый раз в 1823 г., в сане священника, когда со своей семьей следовал на службу в Америку, второй раз – в 1841 г., в сане епископа, когда возвращался из Санкт-Петербурга на Аляску. Во время своего второго визита он был встречен губернатором, всем духовенством и отслужил молебен в Троицком соборе. Также он приезжал в Якутск за год до переноса сюда архиерейской кафедры: неофициально, для предварительного ознакомления с положением церковных дел и устройством Спасского монастыря Иннокентий прибыл в Якутск в начале 1852 г. и находился здесь до 29 мая того же года. Перед отъездом освятил построенную на пожертвования якутского купца II гильдии, почетного гражданина города Ивана Яковлевича Шилова каменную Николаевскую кладбищенскую церковь (ныне, после реставрации – Градоякутский Николаевский храм).

Здесь, как ранее на Аляске, преосвященный Иннокентий занялся христианизацией местных жителей, переводом на якутский язык и языки малочисленных народов Севера богослужебных книг, открытием

церковно-приходских школ, новых приходов, строительством церквей и часовен, укреплением материальной базы градоякутских церквей и Спасского монастыря, подготовкой кадров духовенства и т. д. В 1854–1855 гг. дважды обозревал Якутскую область, совершив миссионерские поездки по рекам Амур и Усури. В 1856 г. была учреждена Усть-Зейская миссия на Амуре, и сюда из Якутии архиепископом Иннокентием был направлен походный священник Якутской области отец Александр Поликарпович Сизой.

Изучение миссионерской деятельности преосвященного Иннокентия в Якутии показывает, что он имел четко разработанную программу углубления христианизации якутов и других коренных жителей области. Одной из главных забот архиепископа был перевод и издание основных богослужебных книг на якутский язык.

Энергичная практическая деятельность Иннокентия была направлена на реализацию намеченной программы. Так, в 1855 г. в г. Якутске начал работу комитет во главе с большим знатоком якутского языка протоиереем Димитрием Хитровым, который в начале 1857 г. был командирован в Москву и Санкт-Петербург для издания переводов. Работал он плодотворно, и в 1957–58 гг. были изданы восемь книг, в том числе «Священное Евангелие на якутском языке», «Краткая грамматика якутского языка, составленная протоиереем Д. Хитровым», «Указание пути в Царствие Небесное на якутском языке Иннокентия (Вениаминова)». Всего под его непосредственным руководством и при участии было напечатано 10 книг в четырнадцати изданиях.

С точки зрения филологической науки и социолингвистики, основным и конечным результатом этой деятельности было то, что православные миссионеры заложили основу современной якутской письменной культуры, письменной литературы, что явилось одним из истоков якутского литературного языка. Перевод и издание церковной литературы сделали возможным осуществить давнюю мечту Иннокентия – провести службу на якутском языке. 19 июля 1859 г. в Якутском кафедральном Троицком соборе впервые прозвучала Божественная литургия на якутском языке. Подобная практика распространилась по всей Якутской области.

Преосвященный Иннокентий уехал из Якутска в 1860 г. и переместился в г. Благовещенск, перенеся свою деятельность на Дальний Восток, где провел исключительно большую работу по устройству Русской Православной Церкви. В Якутске викарным епископом оставил Павла (Попова).

В 1862 г. преосвященный Иннокентий снова приезжает в Якутск, где проживет два месяца, проводя службы в церквях. В 1867 г. викарным

епископом Якутским назначает своего друга и соратника Дмитрия Хитрова. В 1870 г. преосвященный Иннокентий добивается открытия самостоятельной Якутской епархии, и Хитров становится первым епископом Якутским и Вилуйским с именем преосвященного Дионисия. Хиротонию его в Благовещенском кафедральном соборе совершил сам архиепископ Иннокентий.

5 января 1868 г. преосвященный Иннокентий был назначен митрополитом Московским и Коломенским, настоятелем Троице-Сергиевой лавры. 25 мая того же года он прибыл в Москву и в течение десяти лет находился на этом высоком посту. Великий миссионер и церковный деятель умер 31 марта 1879 г., погребен в древнем Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры. В 1977 г. решением Святейшего Синода Русской Православной Церкви митрополит Иннокентий был причислен к лику святых [2, 6].

Учитывая огромные заслуги святителя Иннокентия (Вениаминова) в углублении культурных связей между русским и коренными народами Якутии, в изучении и сохранении якутского языка, правительство Республики Саха (Якутия), Национальный комитет Республики Саха (Якутия) по делам ЮНЕСКО, министерство культуры и Якутский государственный университет в 1997 г. широко отметили 200-летие со дня рождения великого миссионера. Юбилейные мероприятия способствовали возрождению православных традиций и духовности в Якутии.

Возрождению гуманистических традиций Русской Православной Церкви способствовала реализация в 1995–1997 гг. кафедрой гуманитарных, социально-экономических дисциплин Мирнинского филиала ЯГУ международной программы «Митрополит Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» (автор и генеральный координатор – доцент Е. С. Шишигин, международный координатор – доктор С. А. Мусалимас – Оксфордский университет).

1. Программа была поддержана во многих странах. Комитеты по проведению 200-летия Иннокентия (Вениаминова) были созданы в Великобритании, Греции, Шотландии, Франции, Калифорнии и на Аляске (США). 1997 год на Аляске был объявлен Годом отца Иоанна Вениаминова.

2. Проведены научные конференции: в марте 1996 г. в г. Мирном – «Культура и проблемы возрождения духовности народа» (материалы конференции опубликованы); в сентябре 1996 г. в г. Уналашке (Аляска, США) – «Отец Иоанн Вениаминов и коренные жители Аляски», посвященная освящению после реставрации Храма во имя Вознесения Господня, построенного Иннокентием Вениаминовым в 1826 г.,

в апреле 1997 г. – Вениаминовские чтения в г. Якутске, 14–15 апреля – в Оксфордском университете, в колледже Пембрук, 17–19 апреля – в Эдинбургском университете, в Центре по изучению христианства; 11–13 сентября 1997 г. – в г. Якутске, международная конференция «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» (материалы конференции будут изданы); 9–10 декабря 1997 г. – симпозиум в университете Аляски (Фэрбэнкс, США) «Иоанн Вениаминов и изучение народов Арктики». Во всех зарубежных конференциях принимали активное участие ученые, преподаватели и студенты Якутского государственного университета, его Мирнинского филиала. Были организованы выставки о жизни и деятельности Иннокентия (Вениаминова).

3. Изданы: библиографический указатель «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» (Мирнинский филиал ЯГУ совместно с Национальной библиотекой Республики Саха), сборники материалов конференций, научные статьи в журналах «Наука и образование», «Вестник Академии духовности», «Полярная звезда», «Виллюйские зори», «Турук», «Мир Севера». Большим событием, несомненно, стало переиздание Московской благотворительной общиной «Якутский дом» известного труда И. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», изданного в 1883 г. в Москве в Синодальной типографии. В связи с 200-летием Иннокентия Вениаминова компанией «АЛРОСА» издана книга Ф. Г. Сафронова «Православное христианство в Якутии». Переизданы также научные труды, письма святителя, воспоминания о нем.

4. Сняты короткометражные видеофильмы о святителе Иннокентии (Вениаминове) и о проблемах духовного возрождения, сохранения культурно-исторических и архитектурных памятников. Проводились теле-и радиопередачи.

5. В рамках программы были реставрированы культовые памятники; построена часовня на территории Якутского государственного музея (бывшего Якутского Спасского мужского монастыря); установлены мемориальные доски; освящена после реставрации Никольская церковь, ныне Градоякутский Свято-Николаевский кафедральный собор.

6. В реализации программы приняли активное участие, выступили на конференциях и симпозиумах, опубликовали статьи практически все ведущие ученые, известные писатели, художники, журналисты, библиотечные и музейные работники нашей республики, такие как Д. К. Сивцев-Суорун Омоллон, А. Н. Осипов, В. Н. Иванов, Н. Г. Самсонов,

А. Г. Новиков, П. А. Слепцов, О. Д. Якимов, С. Н. Горохов, Е. П. Гуляева и другие, а также зарубежные церковные деятели и ученые – доктор С. А. Мусалимас (Оксфордский университет, Великобритания), доктор Л. С. Блэк (университет Аляски, США), Феодосий, митрополит Америки и Канады, глава Греческой православной церкви Великобритании архиепископ Григориус, епископ Каллистос (Оксфорд, Великобритания) и другие.

7. Успешная реализация международной программы «Митрополит Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» способствовала повышению авторитета Мирнинского филиала Якутского государственного университета в пору его становления, приобщению студентов к научно-исследовательской работе. А итоговое мероприятие программы – международная конференция «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии» получило положительную оценку годовичного Общего собрания Академии наук Республики Саха (Якутия) [4; 5].

Большая работа по увековечению памяти Иннокентия (Вениаминова) проводилась и проводится по линии Русской Православной Церкви, под руководством архиепископа Якутского и Ленского Германа, его приемников владык Зосимы и Романа. Священный Синод Русской Православной Церкви 10 октября 1996 г. принял программу празднования 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия, предусматривающую совершение праздничных богослужений, крестных ходов, освящение и закладку храмов и часовен, наименование в честь Святителя улиц и площадей, проведение научно-богословских конференций и семинаров, открытие юбилейных выставок, создание фильмов, издание жития и трудов Вениаминова.

В 2007 г. наша республика широко отметила 375-летие вхождения Якутии в состав Российского государства. 1 ноября 2006 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин издал указ «О праздновании 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства и основания г. Якутска». 2007 год указом Президента Республики Саха (Якутия) был объявлен Годом 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства и основания города Якутска, были утверждены юбилейные мероприятия, в рамках которых отмечалось и 210-летие святителя Иннокентия (Вениаминова). По решению Московской патриархии, Якутской епархии с благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, основные мероприятия прошли в г. Москве, в том числе международная церковно-историческая конференция, посвященная великому просветителю, миссионеру, церковному

деятелю Иннокентию (Вениаминову), богослужения с песнопениями на якутском языке в храме Христа Спасителя [4; 5].

В 2012 г. одним из значимых мероприятий в честь 380-летия вхождения Якутии в состав Российской Федерации стала Всероссийская конференция «Миссия Русской Православной Церкви в Сибири и Америке митрополита Московского и Коломенского, апостола Америки и Сибири», состоявшаяся 24 ноября 2012 г. в одной из главных святынь православной России – Свято-Троицкой Сергиевой лавре и Московской духовной академии. Одной из задач конференции стало обращение к опыту миссионерской деятельности по распространению и утверждению православия на территории Сибири, Якутии и Америки.

Общественность Республики Саха (Якутия) продолжает работу по увековечению памяти великого миссионера: изданы книги, в том числе семь томов Полного собрания сочинений Иннокентия (Вениаминова), в г. Якутске открыт Духовно-просветительский центр им. Иннокентия (Вениаминова) и установлен памятник Святителю, в г. Мирном построена Православная гимназия в честь Иннокентия (Вениаминова), добытому алмазу весом около 60,0 карат акционерной компанией «АЛРОСА» присвоено имя «Святитель Иннокентий».

С именем святителя Иннокентия связано возрождение православных традиций не только в Восточной Сибири, но и на Дальнем Востоке. Так, торжественное празднование его 200-летия в 1997 г. началось со строительства нового Кафедрального собора в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Благовещенске на месте первого храма города. Вскоре одна из центральных улиц города была переименована в честь святителя Иннокентия, установлен его бюст.

В 2014 г. в Иркутской области разработан и утвержден проект «Путь святителя Иннокентия», одобренный Президентом РФ В. В. Путиным. Проект получил статус национального. В рамках данного проекта в октябре 2014 г. в Якутском музее им. Ем. Ярославского состоялось торжественное открытие выставки Иркутского областного краеведческого музея «Свет истины несущий людям... Иркутские страницы земной жизни святителя Иннокентия» с участием епископа Якутского и Ленского Романа, директора Иркутского краеведческого музея Д. Г. Люстрицкого и др. В 2015 г. откроется выставка, посвященная святителю Иннокентию в Приморском краевом краеведческом музее им. В. К. Арсеньева.

В Республике Саха (Якутия) принят План мероприятий по реализации духовно-просветительского проекта «Путь святителя Иннокентия», куда вошли такие мероприятия, как создание историко-документального альбома «Миссионерскими тропами святителя

Иннокентия (И. Вениаминов и Якутия)», организация постоянно действующего лектория Якутской епархии Русской Православной Церкви «Православные праздники в художественной литературе», открытие Республиканского музея истории православия Якутии, установка поклонного креста и молебен в честь святителя Иннокентия (Вениаминова), церковно-общественные мероприятия, посвященные Дню памяти святителя Иннокентия (Вениаминова), в том числе проведение Божественной литургии, организация и проведение Свято-Иннокентьевского студенческого форума (в г. Якутске), в рамках которого состоится презентация 7-го тома Собраний сочинений и писем святителя Иннокентия и другие мероприятия.

В марте 2015 г. в г. Якутске прошла научно-практическая конференция «Святитель Иннокентий в судьбах Якутии», которая собрала широкий круг специалистов, изучающих историю православия в нашей стране и за ее пределами. Организаторами мероприятия выступили Якутская и Ленская епархия, Академия наук Республики Саха (Якутия). Большинство докладов было посвящено многогранной личности святителя Иннокентия (Вениаминова), небесного покровителя Якутии, его трудам и подвигам по просвещению народов Аляски и Якутии.

По итогам состоявшихся обсуждений участники конференции выработали предложения по дальнейшему изучению деятельности Святителя и увековечению его памяти. Среди них издание расширенного сборника материалов международной научно-практической конференции «Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии», продолжение практики совместного проведения научно-практических конференций, посвященных святителю Иннокентию (Вениаминову) с участием ученых из Якутии, других регионов России и других стран, рассмотрение вопроса об учреждении специального гранта, рекомендации Музею истории и культуры народов севера им. Ем. Ярославского совместно со Спасским мужским монастырем г. Якутска и Якутской духовной семинарией разработать специальный экскурсионный маршрут по местам жизни и деятельности святителя Иннокентия и другие мероприятия, посвященные увековечению памяти святителя Иннокентия в Якутии.

В марте 2015 г. завершилось издание Сочинений и писем святителя Иннокентия в семи томах – совместный проект издательства Московской Патриархии и Якутской и Ленской епархии при содействии Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия). Кроме ранее изданных, в собрание сочинений включены ранее неизвестные материалы, которые были обнаружены в результате кропотливой

работы в архивах Российской Федерации и США. Труды, уже известные читателю по дореволюционным изданиям, публикуются в новой орфографии с комментариями, соответствующими современным научным данным. Значительная часть текстов (общим числом 351 наименование) увидела свет впервые. Это материалы из архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Особое значение имеют материалы из Национального архива Республики Саха (Якутия). Отдельным блоком в седьмом томе собрания впервые опубликованы материалы из отдела рукописей библиотеки Конгресса США, а также материалы из Центрального архива ФСБ России о репрессированных потомках святителя Иннокентия. Впервые полностью опубликован послужной список святителя Иннокентия, предоставленный Архивом внешней политики Российской империи. Это уникальное издание оказалось осуществленным благодаря якутским инициативам.

Юбилейное собрание сочинений Святителя завершено, однако тем самым еще не поставлена точка в изучении его наследия. Это собрание сочинений нельзя назвать полным, потому что наследие святителя огромно, и архивы Иркутска, Благовещенска, Якутска, Вашингтона, Джуно, острова Кадьяк и Алеутских островов хранят множество непрочитанных страниц нашей истории, достойных публикации и исследования.

Труды святителя Иннокентия актуальны и по сей день, а его наследие до сих пор используется в работе многих исследователей и дипломатов. Необходимо обращаться к его уникальному опыту в деле воспитания духовно-нравственных ценностей у населения, в первую очередь у молодежи, и возрождения единства народов России. Мы и сегодня можем почувствовать то благо, которое несут писания и мысли святителя Иннокентия, его личность может объединить все наше общество, вне зависимости от места проживания, рода деятельности и даже вероисповедания.

Возвращение имени святителя Иннокентия способствует возрождению православных традиций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также на Аляске. Северные народы хранят о святителе Иннокентии благодарную память.

Статью хотелось бы завершить словами Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II по случаю 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: «Опыт этого великого апостола-просветителя убедительно свидетельствует, что миссия Церкви имеет успех только тогда, когда в основу ее положены принципы уважения ко всякому народу и его культуре, ко святой человеческой личности» [1].

Литература

1. Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви по случаю 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского [Электронный ресурс]. М. : Рус. Православ. Церковь. Отд. внешних церков. связей, 1996. URL: <https://mospat.ru/archive/1997/12/newsru07/>.
2. Сафронов Ф. Г. Православное христианство в Якутии. М., 1998. 96 с. : ил.
3. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования В. Л. Серошевского / под ред. Н. И. Веселовского. СПб. : Императ. Рус. геогр. о-во, 1896. 720 с. : ил.
4. Духовное единство народов Якутии : сб. докл. и статей / под общ. ред. Е. С. Шишигина. Мирный, 2000. 29 с.
5. Шишигин Е. С. Митрополит Иннокентий (Вениаминов) и его место в истории народов Аляски, Сибири и Дальнего Востока // На службе Богу и якутскому народу : материалы православл. конф., проходивших в Якутске: «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов)» в 1997 г., «Христианство в судьбах народов Якутии» в 2000 г., «На службе Богу и якутскому народу» в 2005 г. Якутск, 2006. С. 132–138.
6. Шишигин Е. С. Якутская епархия : крат. ист. очерк и пробл. возрождения. Мирный, 1997. 60 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА) В ЯКУТИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

В статье дана характеристика источниковой базы (архивных документов Национального архива Республики Саха (Якутия), включенных в издаваемый в 2015 г. документальный сборник о деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии (1853–1860 гг.): выявлены различные сферы деятельности Святителя, в том числе: причисление Якутской области к Камчатской епархии, переводы на якутский язык священных и богослужебных книг, службы на якутском языке, назначение викария Якутского, строительство храмов и др.

***Ключевые слова:** святитель Иннокентий (Вениаминов), Якутия, сборник документов, архив, храм, викарный епископ, переводческая деятельность, часовня, духовное правление, Якутская епархия.*

Inna I. Yurganova

HISTORICAL SOURCES ON THE ACTIVITIES OF ST. INNOCENT (VENIAMINOV) IN YAKUTIA (ACCORDING TO DOCUMENTS OF NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

The characteristics of the source base (archives of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), included in the published in 2015 a

** Юрганова Инна Игоревна, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИ и ПМНС СО РАН), заведующая кафедрой общегуманитарных дисциплин Якутской духовной семинарии, г. Якутск.*

*Yurganova Inna I., candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Humanitarian Research and of Problems of indigenous peoples of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (IGR and PMNS SB RAS), head of Department of humanities disciplines Yakut Theological Seminary, Yakutsk.
E-mail: inna.yurganova@mail.ru*

collection of documentary on the activities of St. Innocent (Veniaminov) in Yakutia (1853–1860 gg.) Identified various activities Prelate on including in the area of Yakutsk Kamchatka Diocese of the Yakut language translations of sacred and liturgical books, and services in the Yakut language, the appointment of a vicar of the Yakut, the construction of temples and others.

Keywords: *St. Innocent (Veniaminov), Yakutia, a collection of documents, archive section, suffragan bishop, translation activities, chapel, spiritual boards, Yakut Diocese.*

Личность святителя Иннокентия (Вениаминова), одного из значительных деятелей Русской Православной Церкви, еще при его жизни стала объектом внимания современников. Иннокентия по деяниям причисляют к святым равноапостольным Кириллу и Мефодию [1, с. 23]. Долгая жизнь Святителя была наполнена неустанным трудом по просвещению народов Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки.

Родившись на берегах сибирской реки Анги, пешком, морем, на собачьих упряжках он, как никто другой, изучил северо-восточные окраины Российской империи, был участником исторических событий на Дальнем Востоке. Современников удивляла его работоспособность; миссионер по службе и призванию, он совмещал служение Церкви с исследовательской и научной деятельностью, был не только церковно-государственным деятелем, но и столяром, плотником, часовых дел мастером, рисовал эскизы храмов и иконостасов.

Якутская земля удостоилась чести пребывания Святителя и имеет свою память о нем, бережно передаваемую из поколения в поколение. Первая встреча с Якутией состоялась в 1823 г. во время проезда священника Вениаминова в Русскую Америку, затем он посетил г. Якутск в 1841 г., уже в сане епископа и в 1853–1860 гг., перенеся архиепископскую кафедру в Якутск, проживал в Спасском монастыре.

Ныне документы Якутского Спасского мужского монастыря находятся на государственном хранении в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), одном из крупнейших архивов северо-востока Российской Федерации, научно-информационном центре Республики Саха (Якутия). К сожалению, более чем двухвековая история монастыря сохранена фрагментарно, так как многочисленные пожары привели к гибели значительной части документов обители, в том числе личной библиотеки и архива Святителя. Тем не менее, «якутский период» его деятельности представляется важной составной частью биографии этой выдающейся личности.

В 2012 г. издательством Московской Патриархии Русской Православной церкви начато издание Собрания сочинений и писем святителя Иннокентия (Вениаминова), включающего его миссионерские творения, административные документы, размышления и письма. В четвертый том трудов «Апостол Дальнего Востока и Севера (1852–1860)» включены материалы, связанные с деятельностью на якутской земле [2].

По благословению епископа Якутского и Ленского Романа (Лукина) в 2014 г. в Якутском Спасском монастыре была открыта келья святителя Иннокентия, интерьер которой воссоздает память о его пребывании в обители, в 2015 г. состоялась премьера документального фильма «Небесный покровитель Якутии» (автор идеи и сценария – епископ Якутский Роман). В сотрудничестве с руководством Департамента по архивному делу РС(Я) и ГКУ РС(Я) «Национальный архив РС(Я)» принято решение о подготовке к изданию сборника архивных документов, определен состав редакционной коллегии и этапы работы. Подготовленный к публикации, сборник «Святитель Иннокентий (Вениаминов) в Якутии» содержит систематизированное собрание архивных документов, отражающих деятельность Святителя в истории Якутии. В 1997 г. архивистами был составлен тематический перечень документов «О деятельности святителя Иннокентия за 1852–1870 гг.», включавший 36 документов и ставший основой для исследовательской работы по выявлению документов в архивных фондах. В процессе подготовки были просмотрены фонды Национального архива РС(Я), относящиеся к деятельности духовного ведомства Якутии. В сборник включено 120 документов за 1852–1870 гг., большинство из которых будут опубликованы впервые (в т. ч. и автографы).

При отборе документов были сформированы группы источников, составившие разделы сборника, связанные с различными направлениями деятельности Святителя, систематизированные по структурно-хронологическому принципу.

В первую группу (раздел) «О причислении к Камчатской епархии» вошли документы, связанные с передачей территории Якутской области в церковно-административном отношении, из состава Иркутской епархии во вновь образованную (с 1840 г.) Камчатскую епархию, в том числе указы императора, предписания архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия и архиепископа Иркутского и Нерчинского Нила Якутскому духовному правлению, рапорт и протокол заседания духовного правления, позволяющие составить впечатление о механизме включения Якутии в Камчатскую епархию [4, л. 1–3, 6, 10–14, 22–25; 12, л. 1–2; 13, л. 5; 24, л. 1–2].

Обширную группу «Деятельность по переводу на якутский язык священных и богослужебных книг» составили документы (указы, предписания, донесения, рапорты, переписка и др.), связанные с организованным Святителем переводом и изданием духовной литературы на якутском языке [4, л. 1–2, 18–19; 5, л. 3–55; 11, л. 1–3; 22]. Архиепископ благословил Якутское духовное правление на организацию работы по переводу на якутский язык церковно-богослужебных книг. Был создан Якутский духовно-цензурный переводческий комитет, итогом деятельности которого стало издание одиннадцати книг [27, с. 11]. Документы свидетельствуют о постоянном внимании и заботе Святителя «о деле якутских переводов», начиная от назначения членов переводческого комитета до вопросов, связанных с тиражом, оформлением книг и их доставкой в г. Якутск. В июле 1859 г. Святитель в предписании Якутскому духовному правлению указывал: «Наконец Благодарение Господу, по Милости и при помощи Его, столько лет продолжавшемся дело перевода некоторых Священных книг на Якутский язык кончено совершенно; и 19 числа сего года в первый раз была отправлена Литургия на сем языке, а пред нею благодарственный молебен. И по сему, с благословения Св. Синода, отныне дозволяется отправлять литургии, обедни, молебны, и все обычные требы, а так же читать Псалтирь и поучения на Якутском языке по новонапечатанным книгам по всем Церквам и Часовням Якутской области» [5, л. 47].

Раздел «О строительстве Дюпсинской Троицкой церкви» был выделен в связи с выявленными документами (прошение улусных родоначальников о строительстве храма и их согласие на его отопление, рапорты благочинного о ходе строительства и освящении храма), дающими представление о учреждении православного храма в одном из центральных улусов Якутии [17]. Очевидно, что факты создания церквей по просьбе прихожан известны и на примере других местностей области, но сохранившиеся документы разрознены и фрагментарны. Дюпсинская однопрестольная церковь была построена в 1856 г. на средства прихожан Дюпсинского улуса [20].

Документы сборника связаны и с вопросом о кандидатуре и назначении первого vicарного епископа Якутии [21, л. 1–7, 10–12, 19, 21–27; 24]. По предложению архиепископа Иннокентия в 1858 г. указом Синода в составе Камчатской епархии были образованы два vicариятства – Новоархангельское на Аляске (с центром в Ситхе) и Якутское. Документы отражают переписку Святителя с митрополитом

Филаретом (Дроздовым)¹ и обер-прокурором Синода графом А. П. Толстым². Святитель предлагал на рассмотрение Синода кандидатуры на должность викарного епископа, исходя из интересов и специфики проживания в условиях Якутии и, вместе с тем, отмечал, что «что, кто бы ни был бы избран Св[ятейшим] Синодом на кафедру Якутскую и викарием Камчат[ской] епархии – из указанных ли мною лиц или кто иной из других мне неизвестных, я приму его как брата и сослужителя, без предпочтения и дальнего рассуждения, со всей искреннею братскою любовью» [21, л. 1–4]. Архиепископом Иннокентием была разработана инструкция для викарного епископа, регламентирующая права и обязанности вновь назначенного архиерея. Так, епископ Якутский викарии Камчатской епархии имел право «управления, наставления и исправления» вверенной ему паствы, должен был действовать в контакте с подчиненным ему духовным управлением, производить следствие и суд для лиц духовного сословия, а также по бракоразводным процессам с предоставлением протоколов и мнений епархиальному архиерею. Викарий ограничивался в передвижении по вверенной ему территории: «без особенных причин не предпринимать путешествия для обозрения церквей», должен был предоставлять отчет о поездках. Учреждение викариатства, значительно расширившего и укрепившего самостоятельность якутского духовенства, стало заключительным этапом на пути к образованию на территории Якутского края отдельной епархии.

Организация переводческой деятельности, издание священных и богослужебных книг на якутском языке предоставили возможность проведения церковных служб по-якутски и документы, связанные с этим вопросом, составляют отдельную группу, в том числе – предписания архиепископа Иннокентия духовному правлению и священникам Градо-Якутских церквей о необходимости изучения якутского языка; письмо Святителя викарному епископу Павлу³ об

¹ Митрополит Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782–1867), с 1826 г. – митрополит Московский и Коломенский. Действительный член Императорской Российской академии (1818); почетный член (1827–1841) Императорской Академии наук, ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX в. Прославлен Русской Православной Церковью в лике святых в святительском чине.

² Толстой Александр Петрович, обер-прокурор Синода в 1852–1862 гг., граф.

³ Викарный епископ Павел (Попов Петр Лаврентьевич) (1813–1877), окончил Иркутскую духовную семинарию, с 1837 г. – священник, протоиерей Красноярского Покровского собора, в 1860 г. возведен в сан архимандрита, затем хиротонисан во епископа Якутского викария Камчатской епархии

объявлении праздничным днем дня первой службы на якутском языке в Троицком соборе (19 июля 1859 г.) и др. [5, л. 46–47; 15, л. 3–15]. В храмах Якутской области стали проводиться богослужения на якутском языке, свидетельством чего являются рапорты настоятелей церквей, направленные в адрес духовного правления. Святителем были разработаны инструкции о порядке богослужения, которыми предписывалось отмечать погрешности и неточности перевода для последующего их устранения: «... внушать читающим и просить их, чтобы они замечали и всякие свои замечания относительно перевода сообщали благочинным... или увидят, что иную мысль можно выразить точнее...» [15, л. 3–7]. После учреждения самостоятельной Якутской епархии практика проведения служб на якутском языке была продолжена [19].

Документы отражают многоаспектную деятельность Святителя на якутской земле: предписания о награждениях священнослужителей Якутии, рассмотрение прошений о приеме в духовное звание. Выявлены документы, ставшие вехами в истории православия в Якутии – императорский указ о разрешении принимать в духовное звание жителей Якутской области (1855), позволивший решить проблему дефицита духовных кадров; распоряжение Святителя Иннокентия о новых правилах строительства часовен, обусловленное спецификой проживания в условиях Якутии и др. [3; 6; 8; 9; 10; 11; л. 5; 14; 16; 19; 23]. Святитель обращал внимание и на состояние приходского делопроизводства, подробно указывая правила ведения и хранения церковной документации [25, л. 176–178, 198].

Особый интерес составляет предписание о преподавании в Градо-Якутских храмах поучений для детей, представляющее не только историческую и источниковедческую, но и педагогическую ценность. Святитель указывал, что воспитание детей в православных традициях принесет достойные плоды и отмечал, что помимо катехизических поучений и проповедей, сложных для детского восприятия, необходимо организовывать для детей простые поучения в отдельное от богослужений время [7; 25].

Заняв кафедру митрополита Московского и Коломенского, святитель Иннокентий, используя новые возможности, продолжал ходатайствовать о Якутии и в декабре 1869 г., по представлению

(первый викарный епископ Якутии), в 1866 г. переведен на Новоархангельскую кафедру в статусе епископа Новоархангельского викария Камчатской епархии. В 1870 г. – епископ Енисейский, с 1873 г. – епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский.

Синода, был подписан императорский указ об образовании с 1870 г. Якутской и Вилюйской епархии, утверждены штаты (штатное расписание) архиерейского дома, Свято-Троицкого кафедрального собора и духовной консистории [18]. В дар от митрополита, который несколько десятилетий убеждал и обосновывал перед Синодом необходимость создания на северо-востоке империи отдельной Якутской епархии, первому епископу Якутскому и Вилюйскому Дионисию (Хитрову)⁴, ученику и другу Святителя, была передана икона с серебряным ковчегом, вмещающим святые частицы древа животворящего Креста Господня.

Исторические источники, находящиеся на государственном архивном хранении, предоставляют возможность нам, жителям XXI в., понять условия и действительность Якутии в сер. XIX в. и оценить значение подвижничества труда святителя Иннокентия по преобразованию духовной жизни одной из отдаленных окраин Российской империи, свидетельством чему являются слова самого Святителя: «Я нахожу утешение в общении с якутской паствой... Из-за несколько десятков верст собираются они толпами к тем станциям, чрез которые проезжал для того, чтобы принять мое благословение и видеться со мной...» [26, с. 3–4].

Литература и источники

1. Григорьева Ж. П. От издательства // Иннокентий (митр. Москов. и Коломен.). Собрание сочинений и писем : в 7 т. Т. 1 : Апостол Америки (1824–1840) ; Т. 2 : Записки об островах Уналашкинского отдела (1840). М. : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2012. С. 16–23.

⁴ Епископ Дионисий (Хитров Дмитрий Васильевич) (1818–1896), уроженец Рязанской губернии, направлен на миссионерское служение в Иркутскую епархию. В 1841–1851 гг. служил в г. Якутске. В 1851 г. возведен в звание миссионера, в 1857 г. – в сан протоиерея, с назначением к Среднеколымской Покровской церкви. В 1857 г. командирован в Москву для публикации в Синодальной типографии священных, богослужебных и духовно-нравственных книг, переведенных на якутский язык, и составленной им азбуки и грамматики якутского языка. В 1858 г. – исполняющий должность ректора Новоархангельской духовной семинарии (на острове Ситха), в 1859 г. – настоятель Градо-Якутской Преображенской церкви. В 1868 г. хиротонисан во первого архиерея Якутской епархии, епископа Якутского и Вилюйского с наречением именем Дионисия. В 1883 г. по состоянию здоровья перемещен на Уфимскую кафедру, скончался в 1896 г. в сане епископа Уфимского и Мензелинского.

2. Иннокентий (свт., митр. Москов. и Коломен.). Собрание сочинений и писем : в 7 т. Т. 4 : Апостол Дальнего Востока и Севера, 1852–1860. М. : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2013. 652 с.

3. НА РС (Я). Ф. 166-и. Оп. 1. Д. 1143. Л. 2–3.
4. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1409.
5. НА РС (Я) Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1447.
6. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1470. Л. 1–9.
7. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1579. Л. 1–2.
8. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1585. Л. 6–9.
9. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1588. Л. 1–15.
10. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1–6.
11. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1677.
12. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1812. Л. 1–2.
13. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1840. Л. 5.
14. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 2006. Л. 20.
15. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 2104.
16. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 2488. Л. 4, 43–56.
17. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 2. Д. 191.
18. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2.
19. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 3. Д. 49. Л. 5.
20. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 133. Л. 14.
21. НА РС (Я). Ф. 227-и. Оп. 3. Д. 7.
22. НА РС (Я). Ф. 227-и. Оп. 3. Д. 8. Л. 1–4, 11–17.
23. НА РС (Я). Ф. 227-и. Оп. 3. Д. 9. Л. 2–4.
24. НА РС (Я). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2.
25. НА РС (Я). Ф. 230-и. Оп. 1. Д. 1.

26. Иннокентий (митрополит). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского (1855–1865). Кн. 3. 1865–1878. Пб., 1901. 398 с.

27. Роман (Лукин), епископ Якут. и Ленск. Церковная жизнь в Якутске в середине XIX в. по письмам святителя Иннокентия (Вениаминова) // Святитель Иннокентий в судьбах Якутии : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 145-летию учреждения Якут. епархии. Якутск : Изд. отд. Якут. и Ленск. епархии, 2015. С. 8–24.

МИССИОНЕРСКОЕ ПОЛЕ ЦЕНТРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ «КИРИЛЛИЦА» (ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ)

В статье раскрывается сущность и смысл многолетней миссионерской работы Центра русской культуры «Кириллица» в Забайкальском государственном университете, проходящей под знаком святителя Иннокентия Московского, Апостола Сибири и Америки. Авторы статьи приводят формы миссионерской работы и объясняют их методическую, педагогическую, научную составляющие.

Ключевые слова: религиозное образование, миссия, духовно-нравственное воспитание, молодежные проекты.

Lyudmila V. Kamedina, Julia A. Polyakova

MISSIONARY FIELD OF THE RUSSIAN CULTURAL CENTER «CYRILLIC» (TRANS-BAIKAL STATE UNIVERSITY)

The article reveals the essence and meaning of many years of missionary work of the Center of Russian culture «Cyrillic» in the Trans-Baikal State University, passing under the sign of St. Innocent of Moscow, Apostle of Siberia and America. The authors lead forms of missionary work and explain their methodological, pedagogical, scientific components.

Keywords: religious education, mission, spiritual and moral education, youth projects.

* **Камедина Людмила Васильевна**, д-р культурологии, проф. кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита.

Kamedina Lyudmila V., doctor of Culturology, professor, FSBEI HE Trans-Baikal State University, Chita. E-mail: kamedina_ludmila@mail.ru.

Полякова Юлия Александровна, ст. преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита.

Polyakova Julia A., senior lecturer of the Chair of Journalism and Public relations, FSBEI HE Trans-Baikal State University, Chita. E-mail: july-poly@mail.ru.

Президент РФ, обращаясь к Федеральному собранию [11], сформулировал национальные задачи, которые без духовно-нравственного ориентира, сохранения русского языка и русской культуры решить невозможно. Перед внешними и внутренними вызовами глобального мира образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества. Образование должно сформулировать национальный воспитательный идеал и обозначить систему базовых национальных ценностей, на основе которых возможна консолидация народа.

Задача сегодняшнего дня – сохранить религиозную культуру и транслировать ее новому поколению. Это задача и Церкви, и государства. Осознание государством этой задачи вылилось, например, во введение в школьный курс обучения предмета «Основы религиозных культур и светской этики».

В Забайкальском государственном университете решению проблем в области духовно-нравственного образования и воспитания молодежи придется большое значение. Работа началась еще в 1989 г. с небольшого кружка для студентов-филологов по изучению русской духовной культуры. Постепенно интерес студентов и преподавателей к изучению русских культурных традиций, национальной религиозной литературы, подлинной русской истории, которая неотделима от истории Русской Православной Церкви, только усиливался.

Настоящая миссионерская работа началась с приездом на Читинскую кафедру епископа Иннокентия (Васильева), ныне архиепископа Виленского и Литовского. Деятельность архиепископа Иннокентия в Забайкалье была плодотворной и насыщенной добрыми делами. За время его служения было открыто 35 новых приходов, появились новые клирики. Было отреставрировано здание миссионерского училища, в котором разместилась Преображенская церковь. Он организовал катехизаторские и пасторские курсы, роль которых была огромна. К миссионерской работе было привлечено большое количество людей, это были педагоги, врачи, военнослужащие, студенты вузов. Многих привлекала обаятельная личность самого архиерея. Архиепископ Иннокентий многих знал лично, всегда охотно общался, беседовал, был дружелюбен и ласков. На катехизаторских курсах он сам показывал образец педагогического мастерства, читал лекции по истории Церкви, привлекал к лекционной работе священников и подготовил миссионеров для служения в различных областях деятельности. При архиепископе Иннокентии был возобновлен трехсотлетний крестный ход на святое место Иргень. При содействии ученых университета была осуществлена паломническая

поездка в Урлукский монастырь, к месту служения и погребения святого Варлаама Чикойского. Владыкой были организованы Иннокентиевские чтения – конференция, посвященная святителю Иннокентию (Вениаминову), которая работает до сих пор.

Большую заботу проявлял владыка о православной молодежи. Он собрал вокруг епархиальных миссионерских дел много студентов из разных вузов города. Он любил молодежь, помогал всегда советами, а порой и материально. Как личность, владыка был и остается незаурядным человеком. Его образование, широкий кругозор были притягательными для многих. У него всегда находилось время для встреч, бесед и наставлений. При нем многие стали воцерковляться. Забайкальцы сохраняют добрую память о владыке Иннокентии, который с достоинством и по праву носит имя сибирского святителя, Апостола Сибири и Америки Иннокентия (Вениаминова).

Под знаком святителя Иннокентия Московского на факультете филологии и межкультурных коммуникаций организована и поставлена работа по духовно-нравственному образованию и воспитанию. Создан Центр русской культуры «Кириллица». Название «Кириллица» соответствует духу самого факультета русской словесности, оно напоминает об учителях словенских, создателях кириллической азбуки, которой Россия пользуется уже второе тысячелетие – святых равноапостольных братьях Кирилле и Мефодии.

«Кириллица» проецирует свою деятельность в трех направлениях: познавательном, эстетическом и духовно-преобразующем. Центр имеет библиотеку книг, аудио- и видеозаписей по русской православной культуре, приобретены Лицевая библия, учебники по русской духовной культуре, церковно-славянскому языку, словари, информационные издания, необходимые для занятий. Московская Патриархия подарила факультетской библиотеке учебник митрополита Макария (Булгакова) «История Русской Православной Церкви» в 12 томах. В 2005 г. на базе филологического факультета была открыта дополнительная специализация «Русская православная культура», слушатели которой могут в полной мере воспользоваться этой библиотекой.

Первоначальное познавательное направление по изучению основ русской духовной культуры складывается из информационно-образовательных компонентов.

1. Учебная деятельность, чтение курсов «Русская литература и православие», «Философия русского слова», «История православного Забайкалья», «Русская духовная культура» и т. п. способствуют расширению религиозной грамотности, умению логически мыслить,

сопоставлять факты, исторические события, по-новому осмысливать себя как творческую личность в русской культуре.

2. Разработки авторских программ, учебных пособий, информационных изданий дополняет познавательное направление в духовно-нравственном образовании. Такие книги, как «Православное Забайкалье»: учебное пособие [13]; «Казанский кафедральный собор в Чите: история и современность» [3]; «Духовная летопись Забайкалья» [1] и другие, в составлении которых принимали участие преподаватели и студенты ЗабГУ, являются познавательными изданиями. Они способствуют объективному и целостному взгляду на историю Забайкалья, которая была не только каторжная и революционная (от декабризма до пролетариата), но и религиозно-просветительская, церковная.

В 2013 г. в целях информационно-познавательного обеспечения студентов и педагогов Читы и Забайкальского края с участием Центра «Кириллица» были подготовлены и выпущены 20 методических пособий по основам русской православной культуры «Азбука православной культуры» [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Читинская епархия в лице архиепископа Евстафия оказала финансовую поддержку авторскому проекту О. Е. Надеяевой, декану Института развития образования Забайкальского края и научному руководителю проекта Л. В. Камединой, доктору культурологии, профессору ЗабГУ. Методические рекомендации, составленные учеными ЗабГУ и учителями г. Читы, являются дополнительным материалом для школьного курса ОРКСЭ.

3. «Кириллица» предоставляет для студентов, магистрантов, аспирантов методические рекомендации проспекта «Русская культура и православие», состоящие из банка тем для курсовых, дипломных, магистерских работ по духовной тематике, насчитывающие около двухсот наименований. Банк тем регулярно пополняется. Студенты, пройдя через написание самостоятельной работы, освоив соответствующий пласт духовной литературы, признаются, что приобретают определенный духовный опыт для своей жизни, разрешают для себя проблему смысла жизни.

Так, познавательное направление выходит далеко за пределы области познания фактов, явлений, предметов религиозной культуры, но выходит к познанию личностью самой себя, своей духовной сущности и духовной жизни.

4. В ЗабГУ открыта магистратура «Духовно-нравственное воспитание», где читаются лекции магистрантам по православному образованию, воспитанию, культуре, образу жизни и т. п. Организатор магистратуры – доктор педагогических наук, профессор А. В. Рогова.

5. Познавательным ресурсом Центра русской культуры «Кириллица» является регулярно проводимые «Иннокентиевские чтения», которые были учреждены в 1997 г. епископом Читинским и Забайкальским Иннокентием (Васильевым) и университетом, совместно с администрацией г. Читы и городской библиотекой им. А. П. Чехова. Значение конференции заключается в том, что за восемнадцать лет ее существования поднят огромный пласт неисследованных материалов по краеведению, истории Русской Православной Церкви в Забайкалье, миссионерской деятельности монахов и священников, а также освящено по-новому и целостно историческое, литературное, языковое наследие русской культуры. На сегодняшний день издано 11 сборников научных статей и 14 тематических журналов под брендом «Иннокентиевских чтений» [2, 14]. В редакторской работе находятся еще два журнала, один из которых будет посвящен «Культурному миру славянской цивилизации», другой – 70-летию русского забайкальского поэта Михаила Вишнякова. Уникальность конференции состоит в том, что в ней, наравне с учеными, принимают участие школьники, студенты, педагоги. «Иннокентиевские чтения» смогли объединить православную молодежь.

В рамках «Иннокентиевских чтений» продолжают разрабатываться методика преподавания и содержательная составляющая предмета «Основы православной культуры» и его связи с русской историей и литературой. Результатом «Иннокентиевских чтений» стало открытие мемориальной доски, посвященной покровителю Забайкалья святителю Иннокентию, митрополиту Московскому и Коломенскому, на здании бывшего миссионерского училища, где ныне размещаются Преображенский храм и Забайкальская православная гимназия им. святителя Иннокентия Иркутского, которая продолжает миссионерскую работу с молодежью.

Кроме этого, «Кириллица» ежегодно участвует в «Рождественских чтениях», которые проводятся в ЗаБГУ на нескольких площадках. Конференция посвящена духовному образованию. Большой интерес вызывают круглые столы с педагогами, преподающими предмет ОРКСЭ в современной школе, где обсуждаются проблемы методического, педагогического и социального характера.

«Кириллица» проводит семинары для учителей ОРКСЭ г. Читы и Забайкальского края, в том числе и выездные, обучающего характера.

6. «Кириллица» занимается курсами дополнительной специализации «Русская православная культура», открытыми при кафедре литературы в 2005 г. Слушатели курсов являются активными духовными просветителями Центра русской культуры «Кириллица», среди них –

молодежь вузов и ссузов, учителя, врачи, юристы, чиновники, служащие, инженеры, рабочие, пенсионеры. Курс обучения – три года. Среди предметов: «Письменная православная культура», «Русская православная культура и литература», «История РПЦ», «Музыкальная культура РПЦ». По окончании слушатели получают диплом дополнительной специализации государственного образца. За три выпуска удалось подготовить 221 человека.

7. В 2014 г. выпускники курсов дополнительной специализации организовали лекторий «Час православной культуры» для населения г. Читы. Теперь бывшие слушатели курсов православной культуры стали популяризаторами духовных знаний. Ежемесячно в конференц-зале Казанского собора собирается от 60 до 300 человек для прослушивания актуальных лекций с презентациями, обсуждением и вопросами со стороны слушателей. Выпускники курсов организовали свой сайт в ВКонтакте, он называется «Час православной культуры», куда помещают все материалы лекториев. Сайт набирает популярность, среди его активных посетителей есть и священники РПЦ.

8. В рамках работы Центра «Кириллица» осуществляется такое познавательное направление, как празднование Дней славянской письменности и культуры с включенными в него олимпиадой по славянскому языку, концертами духовной музыки и чтением духовной лирики, прозы, а также чтением текстов на старославянском, церковнославянском, древнерусском языках.

Познавательное направление «Кириллицы» ориентировано на ликвидацию духовной безграмотности молодежи, приобщение ее к родным, коренным духовным традициям и ценностям, ограждение личности от навязываемых ложных идей разного рода инновационных деструктивных религиозных организаций, сохранение ее духовного здоровья.

9. «Кириллица» осуществляет сотрудничество со средствами массовой информации. Регулярно подготавливаются публикации статей на православную тематику в светских СМИ, выступления на радио и телевидении. Газета «Культура Забайкалья» предоставила страницу для раздела «Духовные смыслы русской культуры». С января 2015 года страница отведена под «Год литературы», где ежемесячно публикуются статьи на тему «Православие и русская литература», в частности, последняя статья была посвящена теме «Пушкин и Серафим Саровский».

Было прочитано 8 лекций по курсу «Русская литература: православный контекст» на Всероссийском православном канале «Союз» (Л. В. Камедина, д. к., проф. каф. литературы ЗабГУ).

Организатор: программа «Литературный квартал» ТВ «Союз». Лекции пользуются популярностью среди учителей-филологов.

10. Специфическим для факультета является такое направление религиозного образования, как работа с иностранными студентами, в частности, с китайцами. Следует заметить, что в последнее время китайцы стали интересоваться русским православием. «Кириллица» может предоставить им такие знания.

Феноменом современного Китая стало так называемое «культурное христианство». Что это такое? Перед христианскими миссионерами всегда стоял вопрос: как исповедовать Христа в иконе, живописи? Должны ли быть Христос, Богородица, святые похожи на привычные образы или должны создаваться в лицах того народа, к которому пришли миссионеры? Будет ли образ Христа прочитан в западной манере?

История этой проблемы восходит к первым христианским проповедникам в Китае, которые создавали евангельские сюжеты в привычной для Востока манере. Западный мир назвал эту стратегию *инкультурацией*. Так появился новый культурный стиль, изображающий Спасителя, Богородицу, апостолов китайцами. Конечно, христиане-китайцы знают, что Иисус Христос не был китайцем. Изображение евангельских ликов в традиционной китайской манере – это искажение исторической правды. Синодальная дискуссия по проблеме инкультурации пришла к выводу о том, что стиль иконы может сохраняться в традициях Востока, но образы на иконе, картине должны быть европейскими, чтобы не исказить Истину. Однако китайские художники пишут «Благовещение», «Рождество Христово», «Христос у Марфы и Марии» в традиционном стиле гохуа, изображая Богородицу, архангела Гавриила, Иосифа, сестер Лазаря Марфу и Марию китайцами.

К области интереса «культурных христиан» в Китае можно отнести и интерес к православной иконе «Собор святых мучеников китайских», которая написана после причисления к лику святых 222 албазинцев, пострадавших во время боксерского восстания 1900 г. Соответственно, китайцы проявляют интерес и к событиям того времени. Указом Святейшего Синода от 22 апреля 1902 г. было определено на крови первых китайских мучеников устроить в Пекине храм в честь Всех Святых Мучеников Православной Церкви со склепом для погребения, куда и были перенесены мощи невинно убиенных. Был установлен день празднования – 11 июня.

На занятиях или во время экскурсии в храм китайским учащимся разъясняется, что на иконе «Собор святых мучеников китайских»

изображены священник Митрофан с Евангелием, его жена Татьяна, их дети, прихожане православного храма, псаломщики, певчие, учителя. На заднем плане иконы – дом (хижина) отца Митрофана, в котором мученически были убиты православные китайцы, и Успенская церковь Посольской миссии, в которой были захоронены китайские святые. Успенская церковь – это храм-мученик, разрушенный в годы китайской культурной революции и восстановленный в 2009 г. вновь на территории российского посольства. Албазинцы в Китае помнят своих мучеников и часто при крещении принимают их имена. Преподаватели филологического факультета посещают в пасхальные дни албазинские деревни в Китае и встречаются с потомками русских людей, волею судеб оказавшихся в Китае, но сохраняющих русские традиции, в частности, педагоги ЗабГУ посещали «русскую деревню» Энхэ в Хайларский районе. 300 лет православия в Китае – это общая история русских и китайских православных, которая объединяет больше и крепче, чем политические и экономические контакты.

В последние годы большой интерес в Китае возник к русскому живописному искусству. Китайцы, например, закупают в больших количествах полотна читинских художников и распространяют их по всему Китаю и китайскому зарубежью. С другой стороны, читинские художники стали рисовать русский Харбин для китайского и российского зрителя. Так, известный читинский художник Леонид Степанович Рыжов (1932–2011) в последние годы своей жизни создал полотна, написанные под впечатлением от поездок в Харбин. Наибольшего внимания заслуживают работы, на которых представлен Русский Харбин: это такие картины, как «Православный храм св. Николая в Харбине», «Харбин. 1926 г. Город русских эмигрантов», «Харбин 1910 года. Русские торговые ряды в центре города», «Харбин 1920 года». Все они о русском пути эмигрантов, заброшенных революцией в китайское пространство. В этом чужом пространстве русские люди сохранили самое святое – церкви, т. е. традиции и соборное общение. Внешне люди выглядят вполне счастливо, однако, трагедию эмиграции Л. Рыжов смог передать при помощи одной талантливо найденной детали. При рассмотрении картины видно, что люди не стоят на земле, а словно парят в воздухе. Они не отбрасывают теней, выглядят чужими, словно вырезанными из другой, «своей» картины и вставлены в эту. В противовес людям художник изобразил рикшу в центре дороги, который смотрится очень динамично, является единым целым с изображением города, а тень от рикши темным пятном «впечатывается» в дорогу. Ей художник уделяет особое внимание. Дороги Харбина длинные, широкие, ровные, невероятно светлые

и цветные. Это не русские дороги с их ямами и изломами, символизирующими страдания. В дождливую погоду мокрая светлая дорога, холодная, ровная и зеркальная, скорее похожа на лед, нежели на землю. В пейзажных зарисовках Л. Рыжова всегда манящий горизонт. В представлениях русского человека, он всегда что-то обещает, вселяет надежду. Притягивает не столько горизонт, сколько то, что за ним скрывается, некая домысленная реальность, надежда увидеть сокровенное. Эта психологическая, нравственная подоснова пейзажного мотива художественных произведений Л. Рыжова. В работах харбинской серии читинского художника отображаются духовные ценности русского народа, раскрывается тема одиночества, страданий, а также любви к утраченной Родине. Для китайца же – это популяризация китайского мира в русском зарубежье, явление многообразия форм «культурного христианства».

Глубина христианского учения китайцу непонятна вследствие его исключительной привязанности к житейским интересам. Однако в этике можно найти точки соприкосновения христианства с конфуцианством. Некоторые представители китайской элиты соглашались с тем, что духовные традиции христианства и конфуцианства совместимы. В 1970-е гг. и на Западе, и в китайских церковных кругах возник интерес к конфуцианско-христианскому и даосско-христианскому диалогам, начались новые сопоставления, сравнения, уже учитывающие реалии современного мира и его культуры. В этом диалоге для России очень важны труды русских миссионеров по китайской истории, культуре, потому что в этих трудах многие проблемы китайской духовности осмыслены очень глубоко. Читинские студенты и аспиранты, обучающиеся в СПбДА, работают над подобными темами исследования.

Факультет филологии и массовых коммуникаций проводит в год 2-3 конференции, совместно с китайскими учеными, аспирантами, магистрантами и студентами [12].

Второе направление – эстетическое образование и воспитание молодежи средствами духовной культуры. Это направление представлено в оформлении кабинета Центра русской культуры «Кириллица»: эстетике православной книги, духовной красоте русской иконописи, нравственно-эстетической русской домостроительной традиции.

В эстетическое направление деятельности «Кириллицы» по духовно-нравственному образованию и воспитанию молодежи входят:

– экскурсии в православный храм, которые устраиваются для студентов, школьников, учителей, гостей города, для иностранных студентов;

– посещение концертов духовной музыки;

– посещение музейных выставок сибирской иконописи;

– просмотр и обсуждение кинофильмов на духовную тематику;

– участие студентов в музыкально-литературных вечерах в библиотеках г. Читы с чтением духовных текстов, стихов;

– организация креативной студенческой пасхальной ярмарки с авторскими поделками: раскраской пасхальных яиц, украшением пасхального кулича и пасхи, чтением специально подготовленных слоганов на тему праздника Пасхи.

Знакомство с красотой храма, иконы, православного богослужения, участие в православном празднике оказывают благотворное духовно-преобразующее воздействие на личность. Русь приняла православие в X в., руководствуясь эстетической составляющей христианского богословия. До сих пор этому направлению придается важное значение.

Третье направление является **духовно-преобразовательным**. Оно направлено на одухотворение знаний и постижение духовной сущности предметной и материальной культуры Русской Православной Церкви. Поднимаясь на духовную ступень *Лестницы* духа, личность способна ответить на главные вопросы своей жизни: почему личная жизнь должна быть включена в жизнь Церкви, в пространство русской православной культуры? что дает познание духовной красоты для самой личности? почему жизнь каждого должна быть включена в жизнь национального Бытия?

Центр русской культуры «Кириллица» решает трудную проблему в области духовно-нравственного образования и воспитания молодежи – соединение в непротиворечивом диалоге светской и религиозной культур. Проблема, завещанная XIX в., не решена до сих пор. Для ее решения нужны усилия и Церкви, и людей культуры, и государства. Для Забайкалья постановка проблемы и пути ее решения уходят своими корнями в миссионерскую деятельность Апостола Сибири и Америки Иннокентия (Вениаминова) и продолжается в делах современных последователей деяний Святителя на восточных землях. Начало, положенное выдающимся миссионером современности архиепископом Виленским и Литовским Иннокентием (Васильевым), который придал миссионерской работе с забайкальской молодежью упорядоченный и системный характер, стало проводником православной миссии в Забайкалье. Просветителями духовных знаний стали священники, преподаватели вузов, кандидаты и доктора наук, учителя, врачи,

работники культуры, журналисты, военнослужащие, пенсионеры, государственно мыслящие православные люди.

Таким образом, Центр русской культуры «Кириллица» был создан не на пустом месте. Он является продолжателем тех начинаний, которые были робкими шагами в начале 1990-х гг. Работа Центра направлена на заполнение вакуума духовного образовательного и культурного пространства, на воспитание духовно целостной личности, на борьбу с навязываемыми религиозными стереотипами, на обеспечение национальной безопасности, в сфере духовной безопасности, на предупреждение от столкновения с деструктивными религиозными организациями, наносящими вред духовному и физическому здоровью личности, на защиту от современных технологий манипуляции сознанием. Духовно-образовательный центр «Кириллица» способствует нахождению одного из возможных путей стабилизации жизни, обращает внимание на духовные основы бытия личности, помогает ей «собраться» в цельную натуру, поставить «святое» на первое место в жизни, осознать свое бесконечное духовное совершенствование, свою ответственность в общем духовном смысле жизни русского народа.

Литература

1. Духовная летопись Забайкалья. Чита: Читинская и Забайкальская епархия РПЦ; Екатеринбург : Екатеринбургская епархия РПЦ, 2009. 456 с.
2. Иннокентиевские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Иннокентия (Вениаминова) : сб. ст. Чита : ЗГПУ, 1998. 96 с.
3. Казанский кафедральный собор в Чите : история и современность. Чита : Экспресс-издательство, 2006. 256 с.
4. Камедина Л. В. Библия: книга книг в духовной культуре человечества : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 31 с.
5. Камедина Л. В. Годовой круг праздников: история, икона, народные традиции : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 40 с.
6. Камедина Л. В. Культурно-ценностная динамика христианства : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 64 с.
7. Камедина Л. В. Православное учение о человеке: метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 64 с.
8. Камедина Л. В. Русская православная церковь: структура, литургическая символика : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 40 с.

9. Камедина Л. В. Русская литература и Православие: темы для исследования : метод. рек. к курсу «Русская литература». Чита : УМЦК и НТ, 2015. 15 с.

10. Камедина Л. В. Русский храм : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 40 с.

11. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России : [сайт]. М., 2014. URL <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>.

12. Иннокентиевские чтения. Православие в Китае. Чита : ЦГБ им. А. П. Чехова, 2013. 95 с.

13. Православное Забайкалье : учеб. пособие. Чита : Экспресс-издательство, 2004. 273 с.

14. X Иннокентиевские чтения. Святитель Иннокентий (Вениаминов): деяния, наследие, современность. Чита: ЦГБ им. А. П. Чехова, 2007. 337 с.

УДК 821.161.1+281.93

*А. М. Любомудров**

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ. ПРОЕКТЫ РУССКИХ КЛАССИКОВ

В статье рассматриваются попытки классиков русской литературы создать художественные произведения, выполняющие миссионерскую роль.

***Ключевые слова:** русская литература, Гоголь, Достоевский, Шмелев, Зайцев, православие, миссионерство.*

Alexey M. Lyubomudrov

LITERATURE AS ORTHODOX MISSION. PROJECTS OF THE RUSSIAN CLASSIC WRITERS

Some attempts of classical Russian writers to create the works of art which are carrying out a missionary role have been considered.

***Keywords:** Russian literature, Gogol, Dostoyevsky, Shmelyov, Zaytsev, Orthodoxy, missionary work.*

** Любомудров Алексей Маркович, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург. Lyubomudrov Alexey M., doctor of philology, leading researcher of the Russian Literature Institute of the Academy of Science (Pushkinskiy Dom), Saint-Petersburg. E-mail: anketaspb@yandex.ru*

В процессе секуляризации художественное творчество вышло из сферы религиозной, обрело автономность и вместе с тем получило огромный авторитет в общественном сознании – по крайней мере, в России. Литература стала поучать и пророчествовать, влиять на умы, все более тесня Церковь с поля, некогда всецело ей принадлежавшего. Этот «выход из храма» оказался столь широким и значительным, что в начале XX в. некоторые отечественные мыслители поставили вопрос о новом воцерковлении культуры. Речь шла о христианизации различных ее сфер, включая литературу, забывшую об Истине Христовой. Фигурально выражаясь, впору было высылать миссионеров в среду творческих личностей, проповедовать деятелям искусства. 1917 год прервал эти начинания.

Тем не менее известны случаи, когда светская художественная литература предпринимала попытки учить своих читателей вере христианской, и писатели, таким образом, становились миссионерами. Это весьма интересное явление заслуживает описания и осмысления.

Уточним понятия. Речь пойдет только и именно о православном миссионерстве. Как сформулировано в определении, «миссия есть деятельность по распространению православной веры, воцерковлению людей для новой жизни во Христе и передаче опыта богообщения» [11]. Иначе говоря, задача миссионера – нести в мир Божие Слово и свет Евангелия. Такая миссия подразумевает, естественно, передачу знаний о христианской онтологии, догматике, антропологии, экклезиологии, эсхатологии.

Зададимся вопросом: а способна ли в принципе осуществлять такую миссионерскую роль художественная литература? Наиболее строгие суждения находим у свт. Игнатия Брянчанинова. Необходимым условием для «христианина-художника» он считал очищение души, побуждая литератора в чем-то уподобиться древнерусскому иконописцу, который готовился к написанию иконы долгим аскетическим подвигом: «Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу» [8, с. 546]. К попыткам светских художников (преимущественно XVIII в.) говорить о Боге он относился крайне негативно: «Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они – какое преступление: переоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный!» [7, с. 474]

Любопытные суждения оставил преп. Варсонофий Оптинский: «...Лучшие наши писатели стремились к Богу, хотя теперь как-то забыли об этом, и студенчество сейчас ничего не читает, а о Шекспире и Пушкине и понятия не имеют. А эти писатели могли поднять их от

будничной, серой, обыденной жизни и привести к Богу. Впрочем, надо сказать, что такое чтение хотя и может довести до мыслей о Небе, но ведет оно все-таки окольными путями» [2]. Здесь о. Варсонофий имеет в виду миссию не прямую, а опосредованную. В принципе, любое произведение искусства и, шире, явление реальности может неисповедимыми путями Промысла подтолкнуть человека к познанию христианства, привести к Евангелию. Но в данной работе речь пойдет именно о тех случаях, когда писатель *сознательно* создавал произведение с миссионерской целью.

В истории русской литературы было несколько таких проектов. Если говорить о классике, первым художником-миссионером был, несомненно, Н. В. Гоголь. Главная идея замысла «Мертвых душ» – показать духовное воскресение павшего человека. «И, может быть, в сем же самом Чичикове <...> заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес» [4, т. VI, с. 242], – предсказывает автор грядущее возрождение своего героя. Гоголь ставил задачу глобально: указать дорогу к Богу всем малoverующим или равнодушным к христианству. Духовное воскресение героев должно было послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества, и автор не раз подчеркивал высоту своей миссии: «не земная воля направляет путь мой» [4, т. XI, с. 46].

Невозможность осуществить такой замысел стала личной трагедией писателя. Дошедшие до нас главы второй книги «Мертвых душ» куда менее выразительны, чем первой. Попытки показать начало «воскресения» Чичикова оставляют ощущение ходульности, неловкости, как в репликах этого героя: «даю вам слово начать другую <жизнь> <...> буду делать добро, сколько будет сил. Позабуду себя и всякие городские объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь» [4, т. VII, с. 114].

Подмена художественности поучением, сухое проповедничество – эти упреки даже близкие друзья Гоголя обращали к «Выбранным местам из переписки с друзьями», где автор тоже говорил о пути спасения. В письме к В. А. Жуковскому Гоголь признавался: «В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни» [4, т. XIV, с. 36]. Здесь выражена важнейшая мысль. Видимо, христианская истина в светском искусстве, в творчестве художественном может быть отражена – в известном приближении, конечно, – с помощью образа. А проповедь, снижая уровень художественности, часто вызывает и читательское отторжение.

Была и еще одна причина неудачи «православной миссии» Гоголя. Он, по словам И. Ильина, «по отношению к человеку застыл в *очистительном “нет”*, противился тому, чтобы сердце его пело в любви, а ведь никогда и никому из художников не удавалось ухватить и изобразить положительное иначе, чем способом *созерцания любящим сердцем*» [10, с. 274]. Работая над «Мертвыми душами», Гоголь постепенно осознал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удаться. Видимо, поэтому преподобный Амвросий Оптинский «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем <его> писанию» [3, с. 338].

Трудно сказать, скольких читателей подвинули к вере художественные шедевры Гоголя – «Ревизор», «Мертвые души», «Петербургские повести». Но, наверное, ни один другой писатель не привлек столько людей к вере и к церкви, как Достоевский. В этом смысле его творчество объективно выполняло и, может быть, продолжает выполнять функцию миссионерскую.

Соединение писательского таланта и религиозно-философских взглядов было новым, непривычным в секулярном обществе XIX в. Достоевский первый из классиков стал глубоко и серьезно говорить о Христе. Он открыл глубины человеческой души, неведомые дотеле светским писателям. Грех, страсть, их последствия – всесторонне постигнуты и описаны в его романах. Впервые в отечественной литературе одним из главных героев стал монах – старец Зосима. Образ этого старца и монастырской жизни на десятилетия определили контекст русской словесности (породив художественную полемику Толстого, Горького, Леонова и др.)

Ставил ли Достоевский православно-миссионерские задачи? Прямых деклараций у него не встретим, но определенные цели, обращенные к современнику, у него конечно были. Вспомним, например, разъяснение того, что такое старчество на первых страницах «Братьев Карамазовых». Для многих Достоевский стал дверью, ведущей в храм.

Вместе с тем не случайно не прекращаются споры о том, насколько полно и точно Достоевский выразил православное мироотношение. Прислушаемся к словам митрополита Анастасия (Грибановского): «При потрясающей силе своего драматического таланта он ослепительно ярко обнажает перед нами зло от всех его покровов и так глубоко перевоплощается в своих отрицательных героев, как бы срастаясь духовно с ними, что это чувство невольно переживает читатель <...> Из его творчества течет одновременно и горькая, и сладкая вода. Не подлежит сомнению, что в своей личной жизни он преодолел злую

стихию, но он не передает этого чувства другим и не придает ему захватывающей и побеждающей силы» [1].

В творчестве Достоевского слабо выражено понятие о Церкви, ее мистической реальности: персонажи его знаменитых романов крайне слабо связаны с живым телом Церкви, как будто не знают о существовании церковных таинств. Старцы Тихон, Зосима – люди душевно чуткие, пронизательные, тонкие психологи, но основа подлинного старчества совершенно иная. Замысел изобразить «положительно прекрасного человека» (в образе князя Мышкина) многие принимают за намерение показать человека-христианина. Но у этого героя нет твердой основы – христианской веры во всей ее полноте, осуществляемой на практике. А без нее любая моральная высота, нравственная безупречность оказываются несостоятельными перед лицом зла – и князь терпит катастрофу, не выдерживает борьбы с «духами злыми поднебесными», точнее, просто не ведет ее.

Часто говорят: писатель не обязан быть богословом, не требуйте от его произведений полного соответствия церковным догматам и т. п. И это совершенно справедливо. Никто этого от писателя, конечно, требовать не вправе. Наоборот, гораздо чаще сегодня можно встретить литературоведов, для которых тот или иной классик становится мерилom и образцом «православности». Вот где нужно помнить о заповеди «не сотвори себе кумира». Между тем для некоторых Достоевский стал именно кумиром.

Если писатель выражает не вполне православное мировидение, если где-то его художественные идеи расходятся с вероучением – надо об этом спокойно сказать. *Не осуждая, но рассуждая*, ведь задача науки и состоит в установлении объективных фактов. И это совершенно необходимо, если речь идет о миссионерстве. Православное миссионерство – это все-таки ознакомление с Истиной. А если из книги читатель усвоит идею о грядущем вселенском братстве людей на земле, без всякого намека на Страшный суд? А если решит, что грех как бы необходим для спасения, и без падений в бездны нет и воскресения души? А ведь эффект воздействия от идеи, облеченной в яркую форму, во много крат выше, чем от рационального манифеста. Все это нужно учитывать миссионерам – педагогам воскресных школ или семинарий, если они берутся знакомить учеников с наследием классиков.

Во многих отношениях близок Достоевскому Иван Сергеевич Шмелев. Он пережил увлечения позитивистскими идеями, социализмом, вернулся к детской православной вере. Хотя и у него оставались вопросы «о Боге», над разрешением которых он бился до конца жизни. Все его творчество – поиск Правды, поиск Бога, поиск

спасения. При этом для Шмелева православие было неотделимо от России. Человек необычайно страстный, искренний, творчество которого называли «исповедью обнаженного и раненого сердца», – Шмелев безусловно принадлежит к типу писателя-миссионера.

Книга «Лето Господне» – прекрасный и один из лучших по сегодняшней день образцов высокой художественной прозы и одновременно литературы миссионерской. В ней широко представлено воцерковленное бытие, жизнь, пронизанная духом веры, благодати, православия. Шмелев всей душой мечтал о том времени, когда его книги разойдутся по России: «Если бы там отворилось... Знаю: мои “Богомолье” и “Лето Господне” были бы в каждом русском домике, пошло бы по всеям-градам и умягчало бы, *светило* бы душам <...> открывало бы радости сотворенного, учило бы *молиться*...» [9, с. 478]. Несение света истины, научение молитве – это ведь и есть цели миссионерские.

И эта мечта писателя сбылась: «Лето Господне», когда пришло в Россию, стало настольной книгой, энциклопедией для тысяч русских людей. Несправедливо видеть в ней только бытописание. Шмелев показывает, как в сознании ребенка, маленького Вани, формируются важнейшие, базовые понятия – греха, покаяния, святости, небесного покровительства, благодати. Вспомним сцену первой исповеди Вани. И здесь же мы находим прекрасный, редкий в русской литературе образ воцерковленного человека – плотника Горкина.

Миссионерскую задачу выполняют и другие замечательные книги Шмелева – «Старый Валаам», «Куликово поле», «История любовная», «Няня из Москвы». Но Шмелев – автор и другого уникального проекта. Речь идет о создании нового типа романа, целиком основанного на сознательно-православном мировоззрении – «Пути небесные». Шмелев стремился дополнить мир русской классики отсутствующей в нем темой – обретения христианской веры и отсутствующим в ней героем – православным воцерковленным человеком. Свою экспериментальную книгу автор называл «первым опытом православного романа»: «Все должно быть вобрано в ткань эпического романа, духовного романа... Знаю: такое не удалось ни Достоевскому, ни Леонтьеву, ни Лескову, ни Гоголю» [9, с. 479]. Этот роман, несомненно, сыграл известную миссионерскую роль. Когда книга Шмелева пришла в Россию, возникла некоторая эйфория. Впервые в русской литературе появился воцерковленный православный персонаж – Даринька Королёва. Вся ее жизнь связана с верой, церковью, молитвой, это действительно новый тип героя – верующий человек, ведущий напряженную духовную жизнь. Вместо психологизма в его толстовском, Достоевском или Чеховском

варианте в основу положено православное аскетическое мировоззрение, христианская антропология. Жизнь героев предстает как «духовная брань» со своими страстями и похотями.

Но если взглянуть сегодня на этот роман трезво – откроются и весьма опасные, с точки зрения миссионерства, вещи. Расходится с христианским пониманием Промысла, который герои и автор видят как предопределение свыше и часто называют «Планом». Мысль о предназначении каждого явления уводит от представления о Промысле и свободной синергии Бога и человека. Персонажи «Путей небесных» часто склоняются к мысли о фатальной предначертанности явлений, в том числе и грехопадений. Но Божественная воля не может вести к совершению греховных дел.

Тема покаяния, в христианской этике необходимо предполагающего отказ от греха, осталась не до конца реализованной. Ведь Даринька находится в грехе незаконного сожителства с венчанным человеком, и нарушение заповеди начинает художественно оправдываться. «Читатель вправе подумать, что можно совершать “путь восхождения”, преступая заповедь Божию», – справедливо пишет прот. Сергей Гомаюнов [5, с. 119]. Во втором томе духовная составляющая романа все более отдалается от христианского миропонимания. Образ Дариньки, кающейся и смиренной грешницы, постепенно вытесняется образом святой, творящей даже чудеса, и героиня предстает одним из воплощений Вечной Женственности. Влияние Серебряного века с его утонченной образностью, душевностью, нецерковной мистикой, наследие эстетики символизма прямо и косвенно сказалось на этом «духовном романе».

В литературе русского зарубежья есть еще один художник, который ощущал себя миссионером, причем именно православным. Это Борис Константинович Зайцев.

Оказавшись в 1922 г. в эмиграции, Зайцев открывает «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда» [6, т. IX, с. 17]. Отныне свою миссию русского писателя-изгнанника он осознает как приобщение и соотечественников, и западного мира к тому величайшему сокровищу, которое хранила Святая Русь, – православию; как «просачивание в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного «глазка» с древа России...» [6, т. IX, с. 87]

Эту задачу художнику удалось реализовать едва ли не во всех жанрах: это замечательные романы «Золотой узор» и «Дом в Пасси», рассказы, повести, жития святых, паломничества, автобиографическая и мемуарная проза, литературные портреты, критика, очерки, публицистика. Художественным предметом Б. Зайцева стала «Святая

Русь» – комплекс эстетических, мировоззренческих, религиозных, философских, национальных, культурных компонентов, базирующийся на православном христианстве как абсолютной Истине. Преимущественное внимание художника сосредоточено на передаче таких граней православия, как смирение, кротость, духовная красота, покой. В центре творческих интересов писателя – православное монашество, смысл аскетического делания.

В частности, книга Зайцева «Афон» стала лучшим описанием Святой Горы в литературе XX в. Во вступлении к ней находим программное заявление автора: «...Богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. <...> Я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал» [6, т. VII, с. 76]. Зайцев воплощает в своих очерках лишь внешнюю сторону святынь (связанную, конечно, с их внутренней красотой), передает лишь впечатления и ощущения «путешественника», надеясь, что читатель заинтересуется малоизвестным ему предметом и получит толчок к более глубокому, опытному познанию православного христианства.

Миссионерская сверхзадача Зайцева – воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия. Она тонко скрыта под внешней, светской оболочкой. Его «эстетическая проповедь» выражается в преимущественном воссоздании красоты, благолепия православной веры, он обращается к чувственной, эмоционально-душевной сфере читателя, отказываясь от всякого поучительства.

Установка на переживание Истины была вполне сознательна, и среди заметок писателя встречается ее теоретическое обоснование. Задача искусства, по Зайцеву, – не объяснить, а показать Истину, подвести к ней. Это развитие одной из глубоких традиций православной эстетики, воплощенной и в средневековом искусстве иконописи, и выраженной, например, в мысли Достоевского о том, что Истину нельзя доказать, но можно «увидеть». К этому же выводу, напомним, пришел и Гоголь: «говорить живыми образами, а не рассуждениями». По-видимому, это наиболее плодотворный путь для литературы как миссии.

Таковы наиболее показательные миссионерские проекты русских писателей. Интересно будет познакомиться с новыми подобными опытами. Мы знаем художников, которые прямо позиционируют себя как миссионеров. Например, В. Н. Крупин еще в 1995 г. откровенно заявил: «Теперь, уже насовсем, литература для меня – средство и цель приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову» [12, с. 90].

Сегодня постепенно возникает целый пласт «священнической» художественной литературы. Но пока миссионерская задача решается в жанрах публицистики, очерка, короткого рассказа. Появятся ли в нашей литературе крупные романы или повести, которые при должном художественном уровне успешно осуществят и православную миссию, покажет время.

Литература

1. Анастасий (Грибановский) (архиеп.). Беседы с собственным сердцем : (размышления и заметки) [Электронный ресурс] // Русский иннок : сетевой журн. 1998. URL: www.russian-inok.org/books/anastasiy.html.

2. Варсонофий Оптинский. Духовное наследие [Электронный ресурс]. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004. 367 с. URL: <http://predanie.ru/lib/book/105689/>.

3. Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей // Н. В. Гоголь и православие / сост. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М. : Отчий дом, 2004. С. 306–339.

4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952.

5. Гомаюнов С. А. «Вниди и в меня, Господи!». Вера и церковь в творчестве И. С. Шмелева. Киров, 2009. 128 с.

6. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1999–2001.

7. Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова : в 3 т. Т. 2 : Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с монашествующими. М. : Паломник, 2011. 704 с.

8. Игнатий (Брянчанинов). Христианский пастырь и христианин художник // Брянчанинов И. Полное собрание творений и писем : в 8 т. Т. 5. М. : Паломник, 2014. С. 544–549.

9. Ильин И. А., Шмелев И. С. Собрание сочинений : переписка двух Иванов : в 3 кн. [доп. т. 4]. М. : Рус. книга, 2000. Кн. 2 : 1935–1946 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. 576 с.

10. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Рус. книга, 1997. Т. 6, кн. 3 : [О России и русской душе ; Гении России]. 560 с.

11. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. М. : Рус. Православ. Церковь. Отд. внешних церков. связей, [Б. г.]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/church-mission/>.

12. Крупин В. Н. Слава Богу за всё : путевые раздумья // Наш современник. 1995. № 1. С. 89–101.

ВЫСТАВКА «СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ) – МИССИОНЕР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ»

В статье дается краткий обзор выставки, подготовленной сотрудниками отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» совместно с Национальным архивом Республики Саха (Якутия). Выставка посвящена митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию (Ивану Евсеевичу Попову-Вениаминову), основным этапам его жизни и миссионерского пути.

Olesya A. Mikhaylova

«ST. INNOCENT (VENIAMINOV) – THE MISSIONARY, THE RESEARCHER, THE EDUCATOR». THE EXHIBITION

In article the short review of the exhibition prepared by the staff of Department of use of documents and works with addresses of citizens and the organizations of State Archive of the Irkutsk region together with National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) is given. The exhibition is devoted to Innocent (Ivan Evseevich Popov-Veniaminov), Metropolitan of Moscow and Kolomna, the main stages of his life and a missionary way.

Выставка охватывает иркутский и якутский периоды жизни святителя Иннокентия и состоит из нескольких разделов. В первом разделе выставки, «Семья Поповых», представлены выявленные документы ГАИО: о составе семей деда И. Е. Попова Иоанна Иоанновича Попова и дяди Дмитрия Иоанновича Попова в соответствии с ревизией 1782 г. из архивного фонда Иркутской духовной консистории; актовые записи из метрических книг Ангинской Ильинской церкви о рождении самого Ивана Евсеевича Попова (рис. 1) и его родных братьев Григория, Маффея и сестры Анны; фото утраченного родительского дома Поповых и Ангинской Ильинской церкви из личного фонда священника Николая Александровича Пономарёва.

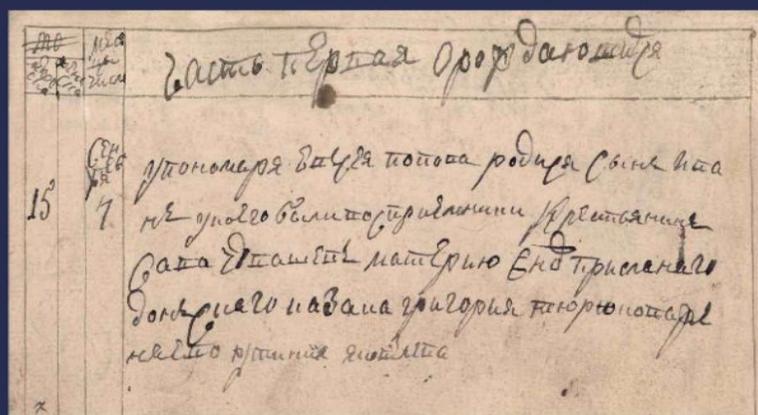
**Михайлова Олеся Андреевна, гл. архивист ОГКУ «Государственный архив Иркутской области», г. Иркутск.*

Mikhaylova Olesya A., leading researcher of archives, RSSI State Archive of the Irkutsk region, Irkutsk.

E-mail: ogugaio@mail.ru

Метрическая актовая запись № 15 о рождении 7 сентября 1797 г. Ивана Евсеевича Попова.

Основание: ОГКУ ГАИО, фонд 50, опись 3, дело 222, лист 95оборот.

«7 Сентября.

У пономаря Евсея Попова родился сын Иван. У него восприемниками были крестьянин Савва Чувашев, матерью присланного донского казака Григория Трюкова жена его Иустиния Яковлевна».

Дата рождения 26 августа отмечена биографом Иваном Барсуковым со слов самого святителя Иннокентия.

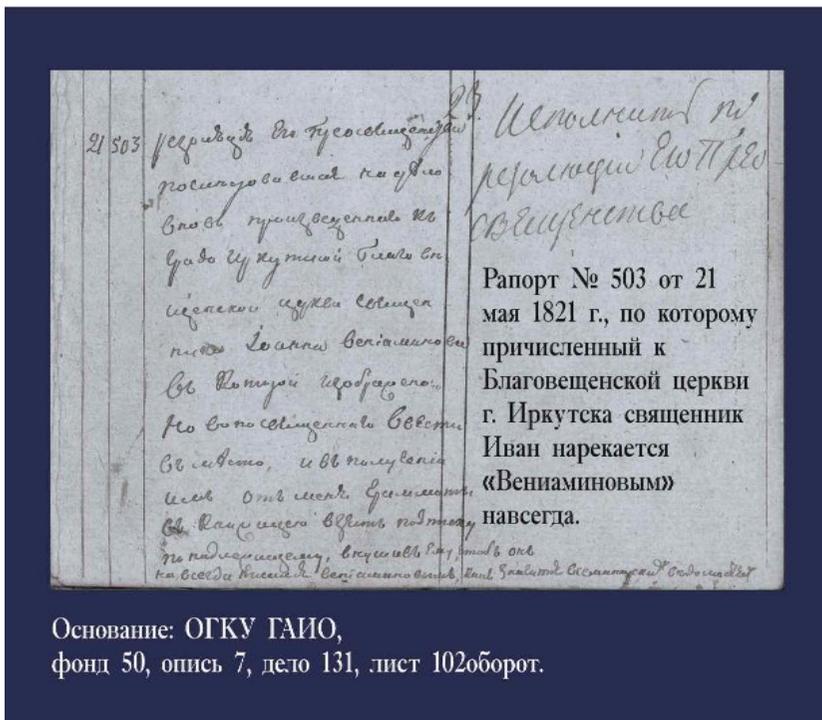
Рис. 1

В разделе «Музейный комплекс в селе Анга» показан отреставрированный в рамках национального проекта «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)» деревянный дом дяди И. Е. Попова – Дмитрия Иоанновича, в семье которого жил мальчик после смерти своего отца в 1803 г., и деревянная часовня. Восстановленная изба постройки второй половины XVIII в. дает представление о начальном периоде жизни Иннокентия: о жизни скромной и небогатой, ничем не отличавшейся от быта остальных ангинских крестьян.

Далее в разделе «Обучение в Иркутской духовной семинарии и служба в Иркутской Благовещенской церкви» собраны документы ГАИО из архивного фонда Иркутской духовной консистории об обучении в семинарии Ивана, где он был наречен Вениаминовым, по причине большого количества учащихся с фамилией «Попов», и о службе после окончания семинарии в 1817 г. в Благовещенской церкви г. Иркутска дьяконом, а с мая 1821 г. – священником.

В раздел вошли следующие документы:

- годичная ведомость о студентах и учениках Иркутской духовной семинарии за 1817 г., в которой диакон Иван Вениаминов отмечен как способный и прилежный студент, успешно учащийся в семинарии с 8 марта 1808 г.;
- прошение Вениаминова о благословении на брак и рукоположении его в дьяконы Иркутской Благовещенской церкви от 21 марта 1817 г.;
- ставленический допрос Вениаминова на указанную должность;
- рапорт от 21 мая 1821 г., по которому причисленный к Благовещенской церкви г. Иркутска священник Иван нарекается «Вениаминовым» навсегда (рис. 2);
- рапорт от 8 октября 1821 г. о первом крещении священником Вениаминовым инородца;
- фрагменты метрической книги Иркутской Благовещенской церкви о родившихся и бракосочетавшихся, которых соответственно крестил и венчал Иван Вениаминов.

Основание: ОГКУ ГАИО,
фонд 50, опись 7, дело 131, лист 102 оборот.

Рис. 2

Самый масштабный раздел выставки – «Миссионерский и просветительский путь» – поделен на подразделы по территориальному принципу, в зависимости от места деятельности святителя Иннокентия. В первом из подразделов «Русская Америка (Аляска)» продемонстрированы полные и фрагментарные документы ГАИО из архивного фонда Иркутской духовной консистории о посещении Иваном Вениаминовым колонии Росс (Калифорния); об опубликовании и распространении среди прихожан Уналашкинской и Атхинской церквей издания Евангелия от Матфея на алеутском языке (рис. 3, 4); о переводе на службу священника Ивана Вениаминова в г. Ново-Архангельск (в настоящее время г. Ситка, штат Аляска) и путевой журнал Вениаминова, который он вел на пути следования в Дионисиевский Редут с 23 октября 1837 по 29 апреля 1838 г.

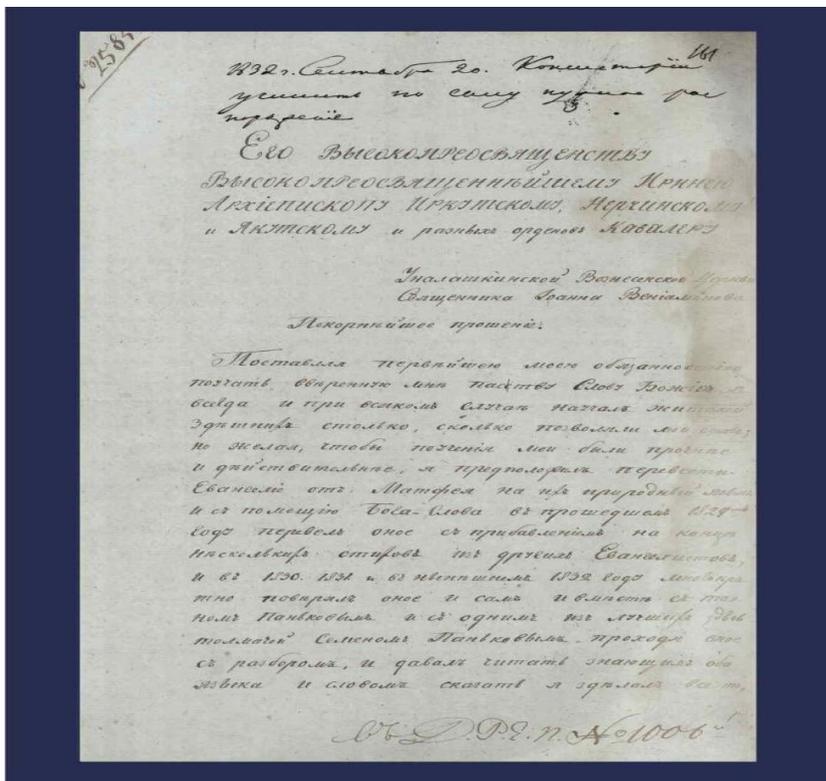
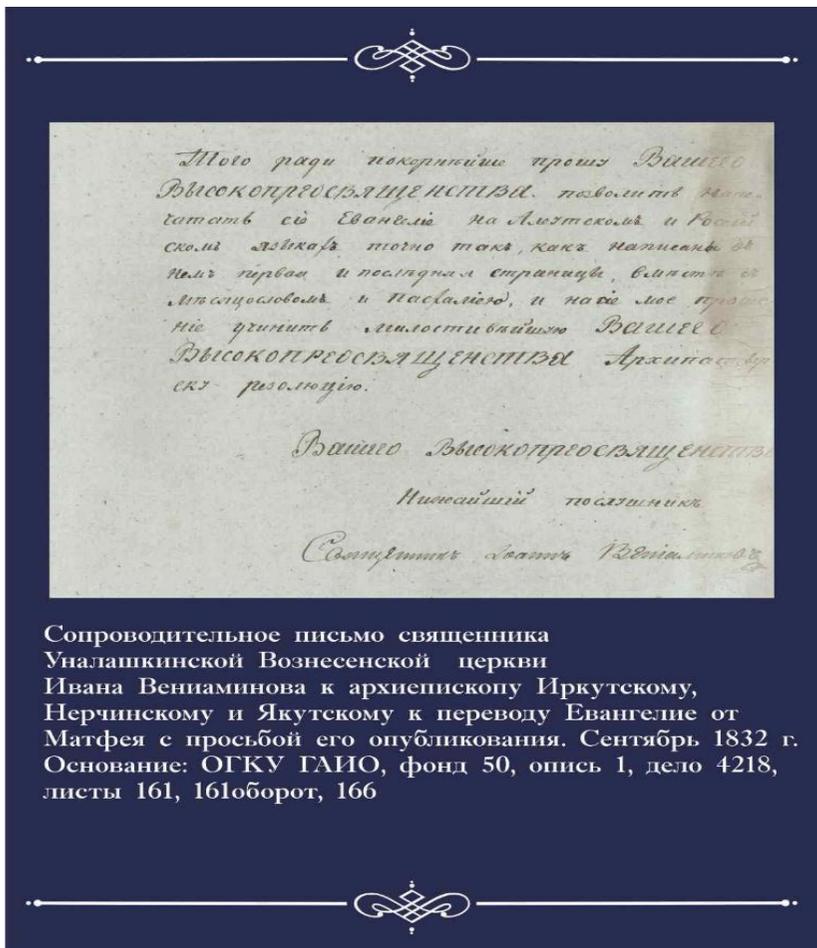

Рис. 3

Сопроводительное письмо священника
 Уралашкнской Вознесенской церкви
 Ивана Вениаминова к архиепископу Иркутскому,
 Нерчинскому и Якутскому к переводу Евангелие от
 Матфея с просьбой его опубликования. Сентябрь 1832 г.
 Основание: ОГКУ ГАИО, фонд 50, опись 1, дело 4218,
 листы 161, 161оборот, 166

Рис. 5

Миссионерская деятельность святителя Иннокентия в Якутской области подробно освещена в выставке документами из архивных фондов Якутского духовного правления, Камчатской духовной консистории, предоставленными Национальным архивом Республики Саха (Якутия).

Среди документов:

- письмо архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия об открытии пакета и прочтении указа о причислении Якутской области к Камчатской епархии (29 мая 1852 г.) (рис. 6);

- донесение Святейшему Синоду от архиепископа Иннокентия о выезде в г. Якутск назначенного протоиерея Петра.

О миссионерской деятельности архиепископа Иннокентия на российской территории Приамурья сообщают документы подраздела «Амур» из архивного фонда Главного управления Восточной Сибири, семейного фонда секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Николая Дмитриевича Свербеева и Зинаиды Сергеевны Свербеевой (урожд. Трубецкой):

- переписка с генерал-губернатором о необходимости причисления священника на р. Зея (рис. 7–8);

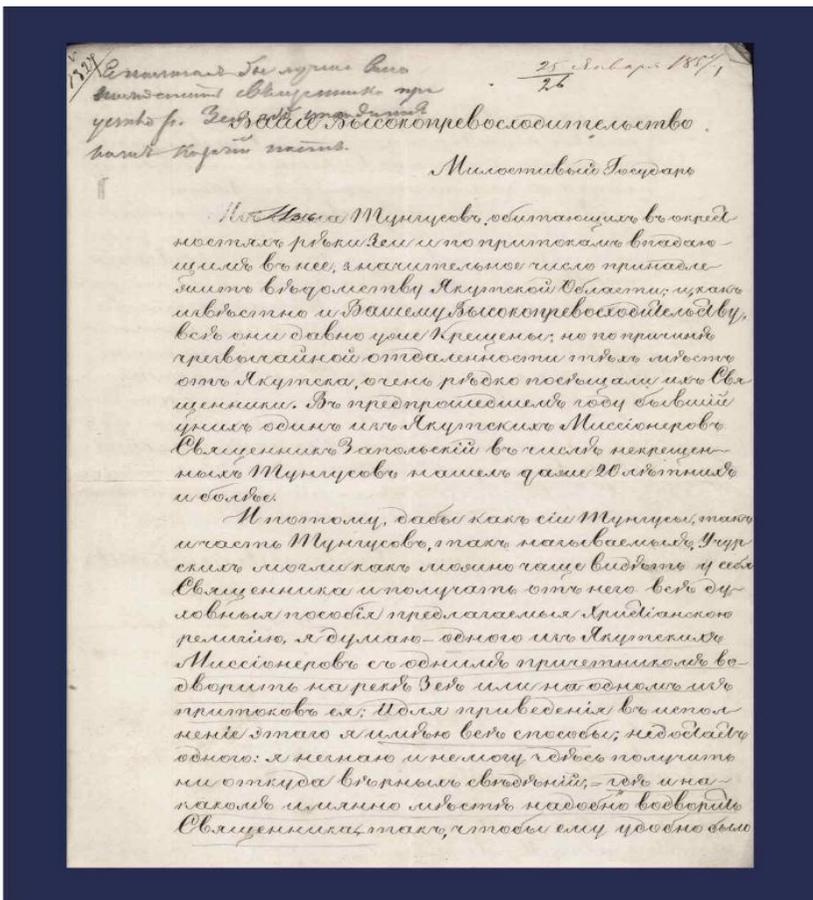

Рис. 7

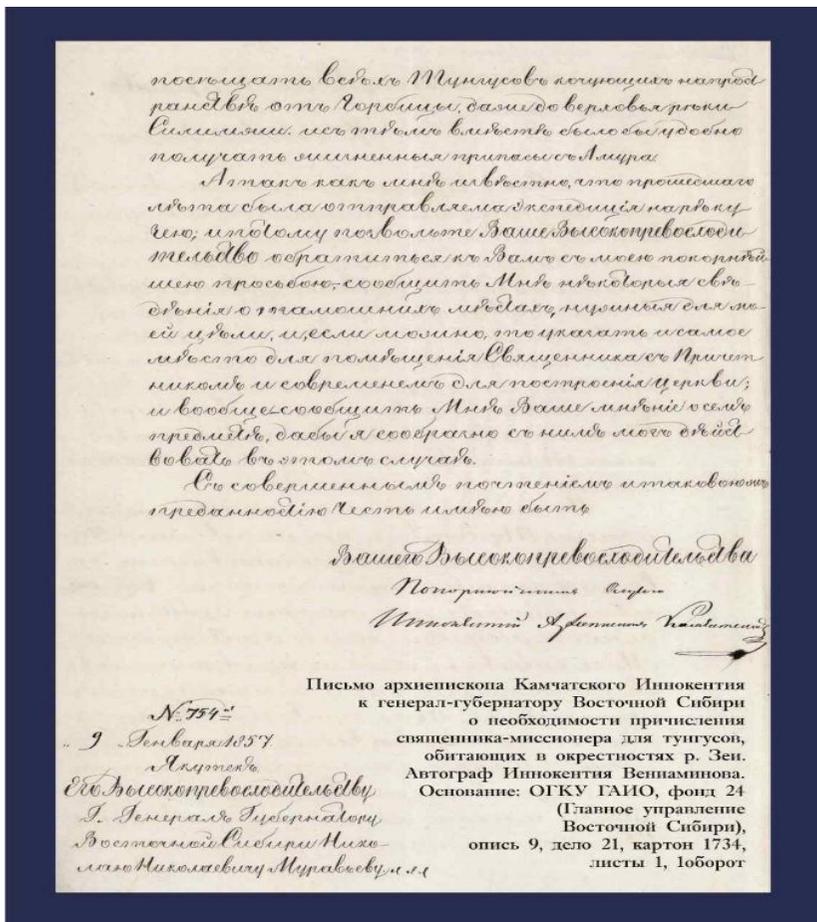

Рис. 8

• фрагмент отношения к Святейшему Синоду о награждении духовных лиц за труды по переводу церковных книг. Также в вышеуказанном разделе представлены письма к архиепископу Иннокентию секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Николая Дмитриевича Свербева, в одном из которых – поздравление с днем рождения архиепископа 26 августа 1859 г.

В завершающем разделе выставки – «Митрополит Московский и Коломенский» – представлено письмо из архивного фонда Якутской духовной консистории (НАРС(Я)) архимандрита Московского

кафедрального Чудова монастыря Вениамина епископу Якутскому и Вилюйскому Дионисию о высылке почтой иконы «Отечества», по поручению митрополита Московского и Коломенского Иннокентия от 21 января 1870 г., а также фотографии последнего пристанища мощей святителя Иннокентия – Успенского собора Троице-Сергиевой лавры.

Документы, использованные для выставки, подтверждают славу Иннокентия Вениаминова как величайшего миссионера Русской Православной Церкви, выдающегося деятеля науки и активного участника освоения русскими новых земель.

С электронной версией выставки в виде слайд-показа вы можете ознакомиться на официальном сайте ОГКУ ГАИО (<http://гаио.рф>) в разделе «Выставки».

СЕКЦИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ И МИССИОНЕРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

УДК 281.93+266.3(571.53)

*А. П. Санников**

ОСОБЕННОСТИ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII ВЕКЕ

В статье рассматривается миссионерская деятельность в Иркутской епархии в XVIII в. Прослежена политика правительства по вопросу христианизации коренных народов Сибири и ее реализация на практике. Выделены основные особенности миссионерской деятельности: отдаленность от центров православия, отсутствие канонизированных святых, сложность в понимании канонов, языковой барьер, отдаленность поселений и стойбищ от церкви и др. Показаны методы христианизации: договоренность с местной знатью, пастырские поездки архиереев, деятельность миссий и миссионеров,

**Санников Александр Павлович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск. Sannikov Aleksandr P., candidate of historical sciences, associate professor of the Department of History of Russia, FSBEI HE Irkutsk State University, Irkutsk. E-mail: aps.72@mail.ru*

труды священников, общение с русским населением. Отмечается, что процесс христианизации в Иркутской епархии в XVIII в. носил сложный и противоречивый характер. Имелись несомненные достижения, прежде всего в увеличении числа «просвещенных крещением». Однако христианизация осуществлялась во многом формально. Большинство новокрещеных не знали канонов православия, не стремились к посещению храмов и исполнению обрядов.

Ключевые слова: *Православная церковь, Восточная Сибирь, Иркутская епархия, православное духовенство, миссионерство, проповедническая деятельность.*

Aleksandr P. Sannikov

FEATURES OF MISSIONARY ACTIVITIES IN THE IRKUTSK DIOCESE IN THE XVIII CENTURY

The article discusses missionary activities in the Irkutsk Diocese in the eighteenth century. Traced the government's policy on the issue of Christianization of the indigenous peoples of Siberia and its implementation in practice. The main features of missionary activity: the remoteness from the centres of Orthodoxy, the lack of canonized saints, the difficulty in understanding the canons, the language barrier, the remoteness of settlements and camps from the Church, etc. Shows the methods of Christianization: the agreement with the local nobility, pastoral visits of the bishops, the work of the missions and missionaries, the writings of priests, communion with the Russian population. It is noted that the process of Christianization in the Irkutsk Diocese in the eighteenth century has a complex and contradictory character. There were undoubted achievements, especially in the increasing number of «enlightened baptism». However, Christianization was carried out largely formal. The majority of newly baptized did not know the canons of Orthodoxy, did not seek to visit the temples and the performance of the rites.

Keywords: *Orthodox Church, Eastern Siberia, Irkutsk Diocese, orthodox clergy, missionary activity, evangelical activity.*

Присоединение Восточной Сибири к Российскому государству выдвигало задачу распространения православия среди коренного населения, которая постоянно ставилась правительством. Первоначально эти обязанности возлагались не столько на духовенство, крайне малочисленное, сколько на воеводскую администрацию. Выезжая в Сибирь, воеводы получали наказы, в которых отмечалось:

«А будет кто из ясачных людей захочет креститца своею волею, и тех людей велеть крестить, сыскав с них допряма, что своею волею ли они хотят креститца» [30, с. 118]. Насильственные действия запрещались: «Никаких иноземцев... насильно не крестите».

Принятие новой веры зачастую происходило на воеводском дворе путем гласного объявления с раздачей нательных крестов и небольших подарков. Новокрещеных требовалось «крестя мужской пол, устраивать их в государеву службу..., а кто будет из женского полу... велеть крестить и выдавать замуж за новокрещеных же и за русских служилых людей» [28, с. 15]. Условиями христианизации являлись постепенность и добровольность.

После собора 1681 г. власти передали полномочия по распространению православия духовенству, в надежде ускорить сам процесс, предписав: «всяких разных вер иноземцев, которые сами добровольно исхотят креститца... крестить безволокитно».

В начале XVIII в. правительством был взят курс на массовую христианизацию коренного населения. В 1714 г. был подписан указ «Об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татар и у якутов, и о крещении сих народов в христианскую веру». От сибирского митрополита требовалось «...во все их уезды и в татары, и в тунгусы, и в якуты и в волостях их где найдешь их кумиры и кумирницы и нечестивые их чтителицы... пожечь, а их... всех иноземцев... приводить в христианскую веру» [28, с. 17].

Однако принудительная христианизация могла привести к столкновениям на религиозной почве, поэтому власти изменили свою позицию. В 1719 г. вышел сенатский приговор «О некрещении татар и других иноверцев против их воли». Правительство разработало систему материальных поощрений, способных стимулировать христианизацию. В 1720 г. был подписан указ «О льготе новокрещеным от всяких сборов и податей на три года» [28, с. 20]. Он давал новокрещеным временное освобождение от сборов и податей, при этом налоговая нагрузка перекладывалась на плечи сородичей, не принявших православие. В 1725 г. Синод издал постановление, предписывавшее «принявшим православную веру выдавать деньги на платье и подарки» [19]. Предусматривалась выдача нательных крестов, икон, холста на рубахи, кафтана и др.

Наибольшие льготы были предоставлены якутам и камчадалам. Льгота по выплате ясака, по указу 1732 г., у якутов составляла 5 лет, на Камчатке – до 10 лет. Новокрещеным, в соответствии с указом 1740 г., следовало выдавать медный крест, рубаху, сермяжный кафтан, шапку, рукавицы, чирики и чулки. Женщинам дополнительно дарили

украшения. Знатным «инородцам» размер награды увеличивался. Помимо вещей, предусматривалась выдача денег от 1 руб. 50 коп. до 50 коп. В случае крещения семьи в полном составе выдавалась икона [28, с. 21]. Раздача подарков продолжалась до 1764 г., после чего была отменена. Разрешалось выдавать только кресты и иконы, при сохранении трехлетней налоговой льготы.

Заботиться о распространении православия в Восточной Сибири должны были архиереи учрежденной в 1727 г. Иркутской епархии. Границы новой епархии постоянно расширялись. Изначально она объединяла часть Прибайкалья и Забайкалья. В 1731 г. в ее состав включили всю Байкальскую Сибирь, Якутию, затем Камчатку, а в 1796 г. земли Русской Америки. Иркутская епархия превратилась в самую большую церковную область Российской империи и приобрела особый статус [31, с. 259].

В организации миссионерской деятельности иркутские архиереи столкнулись с целым рядом проблем, обусловленных региональными особенностями. Прежде всего это удаленность от основных центров православия, что не позволяло продемонстрировать коренным народам все величие православных храмов и служб. Так, первый якутский воевода П. Головин приводил в церковь «многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять... велел в церковь смотреть и кланяться не крестясь [28, с. 21]. Но церковь была деревянной и маломестительной. Лишь во второй половине XVIII в. удалось развернуть каменное церковное строительство. Его центром стал Иркутск.

Первый хор певчих удалось собрать лишь второму епископу Иннокентию Неруновичу и только в Иркутске, а регулярные и правильно организованные колокольные звоны сумел организовать третий епископ Софроний Кристалеvский. Многие священники, особенно в сельских и отдаленных приходах, как отмечалось в послужных списках, знали пение «посредственно» или «наслышкою» [2; 3; 4].

Вплоть до начала XIX в. Восточная Сибирь не имела своего канонизированного святого, чье имя и подвижничество смогло бы привлечь в лоно православия «инородцев». Имевшиеся «местночтимые святые» – Василий Мангазейский, старец Гермоген (основатель Киренского Троицкого и Албазинского Спасского монастырей), старец Герасим (основатель Иркутского Вознесенского монастыря) – не были объединяющими и притягательными фигурами для аборигенов.

Сложными для понимания «инородцами» оказались многие православные таинства и каноны. Представители коренных народов,

привыкшие почитать своих предков, обожествлять силы природы, поклоняться духам, вести свое происхождение от мифологических животных-прародителей (орла, медведя и т. д.) с большим трудом представляли себе догмат о пресвятой Троице, не понимали рассказов о Палестине или Иордане и иные библейские сюжеты, не посещали исповедь и причастие.

Сложным для них был православный календарь, не сочетавшийся с их традиционным укладом жизни. Так, священник Верхневилуйского зимовья Григорий Наговицын отмечал, что «за неимением у них [якутов – А. С.] умеющих грамоте людей праздничных и воскресных дней знать не могут» и к церкви на службы не приходят [22, л. 1].

Другим препятствием становилось разбросанность поселений и стойбищ коренного населения. Священникам порой приходилось преодолевать сотни верст во время пастырских поездок. Например, в 1773 г. в иркутскую духовную консисторию обратились 360 новокрещеных якутов, с просьбой определить их в приход какой-либо церкви. Их поселения находились на расстоянии до Якутска – 285 верст, от Олекминской церкви – 275 верст, а от Витимской церкви – 300 верст [15, л. 16]. «За дальностию разстояния» священники отказывались выезжать к ним с требами. Впоследствии новокрещеных якутов приписали к учрежденному приходу Кангаласской Покровской церкви, но и до этого храма путь был не близким – 72 версты.

Серьезным препятствием для миссионерской деятельности являлся языковой барьер. Многие миссионеры вели проповеди через переводчика, что не способствовало установлению откровенного общения. Для коренного населения, не знавшего русского языка, службы оказывались недоступными для понимания. Так, иркутский епископ Михаил Миткевич в 1775 г. сообщал в Синод, что назначенный в 1765 г. проповедником по Иркутскому, Нерчинскому и Селенгинскому заказам игумен Иоиль «по незнанию языка обретающихся по тем местам братских и тунгусов для переводу им проповеди слова божия за неимением к тому из церковнопричетников их язык знающих принужден в проезде своем по их жилищам брать из простых русских мужиков в толмачи которые отчасти их разговор знают. А как оные будучи неученые российской грамоте следовательно и незнающие православной церкви догматов в переводе своем христианского тем иноверцам увещания и учения в точном разуме изъяснять находятся не в состоянии, то от сего самого проповедь и обращение происходят без желаемого успеха» [24, л. 1].

И, наоборот, проповедник по Киренскому и Якутскому заказу священник Григорий Наговицын, по оценке епископа Софрония

Кристалева, оказался «к общению с якутским народом искусен, ибо он весьма язычен» [23, л. 1]. Кроме якутского, он сумел выучить язык «тунгусского народа», что позволило расширить круг общения и развернуть миссионерскую деятельность, в результате за период своего церковного служения ему удалось убедить принять православие около 5000 «инородцев» [27, с. 182].

Для организации миссионерской деятельности в епархии иркутским архиереям приходилось использовать различные методы. Самым действенным механизмом оказалась выдача новокрещеным «билета для льготы по ясачному сбору». Он был введен в 1724 г. совместным постановлением Синода и Сената и освобождал на 3-5 лет от выплаты ясака. Это заметно оживило миссионерскую деятельность. Однако во время поездок по епархии епископ Иннокентий Нерунович установил, что «от иркутской провинциальной канцелярии льгота мало кому чинится, но и по крещению их иноземцев ясачные сборщики паки на них ясак по-прежнему неослабно правят не давши льготы, и к тому берут с них и себе за труды по некоторому числу деньгами и протчим чем можно якобы в презент» [21, л. 871]. Об этом он в 1736 г. сообщил в Сенат, но реальных мер принято не было.

Другим стимулом являлись подарки для новокрещеных. В 1740 г. епископ Иннокентий Нерунович сообщал в Синод о христианизации местного населения: «Для лутчей же им охоты в привождении во христианство ... покупал им из своего иждивения кресты по рангу смотря серебряные, шил платья, рубахи, порты, камзолы, кафтаны, шубы. И которые в их идолоторстве главные яко шаманы, то есть волшебники, ламы, или по их злочестию попы, и учителя тайши, зайсаны, шоленги, князьи тем камчатные и суконные либереи из добраго сукна и из хороших камчатых материй чинены были и бывают, а подлым же рубахи с порты, камзолы и кафтаны китайские и сермяжные даются. Також де и пища не престанная, пока оные при доме моем обретаются. На что как деньгами, одеянием и пищею выходит немалая сумма, а я взять не имею откуда» [21, л. 893]. Епископ отмечал, что «не подарив же ни чем и неудоволив их то и ко крещению нейдут... Понеже здешной иноземческой народ весьма грубой и обычай имеет зверской. И аще оные не лаской и потешением каковых либо подарков от одеяния или от пищи и пития неудоволятся, то их в лесах и на степях невозможно и сыскать на разговор и ко крещению привлекать» [21, л. 894].

Еще одним методом христианизации стала договоренность с родовой верхушкой. После принятия православия местным «князьцом» ко крещению приходили и все остальные родовичи. Первым в Восточной Сибири стало крещение эвенкийского князя Гантимура.

Еще до прихода русских он управлял улусами по р. Нерчи, в 1651 г. принял русское подданство вместе с 500 родовичами, чем вызвал недовольство Цинской династии, представители которой добивались его выдачи Китаю. В 1675 г. посол России в Китае Н. Спафарий убедил князя, что его никогда не выдадут цинам [29, С. 70]. В 1782 г. Гантимур крестился. «Послухом» у него при крещении был воевода Иван Власов, а после крещения он получил имя Петр. Со всего рода Гантимуровых было приказано не брать ясака [8, с. 5–6]. Известно, что один из представителей князей Гантимуровых был взят на обучение в Селенгинский Троицкий монастырь, принял монашество под именем Трифиллия и в дальнейшем неоднократно выезжал в Китай в составе российских посольств.

Летом 1734 г. епископ Иннокентий Нерунович во время поездки в Забайкалье крестил Цицена Цохниева, представителя знатного рода зайсана Хатшеева. При крещении он получил имя Петра Ивановича Нерунова и по настоянию владыки был объявлен тайшею Хатыгинова рода. После этого большинство родовичей приняли крещение, а место их проживания стало именоваться Неруновским поселением.

В 1799 г. выразил свое желание принять крещение князец Кангаласского улуса Тепеян Белин, проживавший в 80 верстах от Якутска. В 1800 г. крещение состоялось. Вместе с князьцом православие приняли 114 его родовичей [26, лл. 1, 8].

Совместные браки русского и коренного населения также способствовали распространению православия. Русские поселенцы решали вопрос обустройства быта, возмещали недостаток русских женщин. Известно, что в конце XVII в. девять амгинских пашенных крестьян имели якутских жен-христианок. В то же время своеволие с захватом «жонок», последующим их крещением, зачастую насильственным, и перепродажей или передачей другим лицам, властями должно было пресекаться. Так, иеромонах Якутского Спасского монастыря Симеон был взят под стражу за намерение крестить якутских женок русских поселенцев «без указа». Насильственное крещение якутов воеводой А. А. Барнешлевым едва не стало причиной судебного разбирательства.

Еще одну группу новокрещеных составляли зависимые люди от русского населения – «холопы», «ясыри», дворовые люди. В 1697 г. в Амгинской, Олекминской и Кангалаской волостях к земледелию приобщилось 40 якутов, большинство которых являлись новокрещеными. В Илимском воеводстве проживало 23 новокрещеных. Известно, что иркутский воевода И. Е. Власов крестил более 30 человек. В 1693–1696 гг., согласно «Иркутской летописи», около города

проживали крещеные буряты, правда, «изменившие и угнавшие табун лошадей». Среди служилого люда в 1681 г. числилось 13 женатых и 14 холостых новокрещеных, а в 1683 г. было принято на службу еще 6 аборигенов, сменивших веру. Новокрещеные упоминаются практически во всех острожках и зимовьях.

С учреждением Иркутской епархии архиереи все настойчивее рекомендовали священникам заняться «просвещением, крещением инородцев». Епископ Иннокентий Кульчицкий подчеркивал, что крещение должно совершаться добровольно и осознанно. Число крестившихся «инородцев» в это время было невелико, не более 3–5 человек в год на приход. Увеличение числа новокрещеных всегда отмечалось. Например, в 1734 г. священник Братского острога Никифор Иванов крестил «9 лиц тунгусского рода» – двух мужчин и семь женщин. По указу епископа Иннокентия Неруновича ему объявили благодарность, а новокрещеных освободили от выплаты венечных и лазаретных денег [12, с. 44].

Христианизация заметно активизировалась при епископе Софронии Кристалевском. 1 февраля 1769 г. он потребовал: «...чтобы священники живущих близ парохии их идоляторов всемерно старались по Апостольской заповеди обращать и просвещать святым крещением в Грекороссийскую Православную веру; ибо де в некоторых местах за помощью Божию самым делом и исполняется, но в протчих видно, что почти от единой лености и небрежения к таковому о приведении оных из заблуждения в Богопознание душ священники не прилежат, но только репортуют, что в такой-то половине года в парохии их никто крещено идоляторов не было» [13, с. 524].

Для контроля за христианизацией епископ ввел особые «Реэстры о новокрещенных». В них заносились все крестившиеся в данном приходе «инородцы» за год. Каждый священник был обязан ежегодно отчитываться перед заказчиком о числе новокрещеных в своем приходе, а заказчик – предоставлять епископу сводные данные по духовному правлению. Введение этих форм привело к погоне за количеством новокрещеных.

В 1742 г. священник верхневилуйской церкви Григорий Чупров крестил 158 якутов и эвенков. В 1768–1773 гг. при Верхневилуйской церкви крестились 1831 человек [28, с. 64–65, 68–69]. По данным священника Амгинской церкви, в 1777 г. его приход состоял из русского села, в котором проживало 146 человек, 16 якутских поселений, насчитывавших 1510 крещеных якутов, и 8 стойбищ тунгусов, где было 116 новокрещеных. Всего в приходе числилось 1772 человека, из

которых крещеное аборигенное население составляло около 92 % [17, С. 73]. При этом истинно верующими были только русские.

Искоренять подобную практику пришлось епископу Михаилу Миткевичу. 26 июля 1778 г. он издал предписание, гласившее: «Некоторый Иркутской епархии священник пришедшую к нему крещеную уже прежде назвавшуюся некрещенной обманом братских женку безо всякого о ней разведывания не обучившие ее молитвам и святой веры вторично оную крестил... Подтверждаем указом, чтоб священник крестить желающих не спешил, но разведал бы не были ли крещены прежде и обучал бы молитвам и святой веры. Ежели сего исполняемо не будет то за сие они священники лишены будут своих чинов» [6, лл. 11–11 об.]. Епископ призывал приходское духовенство тщательно готовить человека к принятию новой веры.

Многие священники для скорейшей христианизации использовали водку, спаивая аборигенное население. Подобная практика получила широкое распространение, особенно на северо-востоке епархии. Иркутской духовной консистории и Якутскому духовному правлению в 1790 г. пришлось указать священникам, чтоб «во время выездов в улусы иноверцам ни под каким видом отнюдь с собою горячего вина не вывозили» [16].

В целом епархиальные власти признавали, что «обретающиеся по Иркутской епархии в Якутске и в протчих местах при церквах русские священники (у которых инде в приходах находятся многое число новокрещенных) не зная сами иноверческих их разговоров принуждены им касающееся до веры христианской учение и наставление чрез русских же грамоте не умеющих да и самой иноверческой язык не довольно знающих толмачей переводить, что равномерно малое по утверждению тех новокрещеных приносит пользу» [24, л. 1 об.]

Не полагаясь только на усилия духовенства и возможности Иркутской епархии, правительство отправляло в Восточную Сибирь особые духовные миссии. Первой из них была Даурская духовная миссия, направленная в 1681 г. в Забайкалье. Она состояла из 12 человек, во главе с игуменом Феодосием. Миссионерам предписывалось основать в Даурии монастырь, проводить христианизацию коренного населения, селить новокрещеных на монастырских землях, а в случае столкновений и конфликтов укрывать принявших православие в стенах монастыря. Впоследствии игумен Мисаил сообщал, что «во оном Троицком монастыре в толикие многие годы неверных крестили немалое число» [7, с. 13]. В 1742 г. на Камчатку была направлена духовная миссия из 11 человек во главе с архимандритом Иоасафом Хотунцевским. Она проработала до 1762 г.

Результатом ее деятельности стало крещение около 10 000 аборигенов [1, с. 93]. В 1793 г. духовная миссия была направлена в Русскую Америку. Ее возглавил архимандрит Иоасаф Болотов, с которым ехало пять монахов и четыре послушника. Миссии удалось устроить церковные дела на Аляске, крестить многих аборигенов, открыть школу. Последний из миссионеров скончался в 1836 г.

23 января 1763 г. императрицей Екатериной II был подписан указ об учреждении в ряде епархий должностей проповедников. В 1764 г. Сенат подготовил подробное определение по каждой епархии, с указанием числа должностей и размера содержания. Для Иркутской епархии было выделено две должности, с годовым содержанием по 150 рублей. По решению иркутской консистории одному из проповедников передавалась территория Якутского края, другому – оставшаяся часть епархии.

Миссионерской деятельностью много занимались иркутские архиереи. Епископ Иннокентий Кульчицкий, проживая в Забайкалье, окрестил несколько десятков бурят. Епископ Иннокентий Нерунович, еще находясь в Москве, подготовил проект христианизации язычников. Он планировал организовать подготовку переводчиков, контролировать соблюдение льгот для новокрещеных, устроить для них школы. Однако поддержки у местных властей и правительства не нашел. В 1734 г. епископ посетил Забайкалье, в 1735 г. и 1741–1743 гг. совершил пастырский визит в Якутию, в ходе поездок крестил более 500 человек [17, с. 47]. Разъезды по епархии совершали и другие епископы.

В 1798 г. по настоянию перед Синодом епископа Вениамина Багрянского для активизации миссионерской деятельности в Иркутском Вознесенском монастыре вместо игумена вводилась должность архимандрита. В своем донесении в Синод он указывал: «Дабы успешнее могло происходить обращение в христианское правоверие идолопоклоннических народов по здешней епархии обитающих нужно бы мне было часто отлучаться от губернского города и иметь отдаленныя и долговременныя выезды, что не преодолимым затруднениям подвержено и по разным обстоятельствам отлучаться мне из города недозволяющим вовсе невозможно, а однакоже простодушие означенных народов пленяющихся более важностию чина и отличиями в украшении в тех кои до них дело имеют нежели другими представлениями требует дабы в просвещении их евангельскою истиною и в приведении к христианскому благочестию упражнена была такая духовная особа которая б по чину и по украшениям от прочих отличалась таковое расположение в них часто я имел случаи примечать и по довольному моему размышлению не

нахожу кто бы лучше по духовному чину мог требуемую такуюю особу представить как архимандрит» [25, л. 1–1 об.].

Иногда миссионерская деятельность наталкивалась на ожесточенное сопротивление. В 1717 г. на Камчатке ительменами был задушен первый православный миссионер архимандрит Мартиниан, в 1731 г. чукчи и камчадалы разорили и сожгли Успенскую пустынь. В 1761 г. князьком Дедикалом Мелмекиным за крещение жены был избит священник Спасской церкви Олекминского острога Александр Иоакимов, на которого напали якуты «с превеликими дубинами и били смертно, и ругали всячески, от чего он едва убежать смог» [14, л. 415]. В 1796 г. буряты совершили нападение на священника Тункинской Николаевской церкви Афанасия Попова, который убедил около 200 «инородцев» отказаться от «бусурманства» и принять православие. Местные шуленги воспрепятствовали этому. Они избили и выгнали священника и причетников, сорвали с них кресты и разодрали одежду. Новокрещеных, «отошедших от бусурманства», высекали и угнали их скот [5].

Для многих «инородцев» принятие крещения делало невозможным возврат к прежней жизни. Они выделялись из своей социальной среды и могли существовать только при поддержке местных властей. Поэтому, при наличии возможностей, новокрещеных принимали на государственную службу или переводили на поселение в русские села. Иногда родовичи относились к новокрещеным враждебно и разрывали с ними все связи.

В Якутии князек Черка Делдебитов был замечен «в чинении пакостей и предрзостей многих коих якобы злобствуя на своих родников за восприятием святыя веры гнушаются и ненавидят и увечат и батожем и палками во отягощение и грабительство и в протчем» [14, л. 415].

В 1736 г. бурят Хува Моторов писал: «Будучи я на Бусее речке близ Балаганска снарядилса было ехать в Иркутск до вашего преосвященства с женою своею для восприятия христианской православной веры ... и приехал ко мне из Балаганского острогу братской Махуя Ясыкбев да с ним русской человек денщик Еким ... и меня в доме не прилучилось и бранили они меня всякою бранью, а сына моего новокрещеного Михайла оные Махуя и русской человек связав руки и ноги били и топтали насмерть и жену бранили же и запрещает крестится мне ... а по битии того сына моего Михайла связанного бросили на коня також де и жену мою и увезли без меня насильно, а онаго Махуя Ясыкбева для того увозу и битья прислал ко мне готольского роду Хадай Жербаев, да онгойского роду Тобехан Лалгов шуленги да толмач балаганского

острогу служилой Петр Евдокимов и от того намерения нам ко крещению ныне препятствие учинилось» [21, лл. 883–883 об].

Другой «братской» Мартын Хубин сообщал: «По желанию моему пришел я к вашему преосвященству по молитве во святую православную греческого исповедания веру в которую со мною желает окреститься отец мой и мать и братия всего пять человек... И после одного желания ушла от мене оная моя жена Бичихан к показанному своему отцу в дом, а отец ея мне возвратно и не отдает неведомо зачем и препятствие ей крестится а у меня за означенную мою жену дано прежде оному отцу Хадану Багаеву скотом 100 голов быками коровами коньями и овцами к тому ж с ней жил я 7 лет и были прижиты дети» [21, лл. 890–890 об.].

Епископ Иннокентий Нерунович сообщал в Синод, что «некоторые иноземцы крестятся пообещаются жену свою и дом привезть во христианство за которых прежде по их обычаям отцам тех своих жен давали калыму якобы купили их скотом всяким по некоторым числу и по крещении мужей отцы своих дочерей а тех окрестившихся жен еще некрещенных берут паки к себе и им мужьям для крещения в православную веру не отдают» [21, лл. 881–881 об.]. Однако оказать действительную помощь епархиальные власти не могли, а иркутская провинциальная канцелярия, не желая ссориться с местной знатью, в подобные дела не вмешивалась.

В связи с этим появилось такое явление, как «раскрещение». Воспользовавшись налоговой льготой три года, новокрещенные затем порывали связи с православием и возвращались к прежней вере. Если ранее родовичи отказывались принимать обратно крещеного человека, то к концу XVIII в. возвращение становилось возможным.

Многое зависело от личности миссионеров. Так, священник Николаевской церкви Верхневиллюйского зимовья Григорий Андреевич Наговицын не только постоянно выезжал с пастырскими визитами, не взирая на морозы и распутицу, но и заботился о якутах. Он привозил им небольшие подарки, обеспечивал иконами и даже просил архиерея об открытии школы. Священник отличался бескорыстием и преданностью своему делу. «Он, как сказано в указе консистории, был трудолюбив, прилежен, немало якутских инородцев обратил в христианство и уже священствует свыше 20 лет» [20, С. 86]. Другой якутский протоиерей, занимаясь миссионерством, «брал всем, чем только можно было: деньгами, мехами, яйцами, маслом, но в важных случаях исключительно золотую монетою» [10, С. 279]. Иногда аборигены заявляли, что услуги православных священников им обходятся в несколько раз больше, чем содержание шаманов.

Из-за обширности Иркутской епархии миссионерская деятельность имела региональные особенности. В Якутии духовенство осуществляло христианизацию путем массовых крещений. Используя материальные стимулы (льготы, подарки), а иногда и водку, проповедники добивались искомых результатов. В результате Якутский заказ был самым «православным», где число новокрещеных к концу XVIII в. превысило 60 % коренного населения.

В Прибайкалье христианизация осуществлялась медленнее. Основной вклад здесь вносили приходские священники. К концу XVIII в. в составе многих приходов региона появилась «новокрещеные» из «ясашных», или «инородцев». Их численность ежегодно колебалась. В 1799 г. по ряду приходов крещеные аборигены составляли: в Яндинском приходе – 12 человек, в Новоудинском – 169, в Илгинском – 35, в Нижнеудинском подгородном – 632, в Бирюсинском – 17, в Тулунском – 35, в Нижнеудинском городском – 350, в Барлукском – 94, в Кимильтейском – 962, в Большеокинском – 18, в Братском – 12 человек. Всего же в регионе было крещено более 5 000 аборигенов [11, с. 257]. Удельный вес принявших христианство в приходах составлял 7–10 % от общего числа верующих. В целом же к концу XVIII в. доля перешедших в православие представителей коренного населения Прибайкалья не превышала 15 %.

Особая ситуация сложилась в Забайкалье. В конце XVII в. сюда стал активно проникать буддизм. К середине XVIII в. он охватил селенгинских бурят и хоринцев, а к концу века – тункинских и аларских бурят. Экспансия лам из центральной Монголии стала настолько очевидной, что российский посол Савва Владиславич-Рагузинский посчитал нужным установить в 1728 г. должность главы забайкальских лам и утвердить постановление о ламах. Всего же к 1741 г. в Забайкалье находилось 150 лам, в то время как представителей приходского духовенства было всего 83 человека (1754 г.) [9, с. 14]. В 1792 г. на территории Селенгинского духовного правления насчитывалось уже 240 лам, а численность православного духовенства составляла 238 человек [18, с. 89].

В начале XVIII в. основная ставка была сделана на брата Селенгинского Троицкого монастыря. Его настоятелю разрешалось крестить бурят, знакомить их с земледелием и размещать на монастырских землях. Однако земледелие среди бурят распространялось медленно, преобладал традиционный уклад жизни. По замечанию настоятеля Селенгинского монастыря, «скота у них довольно, живут юртами по разным местам, однако деньги копить очень

пристрастны и горазды». Поэтому результаты деятельности монастыря оказались скромными.

Основной вклад в дело распространения православия в Забайкалье внесли иркутские архиереи. Около 50 бурят было крещено епископом Иннокентием Кульчицким. При епископе Иннокентии Неруновиче появляются селения «хлебопашествующих новокрещеных»: Неруновское, Мальцовское, Сухановское и др. Они насчитывали около 500 жителей. Во время пастырских визитов в Забайкалье епископа Софрония Кристалевского в 1756 и 1758 гг. было крещено около 100 человек.

В начале 1740-х гг. российское правительство, опасаясь конфликтов с Китаем, приостановило активную миссионерскую деятельность в Забайкалье. Крещения бурят продолжались, но носили единичный характер. В целом, число крещеных в регионе можно оценить в 1000 человек.

В целом, процесс христианизации в Иркутской епархии в XVIII в. носил сложный и противоречивый характер. Имелись несомненные достижения, прежде всего в увеличении числа «просвещенных крещением». Однако христианизация осуществлялась во многом формально. Большинство новокрещеных не знали канонов православия, не стремились к посещению храмов и исполнению обрядов. Нарушение ими обрядности отмечалось во всех регионах Восточной Сибири. Наиболее типичными являлись: длительное отсутствие в церкви, неявка к исповеди, браки без венчания, отпевание покойного после захоронения. В Якутии отмечалось, что хотя большинство якутов крещеные, но христиане только по названию, а во многих юртах православные иконы висят рядом с шаманскими бубнами или предметами языческого культа. Священники Забайкалья сообщали в Иркутск о том, что многие крещеные буряты «в церковь Божию ни разу не вступали», «к исповеди и причастию не ходят за нерачением». Это приводило к распространению синкретизма и двоеверия.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00308.

Литература и источники

1. Артемьев А. Р. Из истории крещения Камчатки : к 300-летию перв. православ. миссии // Вестн. ДВО РАН. 2005. № 4. С. 85–94.
2. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 50 (Иркутская духовная консистория). Оп. 1. Д. 3843.

3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3883.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3879.
5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 42.
6. ГАИО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–11об.
7. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань : [Б. и.], 1875. 198 с.
8. Дулов А. В. Взаимоотношения православной церкви с другими конфессиями Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Церковь и государство: история и современность : материалы науч. конф. Иркутск : Репроцентр, 2005. С. 3–22.
9. Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск : Анонс, 2005. С. 11–23.
10. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. : в 2 ч. Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. Ч. 2. 323 с.
11. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. : в 2 ч. Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. Ч. 1. 292 с.
12. Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1866.
13. Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1874.
14. НА РС (Я) (Национальный архив Республики Саха (Якутия)). Ф. 228-и Якутский Спасский монастырь. Оп. 1. Д. 1.
15. НА РС (Я). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 4.
16. НА РС (Я). Ф. 254-и. Олекминская Спасская церковь. Оп. 1. Д. 2.
17. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.
18. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск : Наука, 1988. 256 с.
19. Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1881. Т. 5, № 1590.
20. Попов Г. А. Сочинения. Т. 1 : История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области : очерки по истории Якутии. Якутск : ЯГУ ; ИГИ АН РС(Я), 2005. 280 с.
21. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248 : Сенат и его учреждения. Оп. 14. Кн. 796.
22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796 : Синод и его учреждения. Оп. 39. Д. 40.

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 39. Д. 41.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 56. Д. 498.
25. РГИА. Ф. 796. Оп. 75. Д. 175.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 431.
27. Санников А. П. Священник Григорий Андреевич Наговицын – проповедник Якутского края // Святитель Иннокентий (Вениамин) в судьбах Якутии : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 145-летию учреждения Якут. епархии. Якутск : Изд. отд. Якут. и Лен. епархии, 2015. С. 180–186.
28. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1991. 116 с.
29. Щебенков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 240 с.
30. Юрганова И. И. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Якутии (XVII – начало XX в.) // Вестн. Российск. ун-та дружбы народов. Сер. история России. 2014. № 3. С. 117–125.
31. Юрганова, И. И. Распространение государственного православия в Якутском крае (сер. XVII – нач. XX в.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. политология и религиоведение. 2014. Т. 8. С. 256–263.

УДК 281.93+266.3(571.53)

*Т. А. Крючкова**

МАТЕРИАЛЫ О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ В «ИРКУТСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ»

«Иркутские епархиальные ведомости» – официальное издание Иркутской епархии, выходявшее с 1 января 1863 по 1919 г. «Иркутские ЕВ» до настоящего времени являются ценнейшим источником для

* *Крючкова Тамара Александровна, канд. ист. наук, научный сотрудник Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма Иркутской епархии РПЦ (Московский Патриархат).*

Kruchkova Tamara A., candidate of historical sciences, researcher of the Mikhailo-Arkhangelsky (Harlampiyevsky) temple of the Irkutsk Diocese of ROC (Moscow Patriarchy). E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

изучения истории православия в Восточной Сибири. Достаточно объемно и разнообразно на их страницах отражена миссионерская деятельность Иркутской епархии. В «Иркутских епархиальных ведомостях» было опубликовано много материалов по этой теме, большая часть из которых, однако, еще не введена в научный оборот.

Ключевые слова: «Иркутские епархиальные ведомости», исторический источник, Проконий Громов, Камчатская, Пекинская, Японская, Забайкальская, Иркутская духовные миссии.

Tamara A. Kruchkova

MATERIALS ON THE MISSIONARY ACTIVITIES OF THE IRKUTSK ORTHODOX DIOCESE IN «IRKUTSK DIOCESAN GAZETTE»

«Irkutsk Diocesan Gazette» – the official publication of the Irkutsk Diocese appearing from January 1, 1863 to 1919. «Irkutsk DG» are the most valuable source for studying of history of Orthodoxy in Eastern Siberia so far. In particular, on their pages many various materials on stories of the Irkutsk Diocese were published, however the most part from these materials isn't introduced into scientific circulation yet.

Keywords: *«Irkutsk Diocesan Gazette», historical source, Prokopy Gromov, Kamchatka, Beijing, Japanese, Transbaikal, Irkutsk spiritual missions*

«Иркутские епархиальные ведомости» – официальное издание Иркутской епархии, выходявшее с 1 января 1863 по 1919 г. В 1863–1894 гг. выпускался еженедельно, с 1895 – два раза в месяц (за исключением некоторых перерывов в начале XX в.), форматом 21 x 31,5 см, в виде брошюры. В некоторых случаях это издание называлось газетой, в других – журналом.

Структура издания, утвержденная Св. Синодом, была одинакова для всех вновь учреждаемых епархиальных ведомостей. На протяжении всего периода существования в них неизменно присутствовали официальная часть («Иркутские епархиальные ведомости»), где публиковались указы общегосударственного и местного значения, известия из современной жизни епархии, отчеты различных учебных заведений, церковно-приходских попечительств и др., а также неофициальная часть («Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям»), где помещались статьи духовно-нравственного характера, материалы по церковной истории, о духовенстве Сибири,

исторические очерки об отдельных храмах, монастырях и церковных школах и т. д. «Иркутские ЕВ» до настоящего времени являются ценнейшим источником для изучения не только истории православия в Восточной Сибири и социального служения духовенства, но и различных вопросов культуры, народного образования, сибирской генеалогии, ораторского искусства и многого другого.

Достаточно объемно и разнообразно на страницах «Иркутских ЕВ» отражена миссионерская деятельность Иркутской епархии. По этой теме было опубликовано много материалов, которые содержат интереснейшие сведения, в большей части не введенные в научный оборот.

Первым редактором «Иркутских ЕВ» стал протоиерей кафедрального Богоявленского собора в Иркутске Прокопий Васильевич Громов (7.07.1801–31.08.1880), один из виднейших представителей духовенства Восточной Сибири XIX в. Блестяще окончив Иркутскую духовную семинарию, он продолжил образование в Московской духовной академии и первым из иркутян получил степень кандидата богословия. Вернувшись в 1822 г. в Иркутск, Громов был назначен на должность преподавателя Иркутской духовной семинарии, затем стал священником и служил в ряде иркутских церквей. С 1833 по 1847 г. – почти 14 лет – трудился настоятелем Камчатского кафедрального собора. После возвращения в Иркутск о. Прокопий был назначен настоятелем сначала Иркутской Спасской церкви, затем Иркутского кафедрального Богоявленского собора. С 1863 по 1870 г. он исполнял обязанности редактора «Иркутских ЕВ», задав изданию очень высокую публицистическую и научную планку. О. Прокопий был неутомимым архивистом и церковным историком. Собранный им огромный материал лег в основу многочисленных его публикаций на страницах «Иркутских ЕВ» и других периодических изданий. Один из главных его трудов – книга «Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский», опубликованная в Иркутске в 1868 г., до настоящего времени является ценнейшим источником по истории Иркутской епархии.

В «Иркутских ЕВ» Прокопий Громов опубликовал обстоятельную статью о Камчатской духовной миссии, возглавляемой архимандритом Иоасафом Хотунцевским (ок. 1700 – 23.04.1759). Камчатская миссия действовала почти восемь лет (с 1742 по 1750 г). Хотунцевский со своими помощниками несколько раз объездил весь полуостров, лично окрестил около 2000 туземцев. Благодаря ему, на Камчатке было сооружено несколько новых церквей, устроены три школы в Большерецке, Верхне-Камчатске и Нижне-Камчатске, в которых

обучалось более 200 мальчиков. П. Громов в своем исследовании отмечает, что он, приехав на Камчатку, застал грамотных церковнослужителей и прихожан, предки которых обучались в этих школах. В 1750 г. Иоасаф (Хотунцевский) покинул Камчатку, так как был вызван в Петербург для хиротонии во епископа Иркутского. В 1747 г. скончался Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович), и претендентом на эту кафедру был назначен архимандрит Иоасаф. Но хиротония не состоялась. Причина до сих пор не выяснена. Главой Иркутской епархии был назначен наместник Петербургского Александро-Невского монастыря Софроний (Кристалеvский), а Иоасаф (Хотунцевский) в 1754 г. получил должности ректора Московской славяно-греко-латинской академии и архимандрита Заиконоспасского монастыря. Публикация П. Громова о Камчатской духовной миссии в «Иркутских ЕВ» осуществлялась в течение 1868–1875 гг. [1]. Видимо, материалы, собранные на Камчатке, он дополнял еще поисками документов в иркутских архивах.

Кроме Камчатской духовной миссии, Прокопий Громов занимался историей Пекинских духовных миссий и в 1875–1876 гг. в «Иркутских ЕВ» опубликовал о них свое исследование [2]. Хотя Пекинские духовные миссии не подчинялись Иркутской епархии и организацией и деятельностью этих миссий занимались синодальные структуры, но администрация и духовенство Иркутской епархии постоянно вовлекались в те или иные миссионерские действия.

История создания первой православной церкви в Китае связана с пленниками Албазинского острога. В 1689 г. китайцы до основания разрушили первое русское укрепление на Амуре – Албазинский острог. Они увели с собой в плен его жителей, среди которых был священник Максим Леонтьев. Ему разрешено было взять с собой иконы, книги, кресты и даже колокол. Пленников поселили в особой слободе на окраине Пекина под названием «Русской сотни» и вскоре разрешили открыть там церковь во имя свт. Николая. Богдыхан приказал освободить одну из кумирен и отдать ее русским. В середине 1690-х гг. в этой церкви уже проходили богослужения. Деятельность первых священнослужителей Пекинской Николаевской церкви послужила основанием для учреждения в 1713 г. Российской духовной миссии в Китае. Из зарубежных миссий Русской православной церкви Пекинская миссия была самой ранней по времени основания. Вместе с тем она была уникальным российским учреждением за рубежом, не только представлявшим в цинском Китае Русскую Православную церковь, но и на протяжении 150 лет (до 1864 г.) выступавшим в качестве неофициального дипломатического представительства

России в Китае. На протяжении всего периода деятельности миссии в Китай было отправлено двадцать миссионерских групп, там побывало в общей сложности свыше двухсот проповедников, и в разных городах Поднебесной возведено 37 православных храмов.

Из известных иркутских личностей, участвовавших в деятельности Пекинской духовной миссии, можно назвать настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря архимандрита Антония (в миру Платковского Андрея Германовича, 1682? – 1746 гг.), организатора монастырской «мунгальской школы», имевшей целью подготовку переводчиков-монголистов, главы первой Пекинской духовной миссии (1729–1737 гг.). Девятую духовную миссию (1808–1821 гг.) возглавлял бывший настоятель Иркутского Вознесенского монастыря, ректор Иркутской духовной семинарии, архимандрит Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич, 1777–1853 гг.) – знаток китайского языка, востоковед, один из основоположников русской синологии (автор 14 книг и около 100 статей о Китае), получивший общеевропейскую известность.

Кроме них можно назвать еще немало представителей иркутского духовенства, внесших определенный вклад в миссионерскую работу на китайской территории. Например, в 1745 г. туда ездил Никон (Красовский), многогранно одаренная личность. С 25 декабря 1734 г. по 18 марта 1745-го в должности иеродиакона он служил в Иркутском Богоявленском соборе. В 1740-е гг. – в Иркутском архиерейском приказе и являлся экономом Архиерейского дома. В это же время писал иконы для иконостаса Иркутского Богоявленского собора. В марте 1745 г. Н. Красовский, по требованию прибывшего из столицы директора каравана Китайской миссии Г. Лебратовского, был включен в состав миссии и уехал в Китай для исправления икон в новостроящейся в Пекине церкви. Из Китая он вернулся осенью того же года и уехал в Петербург, где был определен в Александрo-Невский монастырь [3].

В «Иркутских ЕВ» также опубликованы материалы о деятельности Японской духовной миссии, официально открытой в 1870 г. Начальником ее на протяжении 42 лет был святитель Николай Японский (в миру Касаткин Иван Дмитриевич, 1.08.1836 – 3.02.1912). Он родился в селе Берёза Бельского уезда Смоленской губернии в семье диакона сельского храма. Закончив Смоленскую духовную семинарию, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где учился с 1857 по 1860 г. После окончания академии сразу дал согласие отправиться в Японию на должность настоятеля посольской церкви в г. Хакодате. Благословение на миссионерскую деятельность он получил от святителя Иннокентия (Вениаминова), с которым встретился

в Николаевске-на-Амуре. Свт. Иннокентий, видя бедное одеяние иеромонаха, купил хороший бархат, сам выкроил рясу отцу Николаю, а также возложил на него свой наградной наперсный крест. На прощание посоветовал будущему миссионеру серьезно заняться изучением японского языка.

Вениамин (в миру Благодравов Василий Антонович, 20.01.1825–2.02.1892 гг.), будучи епископом Камчатским, в августе 1872 г. совершил поездку в Японию, куда его доставил российский военный корабль. Здесь он встречался с Николаем (Касаткиным) и делился с ним опытом миссионерского служения, который получил, возглавляя Забайкальскую духовную миссию с 1862 по 1868 г. 15 августа они совершили Божественную литургию в г. Хакодате. Любопытно, что в самый момент освящения святых даров началось сильное землетрясение, продолжавшееся четыре минуты [4]. С 1873 по 1892 г. епископ, затем архиепископ Вениамин (Благодравов) возглавлял Иркутскую епархию и поддерживал связи с Японской духовной миссией. Регулярно в «Иркутских ЕВ» публиковались статьи о положении дел в Японии, неоднократно производились сборы средств по всей Иркутской епархии для помощи бедствующей Японской миссии. Те же дружественные связи продолжались и другими иркутскими владыками [5].

В 1909 г. в Японии побывал епископ Киренский, vicарий Иркутской епархии Иоанн (Смирнов). Эту поездку он совершил с известным российским миссионером Иоанном Восторговым. Свои впечатления о Японской духовной миссии и деятельности Николая Японского епископ Иоанн изложил в статье [6].

10 апреля 1970 г. Русская Православная Церковь причислила архиепископа Николая к лику святых. При канонизации за свою миссионерскую деятельность в Японии он получил наименование равноапостольного – один из величайших духовных титулов.

В «Иркутских ЕВ» наиболее полно и обстоятельно освещалась миссионерская деятельность двух миссий – Иркутской и Забайкальской, учрежденных в 1862 г. по инициативе иркутского архиепископа Парфения (Попова). Очень важные материалы содержатся в годовых отчетах этих миссий, которые составлялись их начальниками и регулярно на протяжении сорока лет публиковались на страницах «Иркутских ЕВ». В отчетах фиксировались многие моменты миссионерской работы: строительство миссионерских станций и церквей, открытие миссионерских школ и училищ, результаты действий миссионеров по крещению местных народностей, анализ трудностей, с которыми сталкивались священнослужители и др. [7].

Кроме отчетов в «Иркутских ЕВ» часто печатались путевые дневники священников, сопровождавших владык в миссионерских поездках по епархии. Можно назвать десятки таких интереснейших публикаций. Например, в 1913 г. состоялась поездка викарного епископа Евгения (Зернова) в Киренский уезд. Его сопровождал священник Николай Пономарев. Он не только тщательно записал все, что происходило и удалось увидеть и изучить в пути, но еще и фотографировал церкви, церковно-приходские школы, священнослужителей и прихожан отдаленных храмов. Благодаря этим фото, мы имеем представление о том, что было разрушено в 1920–30-е гг. во время борьбы с религией [8].

Очень важны материалы о миссионерах, изложенные в биографических статьях и некрологах. Например, интересна биография настоятеля Селенгинского Троицкого монастыря Михаила (в миру Макария Козлова, 1826 – 30.01.1884 гг.), о деятельности которого в трудах иркутских и забайкальских историков мы не нашли должных исследований. При этом его вклад в православную историю Забайкалья очень существен. Архимандрит Михаил родился в г. Сычевске, Смоленской губернии. Принадлежал от рождения к старообрядческому обществу беглопоповского согласия. В возрасте тридцати лет отправился на Афон, поступил в число братства русского Пантелеймонова монастыря, где трудился на монашеском поприще почти двадцать лет. Потом, по письменному приглашению архиепископа Казанского и Свияжского Антония, был переведен в Казанскую епархию, а через пять лет иркутский архиепископ Вениамин уговорил его приехать в Иркутскую епархию и назначил настоятелем Селенгинского Троицкого монастыря, а также начальником Забайкальской противораскольнической миссии, с возведением в сан архимандрита. Пять лет архим. Михаил возглавлял монастырь, посетил все селения до одного, где жили старообрядцы, и многих из них привел к единоверию. Свой опыт афонского монашеского жития он постарался внедрить во внутреннем устройении порядка и богослужений в Селенгинском монастыре. При хорошей экономии, внутренней и внешней, быт обители был возведен до возможного усовершенствования. Умер архим. Михаил в возрасте 58 лет и похоронен в Селенгинском монастыре [9].

Многочисленные факты, свидетельствующие о высоких духовных достижениях священнослужителей-миссионеров Иркутской епархии, опубликованные в «Иркутских ЕВ», не введены в научный оборот. Поэтому призываю всех интересующихся церковной историей, духовностью наших предков чаще обращаться к материалам этого

замечательного периодического издания, где вас ждут удивительные открытия и открытия.

Источники

1. [Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович. Назначение вторичной миссии на Камчатку // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1868. № 47. С. 531–538 ; № 49. С. 557–561 ; [Громов П.] Инструкция архимандриту Хотунцевскому // Там же. 1868. № 50. С. 582–586 ; [Громов П.] Выезд архимандрита Хотунцевского из Москвы // Там же. 1868. № 51. С. 589–593 ; [Громов П.] Прибытие миссии Хотунцевского в Охотск // Там же. 1869. № 22. С. 279–285 ; [Громов П.] Назначение в Камчатку духовной миссии в 1742 г. // Там же. 874. № 30. С. 395–404 ; № 32. С. 416–425 ; № 43. С. 555–566 ; 1875. № 1. С. 1–6 ; № 2. С. 13–21 ; № 7. С. 74–76 ; № 8. С. 82–92 ; № 10. С. 115–120 ; № 15. С. 197–202 ; № 21. С. 292–298 ; № 24. С. 327–337 ; № 25. С. 347–352 ; № 26. С. 358–362 ; № 40. С. 547–552 ; № 41. С. 559–563 ; № 42. С. 569–574 ; № 44. С. 600–604.

2. [Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях. Повод к их учреждению // Там же. 1875. № 52. С. 693–700 ; [Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях. Настоятели миссий и свиты их // Там же. 1876. № 8. С. 99–110 ; № 10. С. 136–139 ; [Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях. Посылка в Пекин епископа Иннокентия // Там же. 1876. № 12. С. 164–168 ; № 14. С. 184–187 ; № 15. С. 197–200 ; № 18. С. 229–237 ; [Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях. Посылка в Пекин Антония Платковского // Там же. 1876. № 19. С. 246–252 ; [Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях // Там же. 1876. № 20. С. 257–263.

3. [Громов П.] Иннокентий Нерунович. Предвестия // Иркут. епарх. ведомости. 1870. № 16/17. С. 195–203 ; [Громов П.] Вызов Иннокентия Неруновича в Петербург // Там же. 1870. № 18. С. 218.

4. Поездка преосвященного Вениамина, епископа Камчатского в Японию // Там же. 1872. № 50. С. 655–658.

5. Положение для Российской духовной миссии в Японии // Там же. 1871. № 47. С. 810–815 ; № 48. С. 821–826 ; Инструкция для начальника Российской духовной миссии в Японии // Там же. 1871. № 48. С. 826–830 ; Письмо Ходакатского (в Японии) миссионера и японских христиан к преосвященнейшему Вениамину, епископу Иркутскому и Нерчинскому // Там же. 1875. № 8. С. 77–82 ; Известия из Японской миссии // Там же. 1875. № 44. С. 598–599 ; Николай (архимандрит). Воззвание Японской духовной миссии к Русской церкви // Там же. 1876.

№ 29. С. 397–400 ; № 30. С. 411–418 ; Затруднительное положение Японской миссии : (письмо япон. миссионера, иером. Анатолия из Хакодате 26 нояб. 1876 г. на имя преосвященнейшего Вениамина, еп. Иркут. и Нерчин.) // Там же. 1877. № 10. С. 125–130 ; Затруднительное положение Японской миссии : (письма к его преосвященству, преосвященнейшему Вениамину, еп. Иркут. и Нерчин. от япон. миссионера, иером. Анатолия и православного свящ. из японцев Павла Савабе с др. православными г. Хакодате) // Там же. 1877. № 45. С. 575–579 ; Анатолий (иером.). К сведению благотворителям Японской православной миссии // Там же. 1878. № 5. С. 62–64 ; Письмо японского миссионера // Там же. 1878. № 39. С. 438–440 ; Владимир (игум.). Вести из Японии // Там же. 1884. № 47. С. 521–523 ; Евгений (еп.). Памяти высокопреосвященного архиеп. Николая, ап. Японии (2-я годовщина смерти + 3 февр. 1912 г.) // Там же. 1914. – № 3. С. 83–86.

б. Иоанн (еп.). Памяти японского архиепископа Николая : (из личных воспоминаний о почившем) // Там же. 1912. № 5. С. 108–115 ; № 6. С. 147–160.

7. Отчеты Забайкальской духовной миссии: Вениамин (еп.). Забайкальская духовная миссия [в 1864 г.] // Там же. Прибавления. 1865. № 15–16. С. 93–106 ; № 17. С. 110–119 ; Его же. Забайкальская духовная миссия [в 1865 году] // Там же. 1866. № 13. С. 159–169 ; № 14. С. 171–175 ; Его же. Забайкальская духовная миссия в 1866 году // Там же. 1867. № 12. С. 130–140 ; № 13. С. 142–151 ; № 14. С. 154–163 ; Его же. Забайкальская духовная миссия в 1867 году // Там же. 1868. № 33. С. 251–257 ; № 34. С. 262–267 ; № 35. С. 271–277 ; № 36. С. 282–284 ; № 37. С. 296–300 ; № 38. С. 303–306 ; № 39. С. 314–318 ; № 40. С. 321–328 ; № 41. С. 331–333 ; № 42. С. 338–341 ; № 43. С. 349–352 ; № 44. С. 349–352 ; Мелетий (иером.). Забайкальская духовная миссия в 1868 году // Там же. 1869. № 50. С. 541–548 ; № 51. С. 551–561 ; № 52. С. 565–578 ; Мартиниан (епископ). Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1869 год // Там же. 1870. № 42. С. 353–356 ; № 43. С. 359–362 ; № 44. С. 371–377 ; № 45. С. 379–384 ; № 47. С. 395–399 ; № 47. С. 408–411 ; Его же. Забайкальская православная миссия в 1870 году // Там же. 1871. № 43. С. 758–764 ; № 44. С. 765–776 ; № 45. С. 781–791 ; № 46. С. 795–803 ; Его же. Отчет о состоянии Забайкальской православной миссии в 1872 г. // Там же. 1873. № 41. С. 647–652 ; № 42. С. 653–663 ; Его же. Отчет о состоянии Забайкальской православной миссии за 1873 год // Там же. 1874. № 16. С. 189–201 ; № 17. С. 209–213 ; № 18. С. 225–232 ; № 19. С. 243–257 ; Его же. Отчет о Забайкальской духовной миссии за 1874 год // Там же. 1875. № 27. С. 363–367 ; № 28. С. 377–385 ; № 29. С. 389–392 ; № 30. С. 401–408 ; № 31. С. 411–422 ;

№ 32. С. 423–436 ; Его же. Отчет о состоянии Забайкальской православной миссии за 1875 г. // Там же. 1876. № 32. С. 451–454 ; № 33. С. 464–472 ; № 34. С. 473–486 ; № 35. С. 487–504 ; № 36. С. 505–508 ; Его же. Отчет Забайкальской православной миссии за 1876 год // Там же. 1877. № 24. С. 323–330 ; № 25. С. 335–338 ; № 26. С. 345–350 ; № 27. С. 359–365 ; № 28. С. 375–377 ; № 29. С. 379–382 ; № 30. С. 396–400 ; № 31. С. 403–407 ; № 32. С. 417–420 ; № 33. С. 429–433 ; Геронтий (игумен). Отчет о Забайкальской православной миссии за 1877 год // Там же. 1878. № 20. С. 229–236 ; № 21. С. 241–248 ; № 23. С. 259–268 ; № 24. С. 269–279 ; № 25. С. 281–284 ; Мелетий (епископ). Забайкальская духовная миссия в 1878 году // Там же. 1879. № 32. С. 353–357 ; № 33. С. 367–378 ; № 34. С. 379–390 ; № 35. С. 391–394 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии в 1879 году // Там же. 1880. № 15. С. 178–183 ; № 16. С. 190–201 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1880-й год // Там же. 1881. № 31. С. 351–358 ; № 32. С. 363–378 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1881 год // Там же. 1883. № 8. С. 107–121 ; № 9. С. 127–136 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1882 год // Там же. 1883. № 17. С. 228–230 ; № 18. С. 231–244 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1883 год // Там же. 1884. № 33. С. 375–382 ; № 34. С. 383–389 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1884 год // Там же. 1885. № 25. С. 303–305 ; № 26. С. 317–326 ; № 27. С. 327–344 ; № 28. С. 345–354 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1885 год // Там же. 1886. № 29. С. 329–336 ; № 30. С. 337–346 ; № 31. С. 347–353 ; № 32. С. 355–364 ; Его же. Записка о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1886 год // Там же. 1887. № 49. С. 433–442 ; № 51. С. 461–472 ; № 52. С. 477–482 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1887 год // Там же. 1888. № 25. С. 232–245 ; № 26. С. 246–256 ; № 27. С. 260–271 ; № 28. С. 272–284 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии в 1888 году // Там же. 1889. № 22. С. 1–6 ; № 23. С. 1–12 ; № 24. С. 1–12 ; № 25. 1–9 ; Макарий (епископ). Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1889 год // Там же. 1890. № 34. С. 1–13 ; № 35. С. 1–10 ; № 36. С. 1–6 ; № 37. С. 1–10 ; № 38. С. 1–11 ; Его же. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1890 год // Там же. 1891. № 38. С. 8–9 ; № 39. С. 1–6 ; № 41. С. 10–14 ; № 42. С. 7–12 ; № 43. С. 8–13 ; № 44. С. 4–7 ; № 45. С. 6–11 ; № 46. С. 1–6.

Отчеты Иркутской духовной миссии: А. П. [Парфений, архиепископ]. Сведения об Иркутском отделении миссии духовной в пределах Восточной Сибири за 1866 год // Там же. 1867. № 16–17. С. 175–181 ; № 18. С. 201–214 ; № 19. С. 221–236 ; № 20. С. 240–249 ; № 21. С. 253–266 ; № 22. С. 273–288 ; Его же. Иркутская духовная миссия с 1861 по 1870 год // Там же. 1870. № 30. С. 218–224 ; № 31. С. 227–231 ; № 32. С. 233–242 ; № 33. С. 245–257 ; № 34. С. 259–271 ; № 35. С. 273–280 ; № 37. С. 297–301 ; № 38. С. 303–307 ; № 39. С. 312–317 ; № 40. С. 319–326 ; № 41. С. 333–337 ; Его же. Иркутская духовная миссия в 1870 году // Там же. 1871. № 24. С. 325–337 ; № 25. С. 339–353 ; № 26. С. 535–550 ; № 27. С. 551–566 ; № 28. С. 567–581 ; № 30. С. 599–616 ; Извлечение из Епархиального отчета за 1871 год. Об Иркутской духовной миссии // Там же. 1872. № 45. С. 569–576 ; № 46. С. 589–593 ; № 47. С. 607–611 ; Мелетий (архимандрит). Иркутская духовная миссия в 1873 году // Там же. 1874. № 21. С. 273–281 ; № 22. С. 283–296 ; № 23. С. 297–316 ; № 25. С. 229–343 ; Вениамин (епископ). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1874 год // Там же. 1875. № 15. С. 191–196 ; № 16. С. 205–218 ; № 17. С. 223–237 ; № 18. С. 242–258 ; № 19. С. 259–276 ; № 20. С. 277–284 ; Мелетий (архимандрит). Иркутская духовная миссия в 1875 году // Там же. 1876. № 40. С. 577–584 ; № 41. С. 585–596 ; № 43. С. 619–626 ; № 44. С. 628–638 ; № 45. С. 639–652 ; № 46. С. 653–664 ; № 47. С. 665–680 ; Его же. Иркутская духовная миссия в 1876 году : (отчет) // Там же. 1877. № 36. С. 463–467 ; № 37. С. 485–490 ; № 38. С. 491–498 ; № 39. С. 510–513 ; № 40. С. 517–521 ; № 41. С. 529–533 ; № 42. С. 539–544 ; № 43. С. 551–553 ; № 44. С. 561–572 ; № 45. С. 579–584 ; Его же. Иркутская духовная миссия в 1877 году // Там же. 1878. № 14. С. 159–168 ; № 15/16. С. 171–192 ; № 17. С. 193–200 ; Димитрий (иеромонах). Иркутская духовная миссия в 1878 г. // Там же. 1879. № 17. С. 169–175 ; № 18. С. 179–188 ; № 19. С. 193–202 ; Его же. Иркутская духовная миссия в 1879 году // Там же. 1880. № 26. С. 332–347 ; № 27. С. 348–366 ; Гурий (архимандрит). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1880 год // Там же. 1881. № 18. С. 186–193 ; № 19. С. 197–209 ; № 20. С. 211–225 ; № 21. С. 227–242 ; № 22. С. 245–259 ; № 23. С. 261–268 ; № 24. С. 277–286 ; Макарий (архимандрит). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1881 году // Там же. 1882. № 16. С. 197–210 ; № 17. С. 211–219 ; № 18. С. 221–231 ; № 19. С. 239–250 ; № 20. С. 251–260 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1882 году // Там же. 1883. № 20. С. 257–269 ; № 21. С. 271–283 ; № 22. С. 285–290 ; № 23. С. 291–306 ; № 24. С. 308–316 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии

в 1883 году // Там же. 1884. № 19. С. 217–224 ; № 20. С. 225–234 ; № 21. С. 237–249 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1884 году // Там же. 1885. № 38. С. 463–471 ; № 39. С. 473–480 ; № 40. С. 481–496 ; № 41. С. 497–501 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1885 году // Там же. 1886. № 16. С. 189–199 ; № 17. С. 201–210 ; № 18. С. 211–220 ; № 19. С. 221–230 ; № 20. С. 231–238 ; Макарий (епископ). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1886 году // Там же. 1887. № 18. С. 154–163 ; № 19. С. 164–173 ; № 20. С. 174–181 ; № 21. С. 182–193 ; № 22. С. 201–204 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1887 году // Там же. 1888. № 15. С. 134–144 ; № 16. С. 146–153 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1888 году // Там же. 1889. № 16. С. 1–14 ; № 17. 1–6 ; № 18. С. 1–4 ; № 19. С. 1–10 ; № 20. С. 1–6 ; № 21. С. 1–10 ; Агафангел (еп.). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1889 год // Там же. 1890. № 27. С. 1–9 ; № 28. С. 1–12 ; № 29. С. 1–9 ; № 30. С. 1–12 ; № 31. С. 1–10 ; № 32. С. 1–10 ; № 33. С. 1–10 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1890 год // Там же. 1891. № 32. С. 5–11 ; № 33. С. 1–10 ; № 34. С. 1–13 ; № 35. С. 1–9 ; № 36. С. 1–10 ; № 37. С. 8–10 ; № 38. С. 1–7 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1892 год // Там же. 1893. № 26. С. 1–8 ; № 27. С. 1–6 ; № 28. С. 1–8 ; № 29. С. 1–4 ; № 30. С. 1–11 ; № 31. С. 1–8 ; № 32. С. 1–13 ; № 33. С. 1–14 ; № 35. С. 1–4 ; Никодим (еп.). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1894 год // Там же. 1895. № 14. С. 164–170 ; № 15. С. 179–186 ; № 16. С. 203–206 ; № 17. С. 224–230 ; Его же. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1895 год // Там же. 1896. № 16. С. 227–234 ; № 17. С. 248–258 ; № 18. С. 270–282 ; Евсевий (еп.). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1896 год // Там же. Прибавления. 1897. № 10. С. 115–130 ; № 11. С. 133–142 ; № 12. С. 149–159 ; № 13. С. 171–180 ; Никанор (еп.). Иркутская духовная миссия в 1897 году : (отчет 32-й) // Там же. 1898. № 11. С. 202–206 ; № 12. С. 210–219 ; № 13. С. 237–242 ; № 14. С. 256–265 ; № 15. С. 272–279 ; Филарет (еп.). Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1898 год // Там же. 1900. № 4. С. 41–52 ; № 5. С. 73–83 ; № 6. С. 100–110 ; № 7. С. 116–124.

8. С[вященник] Н[иколай] П[ономарев]. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле месяцах 1913 г. // Там же. 1913. № 21–22 ; 1914. № 2, 4, 6, 10, 11, 13–15, 17/18, 20–23.

9. Памяти архимандрита Михаила // Там же. 1884. № 10. С. 125–132.

Е. В. Сметанина*

МИССИОНЕРСКИЕ БЕСЕДЫ СО СТАРООБРЯДЦАМИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИРКУТСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

В статье рассматриваются миссионерские беседы со старообрядцами, которые публиковались на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей» с 1880 по 1883 г. Вел их архимандрит Михаил – глава противораскольнической миссии. В беседах был затронут круг вопросов о перстосложении, антихристе, символе веры, браке и др. – это именно те темы, в трактовке которых старообрядцы разошлись с официальной церковью и стали ее рьяными противниками.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, старообрядчество, миссионерские беседы, «Иркутские епархиальные ведомости».

Elena V. Smetanina

MISSIONARY CONVERSATIONS WITH OLD BELIEVERS ON PAGES OF THE «IRKUTSK DIOCESAN NEWS» MAGAZINE

In the article the missionary conversations with the Old Believers which had been published in the «Irkutsk Diocesan News» since 1880 till 1883 are considered. They were led by Archimandrite Michael who was the head of the antischismatical mission. The range of issues were raised in the conversations: specifically the arrangement of fingers, Antichrist, the creed, the matrimony, etc. These were the very issues in the interpretation of which the Old Believers split from the official church and became its zealous opponents.

* **Сметанина Елена Владимировна**, канд. ист. наук, зав. сектором краеведческой библиографии отдела библиографии и краеведения ГБУК «Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского», г. Иркутск.

Smetanina Elena V., candidate of historical sciences, section head of the Department Bibliography and Local History, FBIC Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of I. I. Molchanov-Siberian, Irkutsk.

E-mail: sme.lena@mail.ru

Keywords: *Russian Orthodox Church, the Old Belief, the missionary conversations, the «Irkutsk Diocesan News».*

«Иркутские епархиальные ведомости» были официальным печатным органом Русской Православной Церкви. По внешнему виду ведомости представляют собой небольшие и неброские брошюры на газетной бумаге, составляющие 56 годовых подшивок за 1863–1919 гг. Журнал был адресован, прежде всего, приходским священникам Иркутской епархии, и его подписная цена соответствовала скромному бюджету сельского пастыря. Издание еженедельного журнала началось 1 января 1863 г. по благословению архиепископа Иркутского Парфения. Первым редактором журнала был назначен кафедральный протоиерей Прокопий Громов, цензором – ректор Иркутской духовной семинарии архимандрит Дорофей [1].

Журнал состоял из двух частей: официальной и неофициальной. Обе части издавались отдельными оттисками с собственной сквозной нумерацией страниц. В неофициальной части публиковались статьи по истории церкви, проповеди, миссионерские статьи и епархиальная хроника. На страницах издания печатались новости епархии, обращения и беседы с верующими. В конце XIX в. решено было опубликовать цикл бесед со старообрядцами-семейскими.

По сведениям, опубликованным в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1867 г., первые старообрядцы в Иркутскую епархию были сосланы как государственные преступники и расселены по монастырям [12]. Остальные же старообрядцы имели относительно свободное перемещение и расселение и создали анклав уже за Байкалом – в Тарбагатайской, Верхнеудинской, Мухоршибирской и Куналейской волостях. Именно здесь официальная православная церковь вела миссионерскую работу по возвращению из раскола в лоно истинной веры. Работа у миссионеров шла тяжело, не хватало грамотных проповедников. В 70-е гг. XIX в. уровень образованности Иркутского духовенства повысился. Активизации миссионерской деятельности среди старообрядцев способствовало появление в составе миссии новых грамотных миссионеров, таких как архимандрит Михаил, священники Михаил Архангельский, Феодот Бородиневский, Яков Казмиров и др. [3].

Первая беседа со старообрядцами была опубликована архимандритом Михаилом, главой противораскольнической миссии, в 1880 г. Грамотный и образованный архимандрит с целью просвещения населения и показания неправоты вероотступников стал публиковать выдержки из бесед на страницах «Иркутских епархиальных

ведомостей». Так, беседа с лидером местного старообрядчества об Антихристе состоялась в деревне Чирках, Тотюнского уезда [4]. По словам самого старообрядца, имя которого не упоминается, он и его соратники являлись последователями федосеевского толка: «Я Федосеева согласия. Мы в нынешнее время браков не признаем, понеже теперь нет на свете священства – венчать некому» [4, с. 416]. Ключевым вопросом беседы было пришествие царствия Антихриста. Этот и предыдущий вопросы были основными в полемике между старообрядцами и официальной православной церковью. Не принявшие реформы патриарха Никона старообрядцы не видели возможности продолжения священства и были уверены в том, что Антихрист уже царствует на земле. Поэтому на свой вопрос: «По вашему мнению теперь уже царствует Антихрист?», архимандрит получил ожидаемый ответ: «Настало от лет патриарха Никона». По словам миссионера, после беседы, зачитывания мест из разных книг и рассуждений старообрядец задумался и попросил приехать еще раз для беседы.

Следующая беседа состоялась уже в 1881 г. Предваряя ее публикацию, автор высказался о намерении привести содержание своей беседы со старообрядцами о перстосложении для пользы любознательным читателям. «В продолжение моего шестилетнего служения миссионером (прежде в Казанской, а потом в Иркутской епархиях) мне пришлось совершить более трехсот публичных беседований со старообрядцами разных толков и согласий, которые хотя и разделяются между собою на разные СЕКТЫ, но все не согласуются в одном, именно: никто из них ни за что так не спорит, как за свое любимое двуперстие; ни одного моего собеседования с ними не проходило без того, чтобы не было разговора об этом предмете» [8]. Архимандрит Михаил в этой беседе делает акцент на уровне грамотности старообрядцев: «Между забайкальскими старообрядцами я нашел только в одном Куйтунском селении несколько человек, порядочно начитанных старопечатными книгами. С последними, в присутствии собравшихся их единомышленников, мне приходилось раза четыре вести самая мирные, никем не возмущаемые собеседования» [8, с. 472]. Это высказывание кажется предвзятым, тем более, что многие исследователи этого вопроса утверждают обратное [2], но нетрудно понять мотивы миссионера, которому необходимо было показать в глазах обывателя вероотступников людьми недалекими и малограмотными.

Исследование этой темы продолжалось, как было сказано выше, в течение нескольких бесед. По словам священника, его доводы подтолкнули старообрядцев к более пристальному изучению

старопечатных книг. Содержание бесед приведено в форме вопрос-ответ. Архимандрит излагает свою точку зрения на то, что крестное знамение было разным, начиная с одноперстного, на древних иконах сохранившегося, и нет ничего страшного, что двуперстие теперь заменилось троеперстием.

Обосновывая свое мнение, в каждой беседе и по каждому вопросу старообрядцы ссылались на произведения и авторов, которые были признаны авторитетными в их среде. Желая внести сомнения в их убеждения, архимандрит высказывается следующим образом: «Кирилл иерусалимский, живший в четвертом столетии, действительно признан всею церковью святым, и писание его, что только он писал, почитается православными несомненно, но книга, именуемая Кирилловою, написана <...> не святым Кириллом Иерусалимским, а собраны в оную разные статьи <...> черниговским протопопом Михаилом Роговым, который не был признан святым и жил в XVII в. Книгу Большой Катехизис сочинил протопоп Корецкий Лаврентий Зизаний, который жил в Белоруссии в XVII в. Книгу о Вере Единой составил родной брат Лаврентьев Стафан Зизаний, который не имел даже священнического сана. Книга Малый Катехизис переправлена в Москве на печатном дворе справщиками тогдашнего времени из книг киевского митрополита Петра Могилы, под названием «Исповедание православное веры» [9].

Продолжение беседы, опубликованное уже в следующем номере, перешло к вопросу о том, почему свергли и осудили патриарха Никона [10]. Окончание беседы, приведенное уже в номере 41, не столь пространно, как две предыдущие части [11]. Итогом многочасовых споров, по сути, стал компромисс, предложенный священником: «Переменять двуперстие на триперстие я вас, друзья мои, не принуждаю; молитесь двуперстно, только не удаляйтесь более от единой матери нашей св. церкви, без которой никто не может спастись» [11, с. 501].

15 апреля 1882 г. архимандрит Михаил провел беседу с забайкальскими старообрядцами о кресте, на котором был распят Иисус Христос [7]. В статье не указано, ни в каком селении, ни в каком составе проходила беседа. Приведены многочисленные свидетельства о форме и количестве концов креста из священных книг. Этот вопрос был поднят не случайно. Крест, освященный кровью Христа, превратился из орудия казни в символ искупления и объект почитания. Староверы истово отстаивали, что настоящим является только крест восьмиконечный.

Следующая беседа, опубликованная в 1883 г., состоялась в конце предыдущего 1882 г. «После неоднократных моих бесед с

шерлодаевскими (шеролдаевскими – авт.) глаголемыми старообрядцами о вечном пребывании на земле Христовой церкви, о ее таинствах, пастырях и обрядах, ныне мне пришлось беседовать с ними, подробнее прежних бесед, о неповрежденности символа веры, вследствие того, что они сами пожелали выслушать в настоящий раз мои доказательства из старопечатных книг об этом важном предмете. Беседа была проведена мною в декабре месяце 1882 г. следующим порядком <...> собрались того селения начетчики, грамотеи и почетные старики, всех человек около сорока...» [5]

В описании архимандрит останавливается на внешности и манерах старообрядцев, участвующих в беседе. Защищая свою точку зрения, старообрядцы говорили, что исключение слова «истиннаго» было недопустимо и искажило саму святость Символа Веры. На что грамотный проповедник-миссионер приводит многочисленные примеры из уважаемых старообрядцами книг о разных вариантах прочтения Символа Веры еще до Никона. Вне беседы со старообрядцами, обращаясь к стороннему читателю, архимандрит Михаил перечисляет книги, в которых также имеются доказательства разночтений Символа Веры. «Выслушав эти слова, старообрядцы ничего не возражали, и я, порядочно уставши, прекратил беседу с ними, в заключение же посоветовал им примириться со святой церковью» [5, с. 106].

Темой очередной беседы со старообрядцами стал брак и имя Христа. «В настоящей беседе с забайкальскими старообрядцами о браке и правильном произношении имени Иисуса мною приводимы свидетельства из старопечатных и старописьменных книг <...> я решился эту беседу записать и напечатать, дабы показать, сколь неправильное имеют понятие об этих предметах люди, уклоняющиеся от св. церкви» [6]. Беседа состоялась в селе Унэгэтэй Верхнеудинского округа.

«Да живем себе помаленьку, занимаемся больше домашними делами, а грамотные почитывают и книги, какая есть», – ответил другой старик. При сем, вставши с места, он вынул из запазухи рукописную тетрадь и, подойдя ко мне и показывая оную, проговорил следующие слова: «Вот ты, отец архимандрит, нам говорил, что нигде нет в писании свидетельства о том, чтобы можно было жить с женой не венчавшись, а мы нашли в писании святом, что, нужды ради, можно жить с женою и не венчавшись, по одному благословиению родительскому» [6, с. 665]. Эта небольшая цитата точно раскрывает некоторые характерные особенности старообрядческой среды. Во-первых, пытливость умов и усердие в поиске мест из Святого Писания для обоснования точки

зрения в полемике. Во-вторых, для сохранения книг и удобства частого использования делались выписки, содержавшие цитату и точные указания на источник. «Ну, полноте говорить о браке; ведь и сами мы хорошо знаем, что не венчавшись жить с женами грешно. Да что же будем делать, коли теперь такое пришло время? Нужды ради мы это делаем. Попов у нас нет, венчать вестимо некому», – присовокупил другой старик» [6, с. 666–667].

На этом цикл статей, опубликованный на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей», заканчивается. Как мы видим, лишь в одной беседе приводится точное указание на то, какому толку принадлежал старообрядец. Он сам объявляет себя федосеевцем. Остальная масса старообрядческого населения Забайкалья, как известно из архивных источников, принадлежала к поповскому направлению. Беспоповцы составляли малый процент от общего числа старообрядцев и на контакт с миссионерами, как правило, не шли.

Круг вопросов, затронутых в беседах: о перстосложении, Антихристе, символе веры, браке и др. – отражает основные противоречия, по причине которых старообрядцы стали рьяными противниками официальной церкви. Каждое согласие и каждый толк сформировали для себя истинный, по их мнению, ответ. И эти разногласия стали темой для полемики не только с официальной церковью, но между самими толками и согласиями.

Возможно, эти беседы оказали некоторое воздействие на православных читателей, чего, однако, нельзя сказать о старообрядцах. Несмотря на активную миссионерскую работу со стороны РПЦ, из старообрядчества в православие до революции перешла лишь крошечная часть населения. Некоторое количество старообрядцев, правда, перешло в Единоверие. Единоверие было задумано как компромисс: оно могло стать промежуточной ступенью между староверием и православием, но этого не произошло.

Литература и источники

1. Акулич О. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник [Электронный ресурс]. Иркутск : Иркут. епархия, 2008. URL: <http://www.http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1392>. (дата обращения: 02.02.2015).
2. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. 145 с.; Бураева С. В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 100 с.; Петрова Е. В. Социокультурная адаптация

старообрядчества Забайкалья : этносоциологический анализ. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 129 с.

3. Гусейнова Т. Н. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев Забайкалья (XVIII – начало XX в.) : автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 24 с.

4. Михаил (архим.). Беседа с беспоповцем об Антихристе, января 10 дня 1880 г. // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1880. № 33. С. 416–427.

5. Его же. Беседа с глаголемыми старообрядцами в Шерлодаевском селении о том, что символ веры нисколько не поврежден в нашей православной церкви. // Там же. 1883. № 7. С. 90–106.

6. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о браке и о правильном имени Господа и Бога нашего Иисуса Христа // Там же. 1883. № 52. С. 663–667.

7. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о кресте, на котором был распят Иисус Христос (окончание). // Там же. 1882. № 35. С. 451–460.

8. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о перстосложении для крестного знамения // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1881. № 39. С. 471–482.

9. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о перстосложении для крестного знамения // Там же. 1881. № 39. С. 480.

10. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о перстосложении для крестного знамения // Там же. 1881. № 40. С. 483–500.

11. Его же. Беседа с забайкальскими старообрядцами о перстосложении для крестного знамения // Там же. 1881. № 41. С. 501–509.

12. Начальное появление раскольников в Иркутске // Там же. 1867. № 16/17. С. 181–189.

*Н. В. Чичкова**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ В XIX ВЕКЕ (ОБЗОР ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье дается обзор деятельности духовных миссий в Восточной Сибири по документам Государственного архива Иркутской области.

***Ключевые слова:** Русская Православная Церковь, Иркутская епархия, Иркутская духовная миссия, Забайкальская духовная миссия, миссионеры, раскольники, инородцы, Государственный архив Иркутской области, Иркутская духовная консистория.*

Nadezhda V. Chichkova

ACTIVITY OF ORTHODOX MISSIONS IN THE XIX CENTURY (REVIEW ON DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE IRKUTSK REGION)

In article the review of activity of spiritual missions in Eastern Siberia under documents of the State Archive of the Irkutsk region is given.

***Keywords:** Russian Orthodox Church, the Irkutsk Diocese, Irkutsk spiritual mission, Transbaikalian spiritual mission, missionaries, dissenters, foreigners, the State Archive of the Irkutsk region, the Irkutsk spiritual consistory.*

История миссионерства в России в целом и в частности в Сибири изучена достаточно подробно. В последнее время появилось много

* **Чичкова Надежда Викторовна**, зав. сектором публикаций ОГКУ «Государственный архив Иркутской области», г. Иркутск.

Chichkova Nadezhda V., manager of the Sector of Publications, RSSI State Archive of the Irkutsk region, Irkutsk.

E-mail: ogugaio@mail.ru

работ о проблеме распространения православия в Сибири, о деятельности Алтайской, Забайкальской, Иркутской и других духовных миссий, о знаковых личностях, таких как святители Иннокентий (Кульчицкий) и Иннокентий (Вениаминов), Макарий (Глухарев), Нил (Исакович) и др.

В фондах Государственного архива Иркутской области (далее ГАИО) содержится бесценный и богатейший материал по истории миссионерской деятельности в Восточной Сибири и сопредельных странах (Китае, Монголии, Японии) в XIX в., представленный документами различных организаций: Иркутской духовной консистории, благочинных, конторой Иркутского архиерейского дома, фондов отдельных церквей и монастырей, органами власти и управления, в частности Главным управлением Восточной Сибири, Канцелярией Иркутского генерал-губернатора, Иркутским губернским управлением, инородными управами, частично фондами межевых организаций (Иркутская губернская чертежная) и образования.

Основной массив документов по данной тематике сосредоточен в документах хорошо известного исследователям фонда Иркутской духовной консистории (фонд № 50). Фонд характеризуется не только многообразием видов документальных источников, но и разнообразием информации. Основные комплексы документов составляют указы консистории, распорядительная документация о функционировании Иркутской, Забайкальской, частично Якутской, духовных миссий.

Отчеты Иркутской духовной консистории в Святейший Синод содержат аналитические, количественные сведения обо всех направлениях деятельности Иркутской епархии, в том числе и о миссионерской деятельности. Путевые журналы священников-миссионеров представляют собой описание по дням деятельности благочинных миссионеров при объезде ими инородческих улусов. Эти журналы содержат богатейший материал о методах работы миссионеров среди инородческого населения, их взаимоотношениях, о быте, обычаях инородцев.

Среди документов присутствуют рапорты, отчеты, ведомости миссионеров о работе среди иноверцев (в основном среди инородцев-шаманистов и ламаистов, но также и среди раскольников, сектантов), о числе новокрещеных и «отвернувшихся» от православия. Имеются прошения, отчеты священников о строительстве, открытии новых миссионерских церквей, училищ. Также в фонде содержатся клировые ведомости миссионерских церквей Иркутской губернии (включая Тункинскую волость) и в единичных случаях – Забайкальской и Якутской областей.

Послужные списки священников, благочинных позволяют выявить перемещения и поощрения священников по службе, полученное ими образование и социальное происхождение. Интересный материал о деятельности миссионеров и их взаимоотношениях с местным населением (иноверцами и новокрещеными) содержат всевозможные рапорты, жалобы инородцев на действия священников-миссионеров, а также рапорты священников о притеснениях новокрещеных бурят сородичами.

Следует оговорить, что основная масса документов фонда Иркутской духовной консистории охватывает вопросы деятельности иркутских архиереев в пределах Иркутской губернии и в меньшей степени затрагивает Енисейскую губернию, Забайкальскую и Якутскую области. Похожие по видовой принадлежности и содержанию немногочисленные документы хранятся в фондах благочинных, отдельных церквей и монастырей. Также сведения о взаимодействии церкви и инородческого населения содержатся в фондах инородных управ, где они представлены именными списками инородцев, принявших крещение, их прошениями о предоставлении им льготы по выплате ясака, перепиской исправников и духовной консистории с Иркутской казенной палатой.

В фонде № 51 «Контора архиерейского дома» содержатся в основном документы, характеризующие хозяйственную деятельность Иркутского архиерея. Комплекс документов посвящен описанию устройства, состояния Ниловой пустыни – крупного центра миссионерской деятельности в Тункинской волости Иркутской губернии. В фонде № 39 «Иркутская губернская чертежная» дается представление о месторасположении и количестве выделяемой миссионерским станам и церквям земли.

Документы, посвященные взаимоотношениям гражданских властей и Православной Церкви по вопросам миссионерства, находятся также в фондах региональных органов государственной власти и управления: в фондах № 24 «Главное управление Восточной Сибири», № 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора», «Иркутское губернское управление». Данные фонды позволяют исследователям изучить постановку миссионерского дела среди раскольников, сектантов, ламаистов в Иркутской губернии и Забайкальской области. Документы в них представлены в основном нормативной документацией, циркулярами, отчетами, рапортами, перепиской гражданских властей и представителей духовной власти, ведомостями о численности, образе жизни, расселении представителей неправославных конфессий, о

деятельности единоверческих священников и раскольничьих миссионеров, послужными списками ламаистского духовенства.

Сибирь XIX в. предоставляла широкую сферу деятельности для миссионерства. На ее необъятных просторах проживали представители различных религиозных направлений: кроме православного большинства, основную массу составляли шаманисты, ламаисты, старообрядцы-раскольники, сектанты, а также католики, протестанты, иудеи и мусульмане. Близость монгольской и китайской границ открывала горизонты духовно-просветительной деятельности церкви на сопредельные страны. Основной формой распространения христианства среди инородцев явилось создание православных миссий, действовавших на постоянной основе. Следует отметить, что в Сибири была не одна-две миссии, а целая сеть, сотрудники которых должны были заниматься не только крещением «инородцев», но и их духовным и светским образованием. На территории Восточной Сибири, в пределах Иркутской епархии, в XIX в. существовали Иркутская и Забайкальская миссии, до 1852 г. – Якутская миссия.

Иркутская духовная миссия действовала среди инородческого населения Иркутской губернии, исповедующего шаманизм и в незначительной степени ламаизм (аларские буряты). Миссия находилась под непосредственным начальством иркутских архиереев до 1882 г. – года открытия второго викариатства в Иркутской епархии. С этого времени главой Иркутской миссии становится епископ Киренский. На 1883 г. деятельность миссионеров Иркутской духовной миссии совершалась в 17 станах. При миссии трудились 18 священников и 3 крещеных инородца из новопросвещенных лам со званием переводчиков при миссионерах [1]. Сведения об Иркутской духовной миссии почти стопроцентно сконцентрированы в фонде Иркутской духовной консистории.

В Забайкальской области действовала Забайкальская духовная миссия, начальником которой являлся епископ Селенгинский, и находящиеся под его управлением миссионеры совершали свой подвиг (на 1883 г.) в 20 станах. В составе миссии состояли 1 игумен, 5 иеромонахов, 17 священников (в том числе трое из бурят) [1]. Деятельность Забайкальской миссии имела свои особенности: проповедь велась как среди инородцев-язычников, так и среди ламаистов, старообрядцев и сектантов. Опасным оппонентом и конкурентом православию на территории Иркутской епархии, в особенности в Забайкальской области, стал буддизм, а точнее, его разновидность – ламаизм. Ламаистами в большинстве своем были

буряты Забайкальской области, а также тункинские и аларские буряты Иркутской губернии.

В середине XIX в. делаются попытки ограничить влияние и распространение ламаизма на территории Восточной Сибири. По указанию и при участии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского было разработано «Положение о ламаистском духовенстве в Восточной Сибири 1853 г.» [2], по которому административная деятельность лам ставилась под контроль правительства, определялось количество лам и дацанов. Синод и Департамент духовных дел иностранных исповеданий потребовали, чтобы в клятве, приносимой Бандито-Хамба ламой при вступлении в должность, отсутствовало обещание стремиться к распространению буддийской веры, так как «...по нашему узаконению одна только господствующая церковь имеет право распространять свое учение ...» [3] Эти меры должны были, по мнению гражданских и духовных властей, препятствовать распространению буддизма среди местного населения, освобождая «поле боя» для православных миссионеров.

Исторически Забайкальская область стала местом компактного проживания старообрядцев, сектантов. Документы о них содержатся в фонде № 50 Иркутской духовной консистории, они представлены отчетами, донесениями, рапортами миссионеров Селенгинского монастыря, Мухошибирской и Бичурской церковью об их работе среди раскольников. В фондах № 24, № 25 содержатся отчеты Забайкальского областного правления о количестве, образе жизни, расселении раскольников и сектантов. Именно эти отчеты дают исследователям представление о безуспешной политике Забайкальской духовной миссии в частности, и Православной Церкви в целом по отвлечению от раскола.

В фонде Иркутской духовной консистории имеются немногочисленные документы о деятельности Якутской миссии: переписка обер-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына с Преосвященным Иркутским и гражданскими властями о состоянии и деятельности Якутской миссии (1813 г.), ведомости о новокрещенных по г. Якутску, Олекминскому уезду (1818 г.), рапорты священника Григория Слепцова о распространении своей деятельности в северных районах Якутии, об определении его сына переводчиком чукотского языка, о награждении священников за усердную службу среди инородцев, клировые ведомости якутских церковей по благочинию священников Никиты Запольского и Дмитрия Хитрова, Градо-Якутского Троицкого собора за 1846, 1850 гг.

Особый интерес и историческую значимость имеют документы фонда Главного управления Восточной Сибири (дипломатической канцелярии) и Иркутской духовной консистории, содержащие сведения о деятельности Пекинской духовной миссии: сообщения начальника миссии о делах в Китае, о назначении, увольнении, перемещениях священников – служащих миссии, о продлении сроков пребывания миссии в Китае.

Документы ГАИО раскрывают не только особенности управления и состава миссий, но и их материальное положение. В фонде Иркутской губернской чертежной имеется отношение обер-прокурора Св. Синода к министру государственных имуществ от 25 декабря 1866 г., в котором сообщается о крайне тяжелом материальном положении Алтайской, Иркутской и Забайкальской миссий. «... Одним из главных затруднений для наших Миссий ... Совет [Православного миссионерского общества] считает необеспеченность их в материальных средствах... Крайняя скудность денежных и материальных средств Миссий лишает возможности иметь более потребное количество миссионеров, школ и церквей ... православные миссионеры вовсе не имеют никакого земельного надела и кроме скудного жалования не получают никаких доходов от крещеных инородцев, которым очень часто принуждены сами помогать из своих ничтожных средств. ... При таком положении Миссий Совет Миссионерского общества, в видах обеспечения их успеха, ходатайствует, чтобы миссионерские станы были надбавлены казенными землями ... в количестве не менее 3000 десятин на каждый стан...» [4]. Документальные материалы фонда Иркутской губернской чертежной подтверждают, что со второй половины 1860 г. в Иркутской губернии началось активное межевание и выделение земель, изымаемых у инородцев, под обустройство новых миссионерских станов, церквей.

Повышенный интерес исследователей вызывают способы и методы, итоги и значение миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Восточной Сибири. В фонде Иркутской духовной консистории содержится рапорт миссионера Шимкинского стана священника Митрофана Короткоручко-Рутченко начальнику Иркутской духовной миссии епископу Киренскому Иоанну, в котором он перечисляет используемые в своей работе методы миссионерской деятельности. «...Меры, практикующиеся ныне по обращению инородцев суть следующие: а) Церковные богослужения в храме и проповедь. Религиозно-нравственные беседы с инородцами при посещении улусов. б) Школьно-просветительные меры с убеждением бурят отдавать своих детей в русские, православные школы, но не в ламайские. Чтения и беседы в школе с световыми картинками на религиозные,

исторические и бытовые темы, причем большее внимание оказывалось чтению о вреде пьянства, так как этот недуг быстро вкореняется среди русского и инородческого населения прихода. в) Благотворительные меры: при обращении бурят к местному миссионеру в спорах и тяжбах между собою и русскими преследовалась цель справедливости и мер примирения враждующих сторон. Мелкая помощь – советами и делами оказывалась всем без различия нуждающимся. Оказывание медицинской помощи непосредственно миссионером так и через лиц медицинского персонала местной лечебницы...» [5] Расширяя круг методов миссионерской деятельности, можно назвать также строительство и деятельность миссионерских монастырей, церквей, школ, перевод священных текстов на национальные языки.

В ноябре 1830 г. Иркутским архиепископом Иринеем (Несторовичем) для миссионеров Иркутской духовной миссии были четко определены инструкции о том, как вести себя по отношению к иноверцам и новокрещеным: «Миссионеры, избираемые для проповедования Слова Божия иноверцев, должны воспламенять себя священной ревностью к сему занятию ... при посещении своем [инородцев] священник собирает всех в одно, где удобнее признается место, толкует им заповеди Божьи... Ежели кто при сем из неверных объявит желание креститься, то, во-первых, ему должно быть сделано довольное наставление и обратить все свое внимание на то, чтобы он принимал Святое крещение единственно ради спасения души своей ... Священнику отнюдь непристойно делать никаких неуместных строптивостей, корыстолюбивых притязаний и требований ... разве кто по усердию своему чем-нибудь почествовать его захочет ... » [6] Инородцы охотно принимали крещение во время объезда архиереями и священниками-миссионерами своего прихода. В фондах № 50, 24, 25 имеются ведомости о количестве новокрещеных иноверцев по Иркутской губернии, Забайкальской области, а также составлявшиеся миссионерами ведомости о количестве принявших православие.

Кроме проповеди для привлечения сибирских народов к православию в миссионерской деятельности широко использовалась практика раздачи подарков за счет государственной казны и средств, выделяемых Иркутским комитетом Православного миссионерского общества (в 1875 г. был выделен 541 рубль 42 копейки) [7], предоставления на несколько лет льгот по уплате ясака. Для изучения этого аспекта рассматриваемой проблемы целесообразно обратиться к фондам инородных управ (фонды №№ 148, 151, 152, 387, 461). В исследовательской литературе, как правило, отсутствуют ссылки на

данные фонды. Фонды представлены именными списками инородцев, принявших крещение, их прошениями о предоставлении им льготы по выплате ясака, перепиской исправников, духовной консистории с Иркутской казенной палатой.

Миссионеры выступали защитниками инородцев, особенно новокрещеных, от произвола своих соплеменников. Документальный материал фондов инородческих управ и Иркутской духовной консистории содержит большое количество жалоб крещеных инородцев и последовавших за ними разбирательств о побоях и притеснениях со стороны инородных начальников, тайшей. Так, 10 марта 1878 г. харбатовский миссионер Иван Сотников подал рапорт архимандриту Мелентию о том, что не признающий православия староста Хенхедурского рода избил и арестовал крещеную инородку Одойхон Инкееву, заставив ее таким образом вернуться к шаманской вере. Обстоятельства начавшегося разбирательства дошли до иркутского губернатора К. Н. Шелашникова, распоряжением которого родовой староста был уволен с должности и Верхоленинским полицейским управлением начато следствие [8].

При содействии миссионеров было открыто и капитально отремонтировано множество храмов: в Шимковском миссионерском стане в 1863 г. построена Михайло-Архангельская церковь [9], Нукутская Иннокентьевская церковь Балаганского благочиния и округа «...построена в 1848 г. тщанием бывшего тайши Балаганского ведомства Григория Андреева, при пособии добротных подаяний...» [10], Боханская миссионерская Пророко-Ильинская церковь в Идинском инородческом ведомстве «... построена в 1869 г. тщанием братьев Пирожковых, с помощью инородцев Идинского ведомства...» [10, л. 1] и др. Даты строительства, перестройки, ремонта церквей имеются в клировых ведомостях, отчетах благочинных миссионерских станов. Миссионеры организовывали сбор средств на строительство и ремонт храмов, ходатайствовали перед местной властью, духовной консисторией, Иркутским комитетом Православного миссионерского общества. В 1876 г. Иркутский комитет Православного миссионерского общества организовал сбор пожертвований с благочиний Иркутской епархии для нужд миссии [11], в том числе и для строительства новых церквей. В январе 1878 г. инородцы Балаганского ведомства собрали 5 тысяч рублей на постройку новой Нукутской миссионерской церкви, взамен сгоревшей [12]. На постройку Анинской Николаевской церкви при Хоринской степной думе 22 мая 1859 г. было пожертвовано 50 рублей серебром генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским, а губернатор Забайкальской области

М. С. Корсаков пожертвовал 10 рублей серебром, животными на 28 рублей 25 копеек и вещами на 7 рублей [13].

Важная роль по распространению христианства в Сибири принадлежала местным монастырям. В фондах ГАИО достаточно полно представлена информация об образовании, хозяйственной и миссионерской деятельности Ниловой пустыни. В исторических исследованиях, затрагивающих вопросы образования Ниловой пустыни, указывается 1845 г. как год ее основания. Клировые ведомости Ниловой пустыни содержат следующую информацию: «Заштатная мужская Пустынь, во имя Преподобного Нила, расположена близ монгольской границы, в горах Саянского хребта, основана с Высочайшего разрешения 9 июня 1851 года. Главная цель основания Пустыни – распространение христианской веры между бурятами язычниками, населяющими ее окрестности, а также введение между ними грамотности и ознакомление с образом жизни русских поселян...» [14]

Одной из важнейших задач миссионерской деятельности являлось обучение инородцев, что также подтверждается документами архива. При миссионерских храмах строились школы, училища. На их строительство и открытие консистория и Иркутский комитет Православного миссионерского общества выделяли священнику денежные суммы, а вопросы содержания школы ложились на плечи прихожан. Например, при открытии миссионерской школы в Аларском ведомстве миссионер Иван Сотников в своей проповеди обращался с призывом к прихожанам взять на себя обеспечение школы дровами [15]. В Балаганском ведомстве приходское училище содержалось иркутским 3-й гильдии купцом Осипом Степановичем Котельниковым и было закрыто сразу же после его смерти, за отсутствием денег на функционирование [16].

Деятельность миссий напрямую зависит от личностей самих священников-миссионеров. Документы ГАИО позволяют проследить жизненный и служебный (подвижнический) путь не только известных, оставивших след в истории, священников, но и рядовых миссионеров. В отчете по обозрению епархии за 1878 г. приводятся списки миссионеров Иркутской и Забайкальской духовных миссий, с указанием места их служения и количества обращенных в православие. Мало кому, кроме исследователей по предложенной тематике, известны эти имена: по Иркутской губернии – Иннокентий Ливанов (Нукутский стан), Павел Берденников (Шимковский стан), Иван Сотников (Харбатовский стан) и др., по Забайкальской области – Владимир Гижицкий (Тугнуйский стан), Семен Стуков (Аннинский стан), Николай Писарев (Тарбагатайский единоверческий священник) и др.[17]

Большинство миссионеров были выходцами из среды духовенства, дети следовали по стопам своих отцов, но не всегда. Примером того, что миссионерская деятельность, желание нести Слово Божье народам Сибири привлекала представителей других сословий, является жизненный путь Владимира Михайловича Гижицкого. Он не оставил яркого следа в истории миссионерства в Восточной Сибири, но судьба его, выходца из дворянского сословия, оказавшегося в числе служителей церкви, все же примечательна. До принятия священнического сана потомственный дворянин, титулярный советник Владимир Гижицкий исполнял должность судебного следователя при Астраханской палате Уголовного и Гражданского суда, затем директора Царевского уездного отделения тюремного комитета, был пожалован в кавалеры ордена Св. Анны 3-й степени [18]. В январе 1877 г. обратился в Совет Православного миссионерского общества с желанием поступить на миссионерское служение. В свою очередь, Совет Православного миссионерского общества обратился к Епископу Иркутскому и Нерчинскому Вениамину с просьбой «...Не зная, какое дать назначение Гижицкому и не желая опустить его из виду, Совет Православного миссионерского общества просит Вас сообщить, угодно ли будет Вам принять Гижицкого на какую-либо должность в Иркутскую или Забайкальскую миссию...» [18, лл. 1–1об.] 1 августа 1877 г. Владимир Гижицкий был рукоположен в сан и определен в Иркутскую епархию, миссионером Тугнуйского стана Успенской церкви Забайкальской духовной миссии. За особенное усердие и труды в назидании новокрещеных и язычников, проповедование Слова Божия уже в сентябре 1879 г. ему была выражена благодарность начальника Забайкальской миссии епископа Селенгинского, в декабре 1880 г. он был награжден набедренником [18, лл. 18–23].

Миссионерская тематика в Государственном архиве Иркутской области не ограничивается кругом фондов и документов, описанных в данной статье. Документы архива содержат большой объем иной информации по данной проблеме и представляют собой богатейший материал для изучения.

Источники

1. ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 1. К. 1394. Л. 20–21.
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 187. К. 2690. Л. 16–30, 61–78 об.
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 187. К. 2690. Л. 235–235 об.
4. ГАИО. Ф. 39. Оп. 3. Д. 80. Л. 9–11 об.
5. ГАИО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 об.

6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3774. Л. 16, 17 об., 18.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8569. Л. 2–2 об.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8907.
9. ГАИО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8457. Л. 5.
11. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8715. Л. 1–1 об.
12. ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 1584. К. 2356. Л. 1.
13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7199. Л. 5–5 об.
14. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7821. Л. 1 об.
15. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8838. Л. 1–3.
16. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7271. Л. 7.
17. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8969. Л. 3–4 об.
18. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8811. Л. 10–10 об., 18–23.

УДК 281.93+262.14:930.25(571.53)

*М. В. Михайлова**

**ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАРНЯКОВ –
СВЯЩЕННИК И ГРАЖДАНИН
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Статья посвящена Федору Александровичу Парнякову, его деятельности как священника Бельской церкви и служению в Ургинской консульской церкви в Монголии. Статья написана на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области.

Ключевые слова: Парняков Ф. А., Бельская Сретенская церковь, церковно-приходская школа, благочинный, Монголия, Свято-Троицкая консульская церковь, Ургинское Попечительство, русская колония, лама, революция, кооперация.

* *Михайлова Марина Владимировна*, канд. ист. наук, ведущий архивист ОГКУ «Государственный архив Иркутской области», г. Иркутск.

Mikhaylova Marina V., candidate of historical sciences, leading researcher of archives, RSSI State Archive of the Irkutsk region, Irkutsk.

E-mail: ogugaio@mail.ru

FEODOR A. PARNJAKOV – THE PRIEST AND THE CITIZEN (UNDER DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE IRKUTSK REGION)

Article is devoted to Fedor A. Parnyakov, his activity as priest of Belsky church and to service in Urginsky consular church in Mongolia. Article is written on the basis of the documents which are stored in the State Archive of the Irkutsk region.

Keywords: *Parnjakov F.A., Belsky Sretensky church, church-parish school, decent, Mongolia, Piously-Troitsk consular, Urginsky Guardianship, Russian colony, the llama, revolution, cooperation.*

В фондах Государственного архива Иркутской области находятся на хранении документы, в которых содержится информация о священнике, миссионере, гражданине Федоре Александровиче Парнякове.

Ф. А. Парняков родился в 1870 г. в г. Балаганске в семье потомственного священника. Образование получил в Иркутской духовной семинарии (1886–1891 гг.), из которой был выпущен со званием студента.

В «Клировой ведомости Бельской Сретенской церкви» за 1893 г. имеется запись: «Священник Федор Александров Парняков – 24 лет, священнический сын, окончил курс в Иркутской духовной семинарии с аттестатом первого разряда, со званием студента в 1891 г. Высокопреосвященнейшим Вениамином, Архиепископом Иркутским и Нерчинским был рукоположен во диаконы 29 сентября, а 10 октября 1891 г. – в священники Бельской церкви. Грамоту имеет.

– Недвижимого имущества не имеет.

– Произнесение проповедей собственного [сочинения] – пятнадцать. Благочинный протоиерей Иннокентий Преловский» [1].

И с тех пор, двадцать лет, до 15 сентября 1910 г. Парняков служил священником в таежном селе Бельске Балаганского уезда Иркутской губернии. Богатства за всю службу так и не нажил. После девятнадцати лет его службы сельским священником в Бельске в «Клировой ведомости о церкви Бельской Сретенской Балаганского уезда Иркутской епархии за 1909 г.» по-прежнему значится: «недвижимого имущества никакого не имеет» [2].

При этом Парняков вел активную духовно-просветительскую деятельность, за что был отмечен наградами. В 1894 г. за открытие

и устройство церковно-приходских школ в селе Горельском и деревнях Мотовской и Средне-Булайской и за пастырское служение был награжден набедренником [3]. Он же этими школами и заведовал: с 1893 г. – Бельской, с 1896 г. – Мотовской и Средне-Булайской.

В фондах государственного архива Иркутской области сохранилось прошение Ф. А. Парнякова, в котором он обосновывает необходимость открытия «в здании церковно-приходской школы народной читальни и прочих мероприятий для нравственного развития прихожан». В прошении он пишет: «Жизнь прихожан нашей церкви, количеством душ простирающихся до 5 000 человек, полна грубого религиозного невежества, всевозможных предрассудков и суеверий, нравственного распутства, широкого пьянства с диким разгулом и проч. ...» [4] Разрешение было дано с припиской, сделанной рукой Иркутского архиепископа Тихона: «4 сентября 1897 г. Забота Пастыря о вверенной ему Божьей Пастве достойна похвалы, и мероприятия о возвышении религиозно-нравственного состояния прихода могут служить примером для других пастырей... Благословляю о. Парнякова со своим сослуживцем пастырем, привести в исполнение мероприятие ... Тихон. А[рхиепископ] Иркутский» [5].

В 1905 г. Парняковым было создано уездное Общество взаимопомощи для облегчения положения «тружеников на ниве народного образования». В том же году он становится «наблюдателем церковно-приходских школ Балаганского уезда» [6]. Уездным наблюдателем приходских школ Парняков состоял до 1 октября 1911 г. Как наблюдателя, священника занимала не обычная забота о благонадежности учителей, а прежде всего, их бедственное положение: «Едва ли нужно доказывать, что казенного жалования учащим едва хватает только для личного содержания, а учащим семейным или субсидирующим своих родственников, приходится испытывать нужду» [7]. Он предлагал, наряду с сохранением прежних источников доходов – подписных листов, лотерей, спектаклей, платных чтений и т. д., найти и ряд новых: ходатайствовать о единовременных пособиях за счет духовенства; из нарезаемых каждой школе 15 десятин земли передавать доход с одной десятины в пользу Общества взаимопомощи, с которой можно иметь огород, пасеку, посев хлеба и др. злаков, что может дать минимум 20 рублей дохода. При 180 школах в Иркутской епархии общий доход составил бы минимум 500 рублей – этот доход представлять Обществу. Оказывать помощь учителям в разумном и умелом ведении сельского хозяйства на этих 15 десятинах: предоставлять кредит для покупки семян и орудий, высылать

сельскохозяйственную литературу и т. д., чтобы у учителей, «как представителей культуры», могло учиться местное население.

Особенно Парнякова заботило оказание бесплатной медицинской помощи учителям: «Им некогда хворать, нет средств на лечение, и не на что надеяться в случае продолжительной болезни...» Поэтому он считал крайне желательным, чтобы Общество привлекало врачей для оказания медицинской помощи учителям бесплатно, или за небольшое вознаграждение, уплачиваемое им Обществом. В докладе, представленном Иркутскому епархиальному наблюдателю, Ф. А. Парняков писал: «Лично я ручаюсь за бесплатное лечение учащихся в Балаганском уезде врачами. Кроме того, желательно удешевить жизнь учащихся и организовать им некоторые удобства на известных курортах – Аршан, Имаровка, Широ и др.» [8]. За этот проект XXXII Епархиальный съезд депутатов от духовенства Иркутской епархии выразил Ф. А. Парнякову благодарность [9].

Также, с 1898 по 1914 г., в течение 17 лет Ф. А. Парняков ежегодно избирался депутатом на епархиальные училищные съезды, при этом на девяти съездах он избирался их председателем. За участие во Всероссийской переписи населения 1897 г. Ф. А. Парняков был удостоен бронзовой медали, а в день 25-летия приходских школ в 1909 г. награжден серебряной медалью [10].

У Федора Александровича была большая семья. Его жена – Мария Михайловна, дочь священника М. Решикова из с. Кудара Забайкальской области. Повенчаны они были 20 сентября 1891 г. в Усть-Кяхтинской Тихвинской церкви [11]. Мария Михайловна окончила курс в Иркутском женском духовном училище, в Бельске она была учительницей в женской приходской школе.

В семье было десять детей, восемь из которых родились в Бельске [12]. Большое влияние на подрастающих детей оказали политически активные пролетарского поколения революционеры, и двое из детей Парняковых стали революционерами – сын Пантелеймон и дочь Милица [13].

Старшая дочь Наталья писала об отце: «Трудно представить себе человека, менее подходящего для роли священника. У него не было ни склонности к нравоучениям, ни подчеркнутого внешнего благолепия. Это был настоящий сибиряк по всему своему складу – жизнелюбивый, энергичный, любивший практическую деятельность и жадно ею занимавшийся. Ему бы больше подошло быть естествоиспытателем, землепроходцем. Но в роду Парняковых все мужчины шли по духовной части...» [14]

15 сентября 1910 г. решением церковного начальства отец Федор Александрович Парняков переводится в Иркутск [15]. В его

священнической службе в Иркутске в этот период нет постоянства. Он служит сначала настоятелем Успенского, а затем Тихвинского храмов. Также служит законоучителем в коммерческом училище, женской гимназии, в 1-м и 2-м иркутских начальных училищах¹ [16]. Мария Михайловна занимается, помимо воспитания детей, благотворительной деятельностью. В 1910 г. она является одной из учредительниц бесплатной детской столовой для бедных, а также членом Общества защиты детей, созданного в Иркутске в 1912 г. [17].

31 марта 1912 г. Ф. А. Парнякова назначили благочинным Градо-Иркутских церквей [18]. Должность эта – административно-следственная, о. Ф. Парняков управлял благочинным округом, состоящим из приходов всех церквей г. Иркутска. Работа состояла в разборе скло и тяжб среди духовенства и была не по душе Ф. Парнякову.

На открытии общества хоругвеносцев Ф. А. Парняков выступил с речью, в которой отметил «крайнюю индифферентность сибирского населения к вопросам и интересам веры, церкви, ее внешнего культа и благочиния, что однако не должно смущать членов нарождающегося общества, а воодушевить их на борьбу с этим печальным явлением местной церковной жизни, дабы пробудить в местном населении любовь к церкви и ее установлениям» [19]. В ответ в своей статье епархиальный миссионер И. Климюк (И. К-кь)², не соглашаясь с Парняковым, протестует против «огульного обвинения населения Сибири, в частности, Иркутской епархии в религиозной теплохладности и индифферентности» [20]. Ф. А. Парняков, в свою очередь, предложил программу, в которой предлагал не наказывать неверующих, а искать меры «сближения духовенства с сельским населением на экономической почве» [21] – в сельскохозяйственных обществах, кооперации и т. п.

Также он считал, что влияние духовенства на просвещение крестьян должно быть более гибким: «...Необходимо создавать библиотеки, читальни, народные чтения с применением фонаря, картин и т. д. – для неграмотных. При этом библиотеки при храмах должны обслуживать прихожан не только богословской, но и общеобразовательной литературой и беллетристикой, проникнутой религиозным и

¹ После перевода Ф. А. Парнякова в Иркутск старшим священником Бельской Сретенской церкви назначается А. В. Круглов, окончивший курс Рязанской духовной семинарии. Он же становится заведующим церковно-приходскими школами Бельского прихода.

² Климюк И. (И. К-кь) – епархиальный миссионер, автор статьи в «Иркутских епархиальных ведомостях»

облагораживающим настроением». Одно из сельскохозяйственных обществ, под председательством священника на выставке 1911 г. получило бронзовую медаль «за культурно-просветительную деятельность».

В 1914 г. Парняков, по его личной просьбе, направляется настоятелем Ургинской³ консульской церкви в Монголию. В фондах Государственного архива Иркутской области находится на хранении дело «По вопросу о развитии деятельности в Монголии Ургинского Приходского попечительства, в целях объединения русских людей в этой стране», в котором имеется донесение «Императорского дипломатического агента и Генерального Консула в Монголии А. Миллера на имя г. Товарища Министра Иностранных дел». Миллер отмечает, что «религиозно-нравственные нужды нашей русской колонии, состоящей в большинстве из средних и мелких торговцев и рабочих – оставалось неудовлетворенными. Среди русских людей не было ни сплоченности, ни единения. Устранение всех этих недочетов быта русской колонии в далекой Урге сделалось возможным лишь после назначения настоятелем церкви Генерального Консульства Священника Отца Феодора Парнякова, энергично взявшегося за дело сплочения русской колонии на почве религиозно-нравственных интересов. В основу деятельности о. Феодора Парнякова был положен выработанный и утвержденный мною 17 июля 1914 г. устав Ургинского приходского попечительства» [22].

В целом по России подобные попечительства создавались для борьбы с религиозным нигилизмом, вели пропаганду просвещения в религиозном духе, существовали за счет взносов своих членов. Устав Ургинского попечительства включал религиозно-нравственные задачи: устройство школ, обеспечение их учебниками и библиотеками, приискание опытных учителей, издание своих книг и брошюр, устройство публичных лекций, литературных вечеров, содействие ученым учреждениям, изучающим Монголию [23]. Ф. А. Парняков принял самое активное участие в этой деятельности. Ему принадлежит идея собирания библиотеки, создания хора певчих и струнного оркестра из более чем двадцати инструментов под руководством техника-строителя И. М. Симухина [24].

³ г. Урга ныне г. Улан-Батор. В первые годы существования церкви при ней не было постоянного священника, богослужения совершали священники из Забайкальской и Китайской духовных миссий и Иркутской епархии. Постоянные богослужения в Урге начались в 1893 г., когда решением Священного Синода в консульскую церковь был назначен настоятелем священник Николай Шастин, бывший миссионер Забайкальской духовной миссии, который прослужил настоятелем до 1914 г.

Также Парняков имеет большие заслуги в создании и деятельности первого среднего учебного заведения в Урге – коммерческого училища. Федор Александрович был председателем собрания колонистов 27 июля 1915 г., которое решило открыть в Урге коммерческое училище, как наиболее необходимое для русских жителей Монголии. В течение 1916–1918 гг. обязанности директора училища Министерство торговли и промышленности возложило на Ф. А. Парнякова, исполнявшего эти обязанности три года. Когда финансовое положение училища упрочилось, директором был приглашен бывший инспектор Троицкосавского реального училища (а затем директор Бодайбинских реальных училищ) А. В. Барташев с группой преподавателей [25]. Ф. Парняков остался законоучителем и председателем попечительского совета училища. Надо отметить, что он очень переживал за свое детище и активно хлопотал о казенной субсидии для училища не только через консула и агента Министерства торговли и промышленности, но и через своего сына Пантелеймона⁴ и его друзей в Петрограде.

Деятельность Ф. А. Парнякова не ограничивалась только столицей Монголии. В своих записях «О русских в Монголии» он отмечает: «Обосновавшись в Урге, Попечительство считает своей неперменной обязанностью распространять свою деятельность и на другие, населенные русскими, пункты в Монголии» [26]. В отчете за 8 декабря 1914 г., присланном на имя епископа и опубликованном в «Забайкальских епархиальных ведомостях», о Федор Парняков очень подробно рассказывает о своей поездке по Монголии: «...Тракт не имеет дороги, т. е. определенной накатанной колеи, а ездят по тропинкам или даже без них по прямому направлению, определяемому глазом монгольских ямщиков (улачинов)... Однако тяжелое путешествие по Монголии и все трудности искупаются новизной и оригинальной красотой края и интересными видами и явлениями из жизни монголов» [27].

Во время поездки он встречался со многими монголами, интересовался их жизнью. «Монголы любопытны и словоохотливы. Они все осмотрят, ощупают, обо всем спросят. Залезут на тарантас, заглянут в дорожную сумку, тронут руками костюм, пищу, просят

⁴ Сын Ф. А. Парнякова Пантелеймон (4.07.1895 г. – 11.07. 1919 г.) стал первым редактором газеты «Власть труда». 27 июня 1918 г. вышел первый номер газеты «Центросибирь». Ее организатором и редактором также был П. Парняков. 20 апреля 1919 г. во время открытого агитационного выступления в казарме Пантелеймон Парняков был ранен и в бессознательном состоянии захвачен чехословацкой контрразведкой. Попытка организовать его побег не удалась. 11 июля 1919 г. Пантелеймон Федорович Парняков был расстрелян.

показать часы, фонарь и прочее... За поездку я роздал до 3-х пудов печеного хлеба, 20 фунтов сахара и более 10 рублей мелкой монетой. Много роздал и разных лекарств от кашля, насморка, головной боли, болезней желудка, кожи и проч.» [28]. Раздачей лекарств, продуктов и денег, пишет Ф. Парняков, «хотел оставить доброе воспоминание о «русском ламе», которого монголы видели в первый раз, и распространить между ними «уверенность в терпимости христианства» к их религии. В то же время Парняков пишет, что «вследствие слепой преданности своему духовенству, а также его бдительному надзору монголы не проявляют склонности принимать христианскую веру» [29].

Во время путешествия к нему присоединился лама – «не простой, но важный, украшенный дорогой шапкой и выдержанный». Он упреждал путь Парнякова, заботился о том, чтобы ему готовили свежих лошадей на станциях (уртонах)⁵. Но, пишет Ф. Парняков, «любезность его выражалась и в том, что он предупреждал мой разговор с монголами и сам отвечал им на вопросы их о моей личности и о цели моей в Улясутае. Навязчивое опекуновство ламы побудило меня искать способ отделаться от него. Я пообещал ему заплатить золотой в 10 рублей и подарить электрический фонарь, когда он будет уезжать» [30]. Лама сразу сообщил о своем отъезде по важным делам. Этот лама был командирован из Урги, чтобы следить за «русским ламой».

Как далее пишет Парняков, он утвердился в этом предположении, когда на обратном пути, на третьем урtone, к нему присоединился другой лама, сообщивший, что будет сопровождать его до Урги. Но лама не был осведомлен о маршруте Ф. Парнякова и был очень озадачен, когда «русский лама» с тринадцатого уртона повернул в сторону от тракта с целью посетить русских колонистов и побывать в Курене Дзаин-Шаби. Когда же Парняков спросил его, можно ли ему крестить монголов, лама очень обеспокоился и «просил не крестить монголов, потому что тогда они перестанут служить молебствия и им, ламам, не на что будет жить» [31]. Но дело даже не в этом. Как пишет Федор Александрович в своем отчете, «главным препятствием миссионерского дела являются строй общественного управления в Монголии – с централизацией власти духовной и светской в одном лице, присвоившим себе божеское достоинство, и затем кочевой образ жизни

⁵ Уртоны – конно-почтовые станции в Монголии. Вплоть до 1921 г. урtonная служба, т. е. обслуживание арадами почтовых станций, которые располагались в среднем на расстоянии 30 км друг от друга, своим трудом, лошадьми, продовольствием, топливом, являлась одной из тяжелых повинностей. В 1949 г. они были полностью ликвидированы.

монголов и неспособность их к какому-нибудь постоянному труду и определенным занятиям, например, по земледелию, огородничеству, рыболовству и т. д. Монгола, принявшего святое крещение, будут изгонять из своей среды. Таким образом, всякого монгола от принятия христианства будет удерживать страх потерять семью, имущество, любимый кочевой образ жизни и право проживать в Монголии. Указанные причины при настоящем положении дел устранить нельзя» [32].

В поездке 1916 г. он собрал сведения о русской торговле в Цзаин-Шаби. Доехав до места, священник пишет, что «город славится своими кумирнями. Дома русских колонистов расположены в красивой глубокой долине, защищенной с трех сторон громадными горами. Кумирни поднимаются террасами. На каменистом утесе высечены и украшены золотой резьбой религиозные символы ламства. Цзаин-Шаби – бойкий торговый пункт. Здесь торгуют 8 русских фирм. Имеется отделение Монгольского национального банка. Фирмы имеют свои отделения, через которые и обслуживают свои районы в Монголии. Кроме торговых предприятий русское население Цзаин-Шаби проявляет заботу об открытии культурно-просветительных учреждений. Три года функционирует почтовое отделение, заведена общественная аптечка, организуют библиотеку-читальню, решен вопрос об оборудовании начальной школы. Строится обширный общественный дом, в котором будут размещаться почта и другие общественные организации» [33].

В отличие от многих рьяных сторонников «усиления христианского элемента» в Монголии, священник Ф. Парняков, даже в годы Первой мировой войны, когда расцвел пышным цветом шовинизм и национализм, не стремился насаждать христианство среди монголов, а наоборот, стремился распространить среди них «уверенность в терпимости и доброжелательности к их религии православного священника» [34].

Помимо Урги и Улясутая, Ф. А. Парняков побывал и в других местах. Так, в 1915 г. он совершил поездки в Кобдо и Улангом, в 1916 г. – в Цзаин-Шаби, Таряты, Улясутай, Мурин и Ван-Хуре; в 1917 г. – в Улясутай, Кобдо, Улангом, Хангельцик. В этих поездках Ф. Парняков не только исполнял обязанности священника, но и интересовался экономической и другими сторонами жизни русских поселенцев и, безусловно, жизнью и религиозными воззрениями монголов, стараясь оставить о себе – как о русском священнике («Хара-ламе») – самое хорошее впечатление. Являясь с 1913 г. членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, он записывал свои путевые

наблюдения и посылал их в Иркутский музей, во ВСОРГО, в «Забайкальские епархиальные ведомости».

Во время поездки 1916 г. Ф. Парняков посетил монастырь Банди-гэгэна, очень популярный у монголов. В своих заметках «О русских в Монголии» он пишет, что при подъезде «к куреню Банди-Гэгэна» его поразил своей красотой монастырь, «с громадными белыми каменными кумирнями, обнесенный красивою каменною оградой, с высокими тополями» [35]. Гэгэн принял Парнякова «очень любезно», после обычных вопросов, положенных по этикету, «долго расспрашивал о военных событиях», жаловался на бедность населения своего хошуна [36]. У Федора Александровича не было лошадей, чтобы добраться до Ван-Куреня. И, пожертвовав 20 рублей на «бедных монгол его хошуна, от русского Хара-ламы», он получил 10 лам и 15 лошадей, которых ламы меняли по мере их усталости, отбирая свежих лошадей, стреноженных у юрт, оставляя уставших и продолжая путь по камням и речушкам. Ван-Курень в то время был большим торговым центром. Китайских фирм было до 30 и русских – 5. В Ван-Курене священник о. Феодор отслужил литургию, окрестил младенца, отпел умершего и «9 августа выехал со своими провожатыми и помощниками по направлению к Урге» [37]. Начинались службы в Свято-Троицком храме в Урге. Примечательно, что Свято-Троицкий храм, в котором служил Федор Парняков, посещали не только православные, но и представители других христианских конфессий, которые крестили здесь детей, венчались, просто приходили по праздникам. Храм также был предметом живейшего интереса монголов.

Революция 1917 г. внесла новые реалии во внутреннюю жизнь России и Монголии. Ф. А. Парняков получил возможность осуществить давно вынашиваемую им идею о создании кооперации в Монголии. Когда он совершал поездки по Монголии, то в Улясуае, Тарятах и других поселениях русские жители предлагали создать кооперацию, ожидая инициативы от Ургинского попечительства. Инициаторами, организаторами и руководителями Ургинского общества потребителей стали С. И. Попов⁶ [38] и Ф. А. Парняков. Через кооперацию Ф. А. Парняков осуществил еще одну свою мечту – издание русской демократической газеты в Монголии. Ургинский кооператив издавал периодический

⁶ Степан Иванович Попов, сын бедной крестьянки из Пермской губ., закончил земское волостное училище, с матерью и отчимом переехал в Манчжурию, где служил мальчиком в чайной фирме И. Чистякова. Затем, после открытия филиала фирмы в Урге, был командирован туда, где и работал, в том числе и после демобилизации в 1918 г. Один из организаторов кооперативного движения в Монголии.

листок «Ургинское общество потребителей в Монголии», выходящий под редакцией священника Ф. Парнякова [39].

В годы гражданской войны важную роль в делах установления Советской власти в Сибири сыграло Информбюро в Урге. Главной задачей Информбюро было не информирование монгольских революционеров о событиях в России, а информирование органов Советской власти в Восточной Сибири о силах и действиях белых в Монголии, о ее внутреннем положении, о различных социальных и политических группировках среди монголов [40]. В состав этого конспиративного Информбюро «по указанию товарищей из Иркутска и Троицкосавска» был введен и священник Ф. Парняков [41]. «Благодаря умелому лавированию между китайцами и шпионами-японцами, он спас многих товарищей от ареста», – писала о Федоре Александровиче иркутская газета «Власть труда» [42]. Учительница из Урги вспоминала: «Мы с Федором Александровичем не раз ходили в китайскому тюрьму выручать своих» [43].

После прихода в Ургу барона Унгерна Ф. Парняков был арестован и 28 января 1921 г. после зверских пыток убит. Позже стало известно, что священника продержали три дня под арестом, потом увели в подвал, где пороли, кололи шашками, отрубили ухо, часть руки ... и наконец, сам архипалач Унгерн зарубил его»⁷ [44]. Могилы Федора Александровича Парнякова нет. Его тело, как и других замученных и убитых деятелей управы и думы, увезли на берег реки Толы на съедение собакам. Так трагически, на пятьдесят первом году жизни, оборвалась жизнь этого замечательного человека.

Со смертью настоятеля жизнь Троицкого прихода постепенно затухает. Если до 1927 г. в храм еще периодически приезжают православные священники, служат службы, совершают требы, то в 1927 г. храм закрывается и используется для иного назначения [45]. В конце 1990-х гг. храм возродился. Сейчас он является единственным православным приходом в Монголии, который предоставляет поддержку более чем пяти тысячам россиян, а также православным гражданам иных государств. В июне 2009 г. храм был освящен в честь Святой Троицы. По архитектурному замыслу, этот небольшой храм призван напоминать о тесных связях русского и монгольского народов. В современном Улан-Баторе это одно из лучших архитектурных

⁷ Как пишет Е. М. Даревская, «по сведениям дочерей, эти сведения доставила бежавшая из Урги учительница Феодосия Яковлевна Попкова, которую арестовал и держал в своей квартире бандит Безродный, а некролог написал Я. Шумяцкий».

сооружений. Безусловно, приход должен стать центром духовной и культурной жизни верующих разных национальностей, сочувствующих России и православию. И это было бы лучшей памятью замечательному русскому священнику, гражданину – Федору Александровичу Парнякову.

Литература и источники

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10693. Л. 54 об., 55, 56 об., 57.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12925. Л. 126.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12925. Л. 123 об.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11139. Л. 1, 1 об., 3, 4, 5.
5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11139. Л. 1.
6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13627. Л. 130 об.
7. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1913. № 14/15. С. 151.
8. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1913. № 14/15. С. 152–159.
9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12576. Л. 113 об. ; Д. 14294. Л. 73 об.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14294. Л. 74.
11. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14294. Л. 2.
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12576. Л. 113 об. ; Д. 12925. Л. 125 об. ; Д. 13627. Л. 131 об. ; Ф. р-3462. Оп. 2. Д. 118. Л. 106.
13. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 29.
14. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 5, 6.
15. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13903. Л. 86 об., 87, 87 об.
16. Памятная книжка Иркутской губернии на 1911 г. Иркутск, 1911. С. 195 ; Памятная книжка Иркутской губернии. 1912 г. Иркутск : Изд. Иркут. губ. стат. ком, 1912. С. 257, 265, 266, 296 ; Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914-й год. Иркутск : Паровая тип. И. П. Казанцева, б. г. С. 111, 165, 170, 175 ; Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915. С. 42.
17. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 2. Д. 118. Л. 118.
18. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1913. № 14/15. С. 462.
19. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1914. № 3. С. 101–103.
20. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1914. № 3. С. 101–103.
21. НБС ГАИО. Иркут. епарх. ведомости. 1914. 14 янв.
22. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 1, 2, 2 об., 3.
23. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 28.
24. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 2. Д. 118. Л. 121.
25. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.
26. ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 723. Л. 1а.
27. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 17, 17 об.

28. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 17.
29. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 18.
30. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 19, 20.
31. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 20 об.
32. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 20 об.
33. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 4, 5, 6.
34. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 46.
35. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 27.
36. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 46 об.
37. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 28.
38. Даревская Е. М. С. И. Попов в Монголии // Сиб. ист. сб. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1974. Вып. 2. С. 85.
39. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 82. Л. 81.
40. ГАИО. Ф. р-868. Оп. 2. Д. 2. Л. 52, 66.
41. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 1. Д. 118. Л. 94.
42. Власть труда. 1921. 17 нояб. (№ 601). С. 2.
43. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 2. Д. 118. Л. 150.
44. ГАИО. Ф. р-3462. Оп. 2. Д. 118. Л. 159 ; Памяти Ф. А. Парнякова : некролог // Власть труда. 1921. 17 нояб. (№ 601).
45. Сабиров Р. Т. Русская православная церковь в Монголии: история и современность // Три четверти века. М., 2007. С. 401–409.

УДК 281.93+262.14:930.25 (571.56)

*Л. С. Попова**

О СЕЛЬСКОМ СВЯЩЕННИКЕ ОТЦЕ ДИМИТРИАНЕ ПОПОВЕ, СПОДВИЖНИКЕ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА)

Статья биографического характера, рассказывающая о протоиерее Димитриане Попове – якутском священнике, проповеднике, педагоге, лингвисте, переводчике Священного Писания, посвятившем свою жизнь духовному просвещению, школьному образованию и сохранению языка и культуры якутского народа.

В статье цитируется часть эпистолярного наследия Попова, касающаяся его переводческой деятельности. В частности, его письма

** Попова Люция Саввична, краевед, г. Якутск.
Pорова, Lyutsia S., local historian, Yakutsk.*

к архиепископу Камчатскому Иннокентию (Вениаминову), а также письма, раскрывающие роль Попова в создании фундаментального Словаря якутского языка Пекарского.

Ключевые слова: Димитриан Попов, Православная Церковь в Якутии, создание национальной письменности, переводческая деятельность, Словарь якутского языка.

Lyutsia S. Popova

THE RURAL ORTHODOX PRIEST DIMITRIAN POPOV, ASSOCIATE OF SAINT INNOCENT (VENIAMINOV)

The article of biographic character tells about the archpriest Dimitrian Popov – the Yakut priest, the preacher, the teacher, the linguist, the translator of the Scriptus who devoted the life to spiritual and school education and preservation of language and culture of the Yakut people.

The part of epistolary heritage of Popov concerning his translation activity is given in article. In particular, his letters to the archbishop of Kamchatka Innocent (Veniaminov), and also the letters opening Popov's role in creation of the fundamental Dictionary of Yakut language by Pekarsky.

Keywords: *Dimitrian Popov, Orthodox Church in Yakutia, creation of national writing, translation activity, the Dictionary of Yakut language.*

Надгробный чугунный памятник, отлитый в г. Иркутске в конце XIX в. и находящийся теперь на кладбище далекого якутского селения Ытык-Кёль, гласит: «Протоиерей Димитриан Димитриевич Попов, кавалер орденов Анны 2 и Владимира 4 степени, член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, родился 10 июня 1827 г. Прослужил в Ытык-Кёльском приходе 45 лет и 6 месяцев, много потрудившись над созданием и украшением двух священных храмов сего прихода. Опочил от трудов своих 29 апреля 1896 г. на 70 году своей многополезной жизни, лучшей памятью которой да послужат Его труды по переводу книг Богослужбных на Якутский язык».

Димитриан родился в многодетной семье потомственных священнослужителей, которые прибыли на берега Лены во времена освоения Сибири, от юго-западных границ России через Сибирь и прибайкальские степи. Согласно семейному преданию, отец Димитриан имел не только русские, украинские, но и монгольские

корни [2]. После смерти отца Димитриан, в девятилетнем возрасте, был определен в Якутское духовное училище.

В часы досуга, скучая о родных, вспоминая тихую деревенскую жизнь и детские игры на лоне природы, он доставал единственное наследие предков – замусоленный рукописный словарь якутских слов. С большим интересом перелистывал, перечитывал и даже обнюхивал эту заветную тетрадь, а потом и сам стал вносить в нее новые, ранее ему неизвестные слова, обозначая их смысл на русском языке. Это увлекательное занятие превратилось в дело всей его жизни.

После училища прилежного отрока отправили в Иркутскую духовную семинарию, по окончании которой в 1846 г. Димитриан Попов был назначен в родное училище преподавателем «греческого и соединенных с ним предметов». 20 мая 1847 г. определен помощником инспектора, 22 марта 1849-го – инспектором Якутских духовных училищ [4, л. 2].

Но столь успешно начатая служба на педагогическом поприще была прервана тем обстоятельством, что, несмотря на возведение все новых и новых храмов и активное крещение местных жителей, подавляющее большинство безграмотного сельского населения, не понимая христианских проповедей на неведомом русском языке, продолжало оставаться в душе языческим, исполняя свои старинные обряды. Приближалась половина XIX в. Церковь остро нуждалась в проповедниках, хорошо владеющих языком коренного народа. Поэтому молодой учитель, по рекомендации Димитрия Хитрова, был направлен в Иркутск для рукоположения в священники.

В Иркутске по благословию архиепископа Иркутского, Нерченского и Якутского в 1850 г. в Градо-Иркутской Прокопьевской церкви состоялось венчание Димитриана Попова с Татьяной – дочерью священника Федора Косыгина, родом из села Ангинского Верхнеленского уезда Иркутской губернии, только что окончившей Сиропитательный институт Медведниковой [2]. Затем в Градо-Иркутской Спасской церкви бывший учитель Димитриан Попов был приведен к присяге и рукоположен архиепископом Нилом в иерея, диакона и священника [4, л. 4–12]. После этого молодой священник был назначен настоятелем Ытык-Кельской Преображенской церкви обширного Ботурусского улуса Якутского округа – центра компактного проживания коренного населения, где прослужил до конца жизни вместе с матушкой Татьяной Федоровной, неутомимой своей помощницей и первой дипломированной акушеркой улуса [11].

Познавшие с малых лет тяготы сиротской жизни, они глубоко

верили в провидение Божие, отличались отменным трудолюбием, искренней благожелательностью и всепобеждающим милосердием. Прибыв в чужой суровый край, по проекту о. Димитриана построили себе около церкви, недалеко от озера Ытык-Кёль (Священного озера) типичную якутскую юрту с камельком и русской печью, в которой матушка испекла первый в этих краях душистый каравай, пришедшийся всем по вкусу.

Отец Димитриан вскоре открыл в своей юрте первую в Ботурусском улусе частную бесплатную школу и впервые в истории сельского школьного образования стал обучать детей еще бесписьменного народа не только русской грамоте и Слову Божьему, но и родному языку и его грамматике по своим рукописным учебникам и наглядным пособиям. Для изучения родной речи батюшка приглашал к себе известных олонхосутов, сказочников, певцов, скороговорщиков и с их голоса записывал сам и заставлял записывать своих учеников отрывки из Олонхо, сказки, пословицы и поговорки, песни и скороговорки с последующим подробным разбором и исправлением ошибок. При чтении записанных текстов батюшка строго следил не за скоростью чтения, а за правильностью произношения и интонации, выразительностью, а главное, пониманием смысла каждого предложения и отдельного слова, точно так же, как он это делал на уроках русского языка и Слова Божьего. Епископ Якутский и Вилюйский Дионисий в своем отчете Синоду за 20 лет (1870–1896) отмечал особые успехи Ытык-Кёльской школы при Преображенской церкви [3].

В этой школе не только давали обязательные общешкольные знания, но и с самого начала прививали вкус к родному слову и культуре речи. Можно сказать, что именно поэтому из отдельно взятого Ботурусского улуса, прихода отца Димитриана, ранее бесписьменного, вышли первые якутские поэты, писатели, драматурги, артисты, юристы, видные ораторы и общественные деятели, включая П. А. Ойунского. Об одном из первых учеников отца Димитриана, Е. Д. Николаеве, Н. М. Ядринцев в 1891 г. в своей книге «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» писал как о «даровитом представителе якутского племени, который будучи на коронации, заявил себя множеством записок и ходатайств о положении якутов, соединив в себе теплую любовь к своему племени вместе с уважением к цивилизации». Ядринцев ставил Николаева в один ряд с Банзаровым, Пирожковым, Болдоновым и Дорожеевым из бурят, Чеканом Валихановым из киргизов и Катановым из минусинских инородцев, посвятивших себя развитию своего племени [17].

Не отрываясь от церковного служения, школьных и повседневных дел, отец Димитриан продолжал тщательно отбирать, записывать и систематизировать якутские слова и словосочетания, объясняя их значение на русском языке. Особенно он радовался, когда находил устаревшее, редко употребляемое якутское слово и, хорошо знавший нужды своих прихожан, щедро одаривал информатора. Для наглядного объяснения смысла некоторых слов гости приносили и дарили батюшке свои старинные поделки, предметы шаманского обихода, различные талисманы и тому подобное. Батюшка эти вещи не выбрасывал, делал подробное описание и бережно хранил. Они стали основой первого в Якутии бесплатного этнографического музея. Музейное дело Димитриана продолжил его внук – художник И. В. Попов, получивший образование в стенах Петербургской Академии художеств в мастерской В. Е. Маковского и ставший археологом, этнографом, крупным фотомастером и коллекционером, сотрудником этнографического отдела Русского музея, действительным членом ИРГО. После гражданской войны экспонаты этого музея послужили основой школьного и районного краеведческого музеев, дополнили фонды республиканских музеев [14].

Батюшка, будучи искусным чеканщиком и мастером резьбы по дереву, охотно обменивался опытом с местными мастерами-ремесленниками. По их просьбе он делал иногда орнаментальные рисунки для изделий из серебра и меди. Так складывались весьма доверительные отношения священника с прихожанами. Отец Димитриан у себя в усадьбе оборудовал первый в улусе метеорологический пост, вел круглосуточные наблюдения, составлял отчеты о состоянии погоды. Сопоставляя данные наблюдения с церковным календарем, делал удивительно точные прогнозы о заморозках, засухе и наводнениях. Созданный им пост исправно служил до конца Второй мировой войны. Сводки погоды для нужд фронта, при перегонке самолетов из Америки на Западный фронт, передавали сын протоиерея Николай Димитрианович, выпускник Иркутского военного училища, внук Иван Васильевич и правнук Иван Иванович Поповы [12].

Глубокое изучение быта и нравов якутского народа, его языка и фольклора, в котором, как и у всех других народов, прослеживалось стремление к добру и высшей справедливости, помогало молодому священнику в проведении завораживающих и удивительно проникновенных проповедей на родном языке аборигенов. Люди стали приходить в церковь из дальних наслегов, чтобы послушать отца Димитриана и приобщиться к православной христианской религии. Это подтолкнуло священника к переводу книг Священного Писания,

включая Евангелие от Луки, на родной язык прихожан. 16 апреля 1855 г. Указом Якутского Духовного правления за № 417 отцу Димитриану за преждевременные труды, принятые им на себя еще до учреждения Комитета по переводу книг Священного Писания на якутский язык, было изъявлено Благословение Святейшего Синода [6]. В 1858 г. Димитриан Попов был назначен членом Комитета по переводу книг Священного Писания на якутский язык [6]. В 1862 г. он был назначен членом учрежденного в г. Якутске по разрешению Святейшего Синода Цензурного комитета по переводу священных книг на якутский язык [10]. В последующем он не только сам переводил, но и редактировал переводы других переводчиков, а также рукописи по этнографии коренных народов Якутии. Например, по поручению епископа Дионисия отец Димитриан редактировал известный «Верхоянский сборник» Ивана Худякова [13]. В Национальном архиве РС (Я) хранятся некоторые документы, проливающие свет на переводческую деятельность отца Димитриана Попова. Например, 12 сентября 1857 г. он пишет:

*«Его Высокопреосвященству,
Иннокентию Архиепископу Камчатскому, Курильскому и
Алеутскому и разных орденов Кавалеру
Члена в комитете по переводу Книг Священного Писания на
Якутский язык, Священника Димитриана Попова*

Покорнейший рапорт

Для сведения покорнейше доношу Вашему Высокопреосвященству, что из доставшейся мне доли переводов по 12 сего Сентября конченныя мною переводом и перепискою набело шесть Соборных и восемь Павловых посланий для вяцишаго просмотра и пересылки в Москву, мною пересланы с места моей службы в Якутск О. Протоиерею. Что касается остальных переводов шести конченныя Павловых посланий, то, при помощи Божией и Ваших святых Архипастырских молитв, в сем же Сентябре месяце мною покончить. Но только осенняя распутица – рекостав Лены позамедлит пересылку дела в Якутск.

*Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Отца и Архипастыря
нижайший послушник*

Священник Димитриан Попов.

№ 17-й

12. Сентября 1857 года.

Урочище Ытык-Кель» [5, л. 48].

*«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Иннокентию, Архиепископу
Камчатскому, Курильскому и Алеутскому и разных Орденов Кавалеру*

Члена в Комитете по переводу книг Священного Писания на Якутский язык, Священника Димитриана Попова

Покорнейший рапорт

Милостивейший Архипастырь! Приемлю смелость донести Вашему Высокопреосвященству, что и последния шесть посланий, и возложенного на меня перевода Деяний и Посланий Апостольских, составлением и перепискою будучи мною кончены, от 20. Сего Октября доставлены в Якутск О. Протоиерею Евсевию для вящяаго просмотра и пересылки куда следует.

К сему имею честь присовокупить, что Часослов, вначале не знающим Якутского языка О. Троицким довольно неправильно и с пропусками доведенный перепискою едва до половины, потом переходя из рук в руки – от переписчика к переписчику и получая исподволь входящих в оный псалмы, еще не совершен. Окончание сего Часослова к концу сего года считаю собственною моею обязанностью. А как просмотр его в Комитете уже давно кончен, – то пересылка его будет прямо к О. Протоиерею Хитрову.

За тем, не делая перечня моих трудов по Комитету за год до учреждения его и по определению меня членом, и как Вашему Высокопреосвященству не безызвестно мое болезненное состояние, нижайше прошу Вас, Милостивейшего Архипастыря и Отца, от новых поручений по Комитету меня уволить, вместе с оставлением и самого звания члена Комитета.

*Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца*

Нижайший послушник

Священник Димитриан Попов

20. Октября 1857 года

Урочище Ытык-Кёль» [5, л. 49, 49 об.].

Но, по мере сил, отец Димитриан продолжает по-прежнему, с чувством высокой ответственности, нести свои пастырские обязанности и переводить для своих пасомых церковные книги и писать проповеди на якутском языке. Например, в 1866 г. он обращается за разрешением очередного перевода:

«Его преосвященству,

*Преосвященнейшему Павлу, Епископу Якутскому и Кавалеру,
Викарию Камчатской Епархии*

Ытыккёльской Преображенской церкви

Священника Димитриана Попова

Покорнейшее прошение.

В сердечном желании доставить пасомым нами Якутам назидательную для чтения настольную книжку, предварительно имею счастье покорнейше испросить Архипастырское Благословение Вашего Преосвященства дозволить мне, – помещенное в одном из духовных журналов – /Странник за март 1865 г./, «Учение о загробной жизни, с изложением сказания о воздушных мытарствах», в часы досуга зимних дней, перевести на Якутский язык и рукопись представить в свое время Вашему Преосвященству.

*Вашего Преосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
нижайший послушник*

*Священник Димитриан Попов
За № 12-м.*

25 Августа 1866 года» [7, л. 1].

Разрешение было получено, и перевод был отправлен с сопроводительным письмом:

*«Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!*

По Божию изволению о мне недостойном, находясь в сомне малых деятелей в ограде Христовой, благопокорнейше представляю Вашему Преосвященству, Архипастырю и Отцу, составленный мною перевод на Якутский язык статьи «Учение о загробной жизни».

*Архипастырь! При настоящем труде руководили мной – не любовь, ищущая своих **си** и не внешнее обучение малополезное, а благочестие в пасомых, имеющее обетование живота нынешнего и грядущего.*

А посему молю ту же, заповедуемую Апостолом языков, любовь не отпадающую – милосердную и долготерпящую покрыть

Христианскою любовью и могущие встретиться в этом делании недостатки. –

*Вашего Преосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
нижайший послушник*

*Священник Димитриан Попов
9 Февраля 1867 года.*

Ботур-уский Ытыккёлъ» [7, л. 5].

Священника Димитриана Попова при жизни и после считали одним из лучших и компетентнейших знатоков туземного наречия. Святитель Иннокентий (Вениаминов) называл протоиерея «золотым человеком дела переводов».

Переводческая деятельность протоиерея Димитриана продолжалась до самой его смерти. Возможно, последним переводом явилась книга

«Премудрости Иисуса, сына Сирахова», которая была посвящена «Преосвященнейшему Мелетию, Епископу Якутскому и Вилюйскому (ныне Рязанскому и Зарайскому)». Книга вышла в типо-литографии Императорского Казанского университета уже после смерти протоиерея, в 1900 г. Некоторые ее экземпляры хранятся в отделе редких книг Национальной библиотеки и Национальном архиве РС (Я).

Протоиерей Димитриан является автором «Справочной книжки для церковно-приходских школ Якутской епархии», «Букваря для якутов», «Сборника поучений и бесед» и др. Будучи благочинным заречных улусов, он не обошел вниманием и присылаемых в его приход молодых политических ссыльных. Учил их не только способам выживания в суровых климатических условиях, но и стремился занять их интересным и полезным делом; ознакомил с историей и культурой народа, учил уважать язык и нравы чуждого им племени. При этом он обратил внимание на Э. К. Пекарского, бывшего студента первого курса Харьковского ветеринарного института, серьезного и усидчивого молодого человека. Обучил его основам языкознания, грамматики якутского языка, методам работы над составлением словаря и передал ему свой полувекковой рукописный материал по Толковому словарю якутского языка, фольклорные записи, переводы, воспоминания для завершения начатого им, как он говорил, «благородного дела». В дальнейшем в течение тринадцати лет, вплоть до кончины помогал ему, отвечая на все вопросы, связанные с составлением Словаря якутского языка и редактировал его [15, с. 5].

В Национальном архиве РС (Я) сохранилось письмо секретаря Статистического комитета Андрея Иннокентьевича Попова к отцу Димитриану Попову и ответ протоиерея. Они проливают свет на участие Д. Д. Попова в издании фундаментального Словаря якутского языка:

*«Высокоблагословению,
Протоиерею Димитриану Попову,
Настоятелю Ытык-Кельской
Преображенской церкви.
Июля 12 дня 1894 г.
№ 78*

*Ваше Высокоблагославление,
Многоуважаемый Отец Димитриан
В программу предприятия, организованного на средства
известного золотопромышленника И. М. Сибирякова, для исследования
быта якутов, входит, между прочим, издание якутского словаря
Э. К. Пекарского.*

*На одном из совещаний, состоявшихся в Якутске в начале года из
Г.г. участников экспедиции, при обсуждении вопроса о печати этого*

словаря, автором его Пекарским было заявлено, что успехом работы он очень много обязан Вашему сотрудничеству и что, приступая ныне к окончательному редактированию своего словаря для печати, он крайне нуждается в участии и пособии Вашем. Совецание, большинству участников которого известна компетентность Ваша в техническом знании якутского языка, разделяя мнение Пекарского, нашло необходимым пригласить Вас, Многоуважаемый отец-протоиерей, в звании члена Сибиряковской экспедиции, к соучастию в окончательном просмотре и приготовлении упоминаемого труда к печати.

Сообщая об этом, позволяю себе выразить уверенность, что как лицо, заинтересованное в судьбе якутского словаря, Вы не откажетесь участвовать в работе экспедиции, в качестве члена ея, при редактировании готовящегося издания, о чем прошу меня уведомить.

Поручая себя молитвам Вашим, остаюсь с совершенным почтением и преданностью» [8, л. 29, 29 об.].

Ответ протоиерея Димитриана:

«Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Отношение Вашего Превосходительства ко мне от 12 июля с. г. за № 78, – получено 1 сентября, хотя расстояние местности между Якутском и мною всего 240 верст. Вот устроенность путей международного сообщения в нашей Области.

Искренно благодарю Вас, Милостивейший Государь, за приглашение меня в члены Сибиряковской экспедиции для участия в редактировании Якутского Словаря автора «Пекарского», при печатании этого Словаря в типографии.

Как истый уроженец Якутской области, служащий в ней и не мало времени –около полувека, действительно, из любви к языкознанию и в желании быть полезным для общества наших Якутов, принимал я участие в разъяснении Пекарскому трудных слов, в значении их, и приискании новых слов для Словаря; не оставляю этого занятия и ныне. Но стоя на рубеже жизни человеческой, указанном Пророком, сомневаюсь – могу ли быть полезным для дальнейших усиленных трудов – в этом деле. Насколько позволял бы досуг от исполнения своих пастырских обязанностей, и время свободное от старческих недомоганий, готов бы был послужить и в преднамереваемом издании Словаря.

Вашего Превосходительства,
покорнейший Богомолец Протоиерей Ытык-Кельской
Преображенской Церкви Димитриан Дим. Попов.

Село Ытык-Кель, Якут. Округа.

3 Сентября 1894 года» [8, л. 35, 35 об.].

И действительно, несмотря на старческое недомогание, он продолжал самоотверженно трудиться на духовном поприще, одновременно выполняя обязанности действительного члена Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и Сибиряковской экспедиции до самой смерти. Его труды до и после смерти печатались в Якутске, Казани, Москве, Петербурге, сохранились в архивах, в том числе в Государственном архиве Иркутской области [16].

Как мы видим, сельский православный священник Димитриан Попов посвятил лучшие годы своей жизни духовному просвещению, школьному образованию, сохранению языка и самобытной культуры якутского народа, зарождению письменной литературы, патриотическому, интернациональному воспитанию и духовному единению народов. В конце жизни он признавался, что считает для себя «нравственно и физически невозможным разлучиться с местом, где улыбается ему каждый кустик и каждая травка» [1]. И сейчас, в XXI в., в центре села Ытык Кёль бывшего Ботурусского улуса, все еще стоит старая юрта протоиерея Димитриана, а над его могилой построена часовня и установлен памятник. Память народа о добрых делах неиссякаема [9].

Источники и литература

1. Верещагин Н. Торжество освящения Ытык-Кёльского С.-Преображенского храма // Якут. епарх. ведомости. 1896. 16 марта. С. 87–90. Там же. 1 апр. С. 99–102.
2. Ефремов Н. Н. К биографии П. В. Попова (публикация документа). Мое родословие в кратком изложении // Якут. арх. 2002. № 3. С. 100–102.
3. Краткая историческая записка о церковно-приходских школах за истекшее двадцатилетие (1870–1896) // Якут. епарх. ведомости. 1898. 16 авг. С. 245.
4. НА РС (Я). Ф. 225. Оп. 1. Д. 1282.
5. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1447.
6. НА РС (Я). Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3 об.
7. НА РС (Я). Ф. 276-и. Оп. 1. Д. 14.
8. НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 421.
9. Открыт памятник просветителю Якутии, выдающемуся миссионеру // Моск. ведомости. 2012. 19 сент.
10. Памятная книжка Якутской области. Якутск, 1867. С. 245.
11. Попов И. И., Попова Л. С. Димитриан Попов – якутский просветитель и языковед // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 145–147.

12. Попова Л. С. Просветитель якутского народа протоиерей Димитриан Попов // Церковь и время. 2010. №4. С. 157–179.
13. Попова Л. С. Протоиерей Димитриан Попов : его вклад в культуру якутов // Якут. арх. 2003. № 3–4. С. 14–18.
14. Попова Л. С. Члены Императорского Русского географического общества протоиерей Димитриан и художник И. В. Попов // Географическое исследование Якутии: история, современность и перспективы. Якутск. 2014. С. 26–30.
15. Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. 1945. 36 с. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд. М. : Наука, 1989. 300 с.
16. Фонды Государственного архива Иркутской области о Якутии : справ. Якутск, 2006. 478 с.
17. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб. 1891. С. 236, 241.

УДК 281.93+266:257(571.53)

*М. Л. Ометова**

ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРСКИЕ ШКОЛЫ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме – миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Автором рассмотрен один из аспектов просветительской деятельности церкви – организация и работа миссионерских школ в XIX – начале XX в. В статье описываются характерные особенности церковно-приходских школ данного типа, приведен полный перечень миссионерских школ Иркутской губернии, установлены годы их основания.

Одним из основных источников информации для написания статьи послужило периодическое издание – «Иркутские епархиальные

* **Ометова Марина Леонидовна**, главный хранитель ГАУК «Архитектурно-этнографический музей “Тальцы”», г. Иркутск.

Ometova Marina L., chief curator, SACI Architectural-ethnographic Museum «Taltsy», Irkutsk.

E-mail: mar46@list.ru

ведомости». Материалы статьи в дальнейшем планируется использовать для составления словаря учебных заведений духовного ведомства Иркутской губернии XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Иркутская губерния, Иркутская епархия, образование, церковно-приходские школы, миссионерские школы, миссионерская деятельность церкви, миссионеры.

Marina L. Ometova

ORTHODOX MISSIONARY SCHOOL OF THE IRKUTSK REGION IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the topical theme of the missionary activity of the Russian Orthodox Church. The author considers one of the aspects of the enlightenment activities of the Church organization and work of the missionary schools in the XIX – early XX century. The article describes the characteristic features of the Church schools of this type, full list of missionary schools in Irkutsk province, the time of their creation

One of the main sources of information for writing the article served as a periodical – «Irkutsk Diocesan Gazette». Article materials further it is planned to use for the compilation the dictionary of educational institutions of spiritual Department of the Irkutsk province of XIX – early XX century.

Keywords: Irkutsk region, Irkutsk Diocese, education, parochial schools, missionary schools, missionary activity of the Church, missionaries.

Расцвет деятельности Православного миссионерского общества в России приходится на 1870-е гг. Официальное открытие миссионерского общества произошло при участии митрополита Московского Иннокентия Вениаминова, который приложил много усилий к созданию Устава этого общества, который 1869 г. (общество просуществовало с 1870 по 1917 г.). Благодаря энергии митрополита Иннокентия была образована целая сеть миссионерских учреждений. На попечении общества находилось 8 сибирских миссий, в их числе и Иркутская.

До 1870-х гг. в Иркутской губернии миссионерские церкви были только в двух инородческих ведомствах – Ниловой пустыни Тункинского ведомства и Нукутском улусе Балаганского ведомства. В 1870-х гг. было открыто еще 8 миссионерских станом, к 1890-м гг. число их увеличилось до 18, количество обращенных – до 35 000 душ,

миссия имела до 18 школ и несколько благотворительных учреждений [3, с. 235].

Одним из важных направлений деятельности миссионерских станов было создание миссионерских школ, для обучения детей инородцев (в основном бурят, эвенков). Главный принцип церковных школ – воспитывающее обучение. Духовное воспитание учеников проводилось в разных формах: организация библиотек, религиозно-нравственных чтений, совершение паломничеств к святыням, крестных ходов, участие учеников в богослужении. Часто при ЦПШ устраивались внебогослужебные беседы для взрослых, имевшие огромное просветительное значение.

В Иркутской губернии за весь период существования миссионерских школ их было открыто 18. В Иркутском уезде было 10 миссионерских школ: Центрально-миссионерская при Вознесенском монастыре (открыта в 1721 г.), Коймарская (открыта в 1868 г.), Мало-Голоустинская, Гужирская/Хара-Гужирская (открыта в 1871 г.), Жымыгытская (открыта в 1874 г.) [9, с. 169–170], Шимковская (открыта в 1871 г.), Окинская (открыта в 1885 г.), Мондинская (открыта в 1885 г.) [7, с. 21–22], Нилово-Пустынская (открыта в 1895 г.), Больше-Голоустинская (открыта в 1897 г.) [9, с. 169–170]. В Балаганском уезде – 6 школ: Молькинская (открыта 29 ноября 1874 г.), Нельхайская (открыта 1 марта 1877 г.) Бажеевская (открыта 2 октября 1878 г.), Бильчирская/Гыртуйская (открыта 16 декабря 1884 г.), Куйтинская (открыта в 1887 г.) [5, с. 274], Одиссинская (открыта в 1893 г.) [12, с. 584]. В Верхоленском уезде – 2 школы: Еланцинская (открыта 1 ноября 1877 г.), Ныкылейская (открыта 5 ноября 1891 г. [6, с. 275], по другим источникам в 1889 г.) [9, с. 170].

По отчету 1894 г. в миссионерских школах губернии обучалось 395 человек, из них 358 мальчиков и 37 девочек. Из 358 мальчиков, обучавшихся в школах, 103 жили в миссионерских помещениях на полном содержании Миссии. Содержание каждого мальчика-пансионера обходилось в сумму от 4 до 5,5 рублей в месяц. Руководили занятиями и заведовали школами местные миссионеры. Они же безвозмездно преподавали в школах Закон Божий. Учителя и учительницы получали жалование от Миссии в размере 200–240 рублей в год, при годовой квартире, диаконы и псаломщики – по 120 рублей сверх положенного жалования по должности [6, с. 167].

В школы преимущественно принимались дети новокрещеных инородцев, но, если позволяло помещение, миссионеры не отказывали в приеме детям язычников, многие из которых впоследствии принимали

крещение. В 1901 г. в миссионерских школах обучалось православных 239, других вероисповеданий – 80 человек [2].

Миссионерские станы создавались в существующих инородческих ведомствах, которых на территории губернии было 10. Миссионерское служение было очень сложным. Огромные территории – леса, степи, горы, улусы – были раскиданы на большом расстоянии друг от друга. Миссионер сталкивался со многими трудностями, с активным сопротивлением местных жителей. Преимущественно такие случаи отмечались в Тункинском ведомстве, где было значительное число ламаистов. В местностях, населенных шаманистами, миссионерское служение проходило более успешно.

Важным источником изучения деятельности Иркутской православной миссии, в том числе миссионерского образования, являются «Иркутские епархиальные ведомости», в них нашли отражение не только статистические факты, но и очерки, зарисовки и размышления современников о жизни и деятельности миссионеров, попечителей школ, учеников и учителей.

Из этих источников можно получить информацию и об особенностях жизни в миссионерских школах. Школы содержались на средства миссии, кроме того в некоторых станах существенно помогали попечители. Так, тайша Пирожков – родоначальник идинских бурят, активно содействовал крещению инородцев, собирал ежегодные сборы на содержание Боханской школы. За свои заслуги Пирожков и родовые старосты его ведомства с некоторыми инородцами были представлены епархиальным начальством к высочайшей награде [11, с. 11]. В Бильчирском Кирилло-Мефодиевском миссионерском стане инородец Илья Хазагаев в 1892 г. предоставил свой дом под пансион для учеников школы, пожертвовал для школы земледельческие орудия, 150 рублей на нужды школы [4, с. 17].

Из «Иркутских епархиальных ведомостей» узнаем о быте учеников: «самою многолюдною [была] Бильчирская, где ежегодно было до 30 учащихся. В пансионе этой школы было по 12 человек. Школа собственного дома не имеет, а помещается в наемном, довольно прочном, удобном доме. При школе находится общежитие для бурятских мальчиков из отдаленных улусов, обучающихся в школе. Общежитие имеет самый простейший вид; отдельных коек нет, а вдоль стен идут простые, невысокие столы вроде нар, на которых спят мальчики, каждый на своей собственной постельке, какая у кого имеется; пища и отопление доставляются хозяином дома. Школа содержится на средства Иркутского отдела миссионерского общества:

оно платит жалование учителю, платит за наем дома и содержание воспитанников.

Все дети в школе состоят исключительно из бурят, за исключением одной приходящей русской девушки... Высокопреосвященный испытывал детей по Закону Божию, чтению по-славянски и пению. Оказалось, что все дети правильно говорят по-русски; удовлетворительно отвечали из священной истории; молитвы знают не только по-русски, но и по-бурятски.

Мысль обучать детей молитвам не только на славянском языке, но и на бурятском, нужно также признать вполне рациональной. Научившись христианским молитвам на бурятском языке в школе, дети всего скорее могут научить этим молитвам и своих родителей, слабо или вовсе не знающих русского языка, да и сами глубже и сердечнее усвоят их содержание на родном языке, чем на славянском, который не вполне доступен и чисто русским простолудинам, не получившим школьного образования. Пение детьми молитв было не совсем стройное; но научить бурят стройному пению довольно трудно; ибо буряты вовсе не обладают верным слухом, не приучаются с малолетства к пению народных песней, которых у бурят нет. Пение бурят, которое можно слышать иногда, состоит из бессмысленного повторения того, что они видят; пение это крайне монотонно, заунывно и не стройно» [11, с. 11–12; 12, с. 554–584].

Во все времена дело просвещения держалось на энтузиастах. Одним из таких самоотверженных людей был учитель Молькинской миссионерской школы (Балаганский уезд) Сергей Андриянович Инкигрин. Он придавал очень серьезное значение библиотеке, вел запись выдаваемых книг. В Молькинской школьной библиотеке числилось 194 названия книг в 434 экземплярах, включая 211 экземпляров учебников и 21 экземпляр пособий для учителя. Книг собственно для внеклассного чтения – 100 названий в 174 экземплярах [6, с. 337]. 25 мая 1895 г. под руководством учителя С. А. Инкигина, благодаря содействию попечителя школы И. А. Улаханова, было совершено путешествие учеников Молькинской миссионерской школы на поклонение мощам святителя Иркутского чудотворца в Иркутский Вознесенский монастырь. В этой паломнической поездке приняли участие 12 учеников и их родители (всего 21 человек, в том числе семейство учителя С. А. Инкигина) [8, с. 354–359]. В 1900 г. миссионерским обществом была учреждена стипендия на содержание пансионеров имени учителя С. А. Инкигина [10, с. 51–53].

Никилейская школа Верхоленского уезда находилась в условиях далеко не благоприятных для правильного ведения учебного дела: была расположена вдали от миссионерского стана, среди полукочевого

бурятского населения, в неблагоустроенном помещении, без необходимого для детей-инородцев общежития. Но, несмотря на все это, хорошо служила своей задаче – распространять христианское просвещение и русскую грамотность среди бурят-язычников. Этим она обязана была своему учителю Н. Мальцеву, по образованию военному топографу, посвятившему себя учительской деятельности. Этот учитель, много лет обучавший детей в русских школах, был переведен в инородческую школу, где, не зная бурятского языка, не имея в распоряжении почти никаких пособий, в один год сумел овладеть бурятским языком, приспособил руководство Вольпера к обучению бурят русской грамоте. Мальцев переводил материалы для чтения на бурятский язык, чем привлек к школе внимание инородцев, энергично работал над осуществлением главной задачи школы – распространением христианских понятий в тяжелой обстановке улусной жизни [1, с. 176].

Изучение истории православной миссии важно для современного общества. Опыт педагогической, просветительской, миссионерской деятельности требует дальнейшего изучения и представления широкому кругу современников.

Литература и источники

1. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Иркут. епарх. ведомости. 1899. № 9.
2. Ведомость Иркутского епархиального училищного совета о ЦПШ Иркутской епархии за 1901 гражданский год. Приложение к годовому отчету // Там же. 1903. № 3.
3. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
4. Изъявления благодарности // Иркут. епарх. вед. 1890. № 23.
5. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895/6 учебный год // Там же. 1897. № 20.
6. Отчет о состоянии и деятельности иркутской духовной миссии за 1894 г. // Там же. Прибавл. 1893.
7. Подлосинский А. История Святоникольской церкви города Слюдянка. Иркутск, 2007. 69 с. : ил.
8. Попов А. Путешествие учеников Молькинской миссионерской школы на поклонение мощам святителя Иннокентия Иркутского чудотворца // Там же. 1895. № 14.

9. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // Там же. 1900. № 8/9.

10. Торжество грамотности в Молькинском инородческом ведомстве Балаганского уезда // Там же. 1900. № 2.

11. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет инспектора народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 г. // Там же. 1890. № 6.

12. Фивейский Д. Церковно-приходские школы Балаганского уезда : (ист.-стат. очерк) // Там же. 1908. № 21.

УДК 281.93 + 37:259(798)

*С. Б. Белоглазова**

К ПЕРСПЕКТИВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Статья вводит в научный оборот такой вид массовых источников церковной статистики, как клировые ведомости, которые не получили к настоящему времени в региональной историографии признания в качестве источника по истории образования. В то же время анализ этих источников позволяет расширить источниковую базу и выйти на новый уровень в современных исторических исследованиях. Настоящая статья – первый опыт использования клировых ведомостей в исследовании просветительских аспектов деятельности Русской Православной Церкви в Русской Америке.

Ключевые слова: *клировые ведомости, Русская Православная Церковь, образование, школа, духовная семинария, духовное училище, Русская Америка.*

* **Белоглазова Светлана Борисовна**, канд. ист. наук, доцент, ст. научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

Beloglazova Svetlana B., candidate of historical science, assistant professor, senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

E-mail: beloglazov1@yandex.ru

TO PERSPECTIVE USING CHURCH DOCUMENTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS THE SOURCE FOR THE HISTORY OF EDUCATION IN RUSSIAN AMERICA

This article introduces into scientific circulation this kind of massive sources of Church statistics as clerical statements that have not received to date in regional historiography recognition as a source for the history of education. At the same time, the analysis of these sources allows you to extend source base and reach a new level in modern historical research. This article is the first experience of using Church documents in the direction of the research and educational aspects of the activities of the Russian Orthodox Church in the Russian America.

Keywords: *clergy sheets, the Russian Orthodox Church, education, school, Seminary, theological school, Russian America.*

Клировые ведомости представляют видовую группу массовых исторических источников наряду с другими документами церковного учета населения, такими как исповедальные росписи и метрические книги, и являются наиболее полным источником сведений о церквях, духовенстве и демографии церковных приходов. В процессе исследований в фондах ГААО (Благовещенск) и РГИА ДВ (Владивосток) автором были выявлены клировые ведомости Михаило-Архангельского кафедрального собора за 1845 и 1846 гг., материалы которых составили основу данной работы. По всей вероятности, эти документы являются остатками личного фонда архиепископа Иннокентия (Вениаминова), большая часть которого погибла во время пожара в Якутском монастыре. Статья подготовлена с целью показать перспективность использования клировых ведомостей РПЦ для исследований по истории образования.

Кафедральный Михаило-Архангельский собор располагался в столице Русской Америки г. Ново-Архангельске на острове Ситхе. Здесь находились епископская кафедра, Духовное правление епархии, духовное училище, а затем духовная семинария. Согласно штатному расписанию, с 1841 г. для службы при соборе полагалось иметь: 1 протоиерея, 1 священника, 2 диаконов и 2 причетников [2, л. 1 об; 4, л. 1]. В 1845 г. службу отправляли: 1 иеромонах, 1 священник, 2 диакона (1 в должности иподиакона) и 1 пономарь. В процессе служебных

перемещений в 1845 г. численность соборного причта сократилась. Иеромонах Мисаил Озеров выехал в Россию, диакон Михаил Масюков был рукоположен в священники и переведен на службу в Охотск, а иподиакон Лев Попов, рукоположенный в диаконы, получил назначение на Камчатку [4, л. 1, 5 об, 6 об.]. На время заполнения ведомости в штате собора на 1845 г. оставались священник Григорий Головин, диакон Андрей Благовидов, пономарь Емельян Молчанов и псаломщик Николай Чеченев.

В начале 1846 г. при кафедральном соборе служили ставший протоиереем Григорий Головин, священники Петр Литвинцев и Андрей Милорадовский, диаконы Андрей Благовидов и Николай Оморофоровский, иподиакон Николай Чеченев и пономарь Емельян Молчанов [2, л. 3 об., 5 об., 6 об., 8 об., 9 об., 10 об.]. В этом же году протоиерей Головин по собственному желанию уволился из Камчатской епархии в Тобольскую, а диакон Благовидов, «по его прошению», был переведен в Камчатский Петропавловский собор на ту же должность [2, л. 2]. Таким образом, на 1846 г. численность и состав причта кафедрального собора в целом соответствовали штатному расписанию.

В разделах ведомостей, которые назывались «О причте означенного Ново-Архангельского собора», перечисляются все духовные лица, составлявшие штат описываемой церкви за отчетный период 1845 и 1846 гг., однако биографические сведения даны лишь о тех священнослужителях, которые оставались в штате до конца отчетного года. Эти сведения включают информацию о происхождении, образовании, служебных перемещениях и служебных обязанностях, полученных наградах, а также данные о семейном положении и составе семей. Биографические сведения о выбывших в течение года клириках отсутствуют.

Так, в ведомости за 1845 г. зафиксировано, что священник Григорий Иванович Головин является уроженцем Тобольской епархии ведения Ялуторовского духовного правления, Коркинского села, Богородицкой церкви. Сын умершего священника Ивана Шалобанова. В детстве и юности («в малолетстве») пел в хоре Тобольского архиерея. Учился в Тобольской духовной семинарии. Посвящен в стихарь преосвященным Амвросием, архиепископом Тобольским 13 августа 1820 г. Из класса словесности Тобольской семинарии определен в г. Енисейск дьячком в Христорождественскую церковь. 20 августа 1824 г. преосвященным Михаилом, архиепископом Иркутским произведен в диаконы Градо-Енисейской Успенской церкви. В марте 1833 г. преосвященным Мелетием, архиепископом Иркутским,

рукоположен в священники Вознесенской церкви на острове Уналашка в Русской Америке.

На остров Ситху прибыл 26 сентября 1833 г., где, как пишет сам Головин, «был призван колониальным начальством» в Михаило-Архангельскую церковь, в которой служил с 12 февраля по 12 мая 1834 г. [4, л. 4]. По всей видимости, под «колониальным начальством» он имел в виду тогдашнего Главного правителя колоний Ф. П. Врангеля. На остров Уналашку Г. Головин прибыл 16 июля 1834 г. Следовательно, там он наверняка встретился и общался со служившим с 1824 г. в Воскресенской церкви о. И. Вениаминовым (будущим преосвященным Иннокентием), которого переводили в 1834 г. в виде повышения в Ново-Архангельск священником в Михаило-Архангельскую церковь. Известно, что в Ново-Архангельский порт И. Вениаминов прибыл только 22 ноября 1834 г. [3, с. 90].

Ко времени прибытия Г. И. Головина на Уналашку там функционировало училище для мальчиков с 22 учениками, училище для девушек-сирот, больница со стационаром на 8 койко-мест, магазины, деревянная церковь с колокольной (возведением которой руководил в свое время И. Вениаминов), расширялось жилищное строительство. В мужском училище до приезда Г. Головина преподавал И. Вениаминов, женское вела его супруга Екатерина Ивановна.

Одновременно с принятием на себя попечения о приходе Г. И. Головин взял и заботы об учебных заведениях на Уналашке. В ведомости он указывает, что преподавал Закон Божий и «некоторые другие предметы в тамошнем народном училище» для мальчиков и был смотрителем этого училища [4, л. 4 об.]. Можно сделать обоснованное предположение о том, что Г. И. Головин зарекомендовал себя как учитель с лучшей стороны, т. к. только в 1840 г. он получил две благодарности за педагогическую деятельность от администрации колоний. Судя по дате вынесения первой благодарности – 23 апреля 1840 г. – она была получена от Главного правителя колоний И. А. Купреянова; вторая, полученная в этом же году, по всей видимости, уже была вынесена сменившим Купреянова А. К. Этолиным, который еще дважды поощрял Г. И. Головина за учительский труд как «неусыпно старающегося о благонравии и образовании юношества в Уналашке»: в 1842 г., незадолго до своей отставки с поста Главного правителя в мае 1845 г. [4, л. 4].

На хорошем счету Г. И. Головин был и у главы Камчатской епархии преосвященного Иннокентия (Вениаминова), который также несколько раз награждал его. 30 января 1840 г. за заслуги в преподавании и обучении детей Закону Божьему и христианской нравственности он

наградил Г. Головина набедренником. 31 января 1841 г. объявил ему благодарность с занесением в послужной список «за переводы некоторых статей с русского на алеутский язык» [4, л. 4 об.]. На эту информацию исследователям следует обратить особое внимание, т. к. занятие переводами свидетельствует не только о разносторонней деятельности Г. И. Головина, его широком кругозоре и высоком профессионализме, но и о его непосредственном участии в процессе создания письменности для коренных народов Русской Америки, что ставит его в этом процессе рядом с И. Вениаминовым, Я. Нецветовым, И. Тыжновым и др.

Кроме того, Г. И. Головин был успешным миссионером. Деятельность его на поприще христианизации коренных американцев, проживавших на реке Нушегак и в районе Михайловского редута близ Берингова пролива, была отмечена правительственными наградами.

14 февраля 1844 г. он уволился по собственному желанию от службы в Воскресенской церкви на острове Уналашка в Россию, но по просьбе преосвященного Иннокентия остался в Русской Америке еще на два года, которые провел на Ситхе. Здесь он продолжил преподавательскую деятельность, вначале в качестве законоучителя в женском училище [4, л. 4 об.]. В источнике данное учебное заведение фигурирует как «девичья школа», и, по всей видимости, под ней следует понимать женское училище для девушек-сирот, открытое в Ново-Архангельске супругой Главного правителя Русской Америки М. Этолиной. С 19 марта 1845 г. Г. И. Головин был «назначен на должность надзирателя» за Ново-Архангельским духовным училищем «с полной ответственностью по экономической части» и должен был служить в этой должности до открытия Ново-Архангельской духовной семинарии» (т. е. до 1 декабря 1845 г. – С. Б.) [4, л. 4 об.].

Судя по дате назначения, слова о получении должности надзирателя следует понимать в том смысле, что Г. Головин временно исполнял обязанности ректора духовного училища, т. к. прежний ректор иеромонах М. Озеров уволился именно этим числом. Одновременно Г. И. Головин продолжал исполнять обязанности члена и казначея комиссии по строительству духовной семинарии в Ново-Архангельске, в которую глава епархии включил его еще в октябре 1843 г. [4, л. 5 об.]. Последний факт доказывает, что строительство семинарии началось уже в 1843 г.

Духовное служение Г. И. Головин продолжал священником в кафедральном соборе. О глубоком доверии, которое питал к нему глава епархии, и о том, что он был человеком честным и аккуратным с казенными суммами, свидетельствуют, на наш взгляд, его

последующие назначения: ключарем в ново-архангельское Духовное правление, попечителем-казначеем в ново-архангельское отделение Попечительства о бедных духовного звания, а также порученный ему в марте 1845 г. «надзор по всем частям и за всеми лицами Духовного ведомства в Ново-Архангельске» [4, л. 5 об.].

В 1846 г. вместе с семьей Г. И. Головин выехал на родину в Тобольскую епархию, прослужив в Русской Америке с 1834 по 1846 г., в то время как обычный контракт, который Российско-американская компания заключала со священниками или чиновниками, составлял 5 лет.

18 лет служил в Русской Америке и уроженец Иркутска, воспитанник Иркутской духовной семинарии Петр Стефанович Литвинцев. Сподвижник архиепископа Иннокентия по Русской Америке и Приамурью, он внес значительный вклад в развитие духовного образования и миссионерских школ в Тихоокеанской России. В свое время автору данной статьи удалось восстановить и ввести в научный оборот его биографию [1], в том числе опираясь и на данные, почерпнутые из клировой ведомости Ново-Архангельского кафедрального собора за 1846 г. Хотя в этом документе отражен довольно короткий период педагогической деятельности П. С. Литвинцева, с 1840 по 1846 г., содержащиеся в нем материалы свидетельствуют о его значительном вкладе в развитие образования в Русской Америке. Так, начав с 1840 г. служение священником в церкви Воскресения Христова в Павловой Гавани на острове Кадьяк, он одновременно учительствовал и в расположенной там школе Российско-американской компании. За успехи в просвещении в 1840 г. был награжден набедренником, в 1843 г. получил благословение Св. Синода, а в 1845 г. – «Высочайше пожалованную скуфью» [2, л. 4 об.]. После перевода на Ситху П. С. Литвинцев стал ректором Ново-Архангельской духовной семинарии, которой руководил вплоть до ее закрытия в 1858 г. Одновременно исполнял должность инспектора семинарии, работал в составе ее правления и преподавал специальные дисциплины в третьих классах данного учебного заведения. Также был учителем в мужском и женском училищах компании, где преподавал Закон Божий.

Вместе с П. С. Литвинцевым костяк преподавателей духовной семинарии составляли и другие клирики Михаило-Архангельского кафедрального собора: А. А. Благовидов, А. Н. Милорадовский, Н. В. Омофоровский и Е. И. Молчанов.

Второй священник Андрей Никитич Милорадовский родился в семье дьячка. В 1838 г. с отличием закончил Нижегородскую духовную семинарию. Шесть лет был священником в сельских

приходах Нижегородской губернии. В 1846 г. перевелся по собственному желанию на Камчатку, откуда 1 октября того же года получил назначение вторым священником в Михаило-Архангельский кафедральный собор. В том году ему исполнилось 29 лет, однако о семейном положении А. Милорадовского в ведомости говорится коротко: «вдов, семейства не имеет» [2, л. 6]. Последнее, видимо, и стало причиной его желания уехать из родных мест, а назначение вторым священником, скорее всего, было вызвано отъездом в 1846 г. Г. И. Головина. В семинарии А. Милорадовский преподавал во втором и третьем классах.

Потомственный диакон Андрей Алексеевич Благовидов являлся уроженцем г. Иркутска и воспитанником Иркутского духовного училища. Он обладал хорошими вокальными данными и во время учебы пел в хоре архиепископа Иркутского Михаила. В Русскую Америку А. А. Благовидов отправился в 1841 г. по собственному желанию в свите преосвященного Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, который пригласил его псаломщиком в Михаило-Архангельский кафедральный собор. В диаконы был рукоположен в 1844 г., на вакансии псаломщика. В том же году стал регентом в архиерейском хоре, преподавал пение и нотную грамоту вначале ученикам Ново-Архангельского духовного училища, затем созданной на его базе духовной семинарии [4, л. 6 об.]. В 1846 г. перевелся на Камчатку. Диакон Никита Васильевич Омофоровский получил назначение в Михаило-Архангельский кафедральный собор вместе с А. Милорадовским 1 октября 1846 г. Образование получил во Владимирской духовной семинарии, которую окончил в 1836 г. и поступил на службу диаконом в Екатерининский собор г. Судогды. В Иркутскую епархию Н. В. Омофоровский перевелся по собственному желанию в 1841 г. и почти пять лет служил в Казанской церкви при Иркутской Тельминской казенной фабрике. Одновременно был учителем и законоучителем в Тельминском приходском училище. За успехи в просвещении 12 сентября 1842 г. получил благодарность от Иркутской духовной консистории (в источнике – «архипастырское благословление» – С. Б.), а 7 сентября 1844 г. награжден генерал-губернатором Восточной Сибири В. Я. Рупертом премией в 50 рублей серебром по представлению Дирекции училищ Иркутской губернии [2, л. 7 об.]. С 1 мая 1846 г. уволился по собственному желанию в Камчатскую епархию.

Служение в Русской Америке начал в возрасте 32 лет. В Ново-Архангельске помимо службы в кафедральном соборе исполнял после А. Благовидова обязанности секретаря и архивариуса в духовном

правлении и секретаря в правлении Ново-Архангельской духовной семинарии. Преподавал в третьем классе духовной семинарии и в Ситхинской компанейской школе для мальчиков [2, л. 8 об.].

В свое время в этой школе получил образование пономарь Емельян Иванович Молчанов, уроженец Русской Америки и креол по происхождению, который по окончании учебы в 1837 г. распределился причетником в Михаило-Архангельскую церковь [2, л. 10 об; 4, л. 7 об.]. 8 ноября 1841 г. Е. И. Молчанова посвятили в стихарь и назначили пономарем в миссию на реке Нушегак, где он служил до октября 1845 г., после чего был переведен в ново-архангельское духовное правление на должность письмоводителя и столоначальника, а также секретаря в ново-архангельское Попечительство о бедных духовного звания.

Карьеру учителя Е. И. Молчанов начал в 1845 г. в возрасте 24 лет. В Ново-Архангельской духовной семинарии работал учителем первого класса и получил за свою деятельность «архипастырскую признательность» от преосвященного Иннокентия с занесением в личное дело [2, л. 10 об.].

Николай Петрович Чеченев преподавательской деятельностью не занимался, но исполнял административно-хозяйственные должности в аппарате духовного училища и семинарии. С 1 января 1844 г. работал приходе-расходчиком в Ново-Архангельском духовном училище, затем экономом в духовной семинарии. Несмотря на отсутствие послужного списка преподавателя, биография Н. П. Чеченева интересна сама по себе. Карьеру церковнослужителя он начал «из мирян», не имея духовного образования и вообще будучи неграмотным. В феврале 1825 г. первый священник Михаило-Архангельской церкви Алексей Соколов сделал его причетником, службу в церкви Чеченев нес по специальному разрешению Св. Синода, а с 1827 г. стал ризничим в этой же церкви. Не имея специального духовного образования, он не мог рассчитывать на карьеру священнослужителя, однако со временем (возможно, путем самообразования) овладел грамотой и получил шанс для карьерного роста как церковнослужитель. В 1841 г. епископ Иннокентий посвятил его в стихарь и дал должность пономаря в кафедральном соборе Ново-Архангельска. В 1845 г. Н. П. Чеченев стал псаломщиком и был произведен в иподиаконы, достигнув, таким образом, самой высокой для церковнослужителя должности. Имел «похвальные листы от трех священников» [4, л. 7 об.]. В 1846 г. ему исполнилось 50 лет, следовательно, его детство и юность приходились на «барановский период» и он знал еще первого правителя Русской Америки А. А. Баранова.

Таким образом, в отсутствие первичных отчетных материалов из учебных заведений Русской Америки, значение клировых ведомостей для изучения истории народного образования в русских колониях существенно повышается. Будучи официальными отчетными документами, эти источники обладают высоким уровнем достоверности заключенных в них данных личного характера и могут быть интересны для исследователей, главным образом, как источники по кадровому составу духовных учебных заведений и частично светских школ региона.

Так, данные использованных нами клировых ведомостей свидетельствуют о том, что основной костяк преподавателей Ново-Архангельской духовной семинарии начал формироваться в 1846 г. С осени 1846 г. в ней преподавали уже более 83 % клириков кафедрального собора. Данные о типе учебного заведения, где было получено образование, отражают достаточно высокий уровень квалификации кадрового состава преподавателей семинарии: 4 человека имели специальное духовное образование и 1 – непрофильное. Полный курс духовной семинарии окончили 3 преподавателя, 1 имел полный курс духовного училища. Об их профессиональных качествах свидетельствуют факты получения за педагогическую деятельность наград.

Попутно из биографических данных клириков можно извлечь также и некоторую информацию по истории собственно учебных заведений, в которых они преподавали. Например, о занятости клириков собора в других учебных заведениях Русской Америки в 1845–1846 гг. Также, судя по распределению преподавателей по классам, видно, что в 1846 г. в духовной семинарии работали только 1–3 классы. Одновременно преподаватели несли различные административно-хозяйственные нагрузки. Следовательно, на тот период штат данного учебного заведения укомплектован не был.

В перспективе, используя клировые ведомости кафедрального собора за другие годы, можно попытаться восстановить недостающие сведения непосредственно как по истории Ново-Архангельской духовной семинарии – первого такого уровня духовного учебного заведения в Тихоокеанской России, так и по кадровому составу других учебных заведений в Русской Америке.

Литература и источники

1. Белоглазова С. Б. Дальний Восток и Русская Америка в судьбе П. С. Литвинцева // Россия на Тихом океане: роль личности

в становлении российской государственности и проблемы безопасности // Шестые Крушанов. чтения, 2009, г. Владивосток : Дальнаука, 2011. С. 400–405.

2. ГААО. Ф. 4-и : (Камчатская духовная консистория, 1751–1904 гг.). Оп. 1. Д. 89. (Клировая ведомость Ново-Архангельского кафедрального собора, 1846).

3. Петров В. Русские в истории Америки. М. : Наука, 1991. 176 с.

4. РГИА ДВ. Ф. 1011 : (Камчатское духовное правление). Оп. 1. Д. 240 : (Клировая ведомость Ново-Архангельского кафедрального собора. 1845).

СЕКЦИЯ «ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

УДК 281.93+266(571.53/55)

*Евгений Старцев, протоиерей**

ПОСОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ДУХОВНАЯ МИССИЯ ЗА БАЙКАЛОМ

Во все времена важнейшим смыслом российской государственности было сбережение своего народа для Царства Небесного. Поэтому Церковь стремилась привести народы, жившие вне православия, к свету Христовой веры. В 1681 г. в Забайкалье были посланы монахи во главе с игуменом Феодосием. Монахи построили два монастыря – Селенгинский Троицкий и Посольский Преображенский, которые стали центром деятельности Даурской духовной миссии, просуществовавшей до 1734 г.

Продолжением дела Даурской духовной миссии стало учреждение Забайкальской духовной миссии в 1861 г. К этому времени духовные миссии в Америке и на северо-востоке Сибири уже накопили богатый

** Старцев Евгений Николаевич, протоиерей, настоятель Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма Иркутской епархии РПЦ (Московский Патриархат), г. Иркутск.*

Startsev Evgeny N, archpriest, prior of the Mikhailo-Arkhangelsky (Harlampiyevsky) temple of the Irkutsk Diocese of ROC (Moscow Patriarchy), Irkutsk.

E-mail: oestar@mail.ru

опыт успешной работы. Благодаря деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) были разработаны новые принципы организации миссионерского дела. Центром вновь образованной миссии стал Посольский Спасо-Преображенский монастырь. Итоги работы миссии сегодня требуют серьезного осмысления.

Ключевые слова: *Даурская духовная миссия, Забайкальская духовная миссия, Посольский Спасо-Преображенский монастырь, святитель Иннокентий (Вениаминов).*

Evgeny Startsev, archpriest

THE POSOLSKY MONASTERY AND SPIRITUAL MISSION BEYOND BAIKAL

At all times saving of the people for the Kingdom of Heaven was the most important sense of the Russian statehood. Therefore the Church sought to lead the people living out of Orthodoxy to Christ's light of belief. In 1681 monks headed by the abbot Feodosiy were sent to Transbaikalia. Monks built two monasteries – Selenginsky Troitsky and Posolsky Preobrazhensky which became the center of activity of the Daursky Spiritual Mission, that existed till 1734.

Establishment of Transbaikal Spiritual Mission in 1861 became continuation of business of Daursky Spiritual Mission. By this time, spiritual missions in America and in the northeast of Siberia already saved up a vast experience of successful work. Thanks to activity of the St. Innocent (Veniaminov) the new principles of the organization of missionary business were developed. Posolsky Preobrazhensky Monastery became the center of the newly formed mission. The results of Mission's work demand serious reflection today.

Keywords: *Daursky Spiritual Mission, Transbaikal Spiritual Mission, Posolsky Preobrazhensky Monastery, St. Innocent (Veniaminov).*

Есть удивительное место на Земле, одно из самых красивых и загадочных, с глубочайшей историей, уникальной природой и удивительными людьми, живущими окрест. Это озеро Байкал. Нам, живущим здесь, многое кажется уже привычным. Так обычны для нас чистая вода, воздух, искренность отношений между людьми, прямота в суждениях и жертвенность в исполнении долга, добрососедские отношения, терпение. Кажется, таким Прибайкалье было всегда. И люди, которые живут здесь, всегда были такими же. И мне совершенно точно известно, что нет лучше места на Земле. Тайны

нашего прошлого живут и в нас, часто заставляя найти в себе силы пытаться их постичь. Может быть, еще и для того, чтобы понять, что же будет с нами в будущем, далеком и не очень.

Последние десятилетия для многих стали временем потрясающих открытий и откровений. Возвращение людей к вере и традиции, обретение в себе Бога и желание быть христианином перевернуло сознание и жизнь уже миллионов. Жить христианской жизнью сегодня одновременно трудно и легко. Трудно потому, что вообще идти за Христом почти невыполнимый подвиг. А легко – потому что идти приходится вместе с Ним и со многими такими же, как ты.

Наше время – это время свободы для проповеди и дела просвещения. Никто нам сегодня не мешает заниматься изучением своей истории и богословской традиции, воспитанием детей и молодежи в православной вере, не препятствуют нам идти со Словом Божиим к находящимся в узах, к страждущим и больным, творить дела милосердия. Больше того, от нас этого везде ждут. Мы увлечены приобщением к своим истокам, и благоприятная для этого пора позволяет нам проявить пылкость в осознании того, какой исторический путь прошло наше Российское государство и церковь.

Обратимся к истории Сибири и Байкальского края XVII в. Россия стремительно продвигалась на восток. Буквально за несколько десятков лет от начала этого движения на территорию, прилегающую к Байкалу, пришли послы, миссионеры, купцы, служивые люди. Сейчас можно только представить, с какими трудностями столкнулись они, постигая лежащие перед ними невыполнимые просторы. Но, так или иначе, пришло время Сибири становиться под Русскую державу. Самым главным и одновременно непростым было установление добрых отношений с теми, кто жили здесь уже многие столетия. Братание шло мучительно, неровно, часто кроваво. Сибирякам еще только предстояло перевариться в котле человеческих страстей, ревности, подозрительности, неуступчивости, прежде чем они стали теми, кто есть теперь.

Неожиданным, покрытым тайной стало убийство в 1650 г. на восточном берегу Байкала посла Ерофея Заболоцкого, его сына и других участников экспедиции, которые были отправлены тобольскими воеводами в Мунгальскую землю к Цысану-хану и зятю его Турукаю-Табуну для переговоров о принятии «подданства великому царю». Послы были вероломно и неожиданно убиты нападшими на них «брацкими людьми» (бурятами). Вскоре прибыли мунгалы и силой заставили переводчика Семенова продолжить путь и разыграть роль посла. Семенов справился со своей задачей с большим достоинством;

его статейный список был приведен Н. Оглоблиным в «Историческом вестнике» 1891 г. [8]. Реакция царской власти была довольно жесткой: на место преступления были отправлены казаки, которые проводили объяснение народов, живших в Восточной Сибири.

Во все времена единственным смыслом российской государственности было сбережение своего народа для Царства Небесного. Поэтому Церковь стремилась привести и народы, жившие вне православия, к свету Христовой веры. Миссионеры оказывались востребованными людьми в передовых отрядах землепроходцев, покорявших сибирские территории. Можно сказать, что православная миссия началась практически сразу по приходу в Сибирь государственных людей. Посольский монастырь наряду с главным центром духовной жизни Забайкалья – Селенгинским Троицким монастырем – был основан, как принято считать, как подворье, заимка Троицкого монастыря в 1681 г. на месте убийства тех самых послов.

Игумен Феодосий, по благословию Сибирского и Тобольского митрополита Павла, был отправлен в Забайкалье с миссией в Дауры. Отправляя Даурскую духовную миссию из Тобольска в Забайкалье, митрополит Павел 13 и 15 мая 1680 г. дал ей наказ: «Приехав в Дауры, в Селенгинском и в иных даурских городех и острожках иноверцов всяких вер к истинней православной христианстей вере призывати <...> со всяким тщанием и прилежанием, безленостно, и крестити их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и приводит к тому святому и Божию делу иноверцев без тчеславия и гордости, с благоучительным намерением, без всякого озлобления» [9]. В наказе митрополита Павла также содержалось благословение основать на реке Селенге или в каком-либо другом удобном месте монастырь во имя Святой Троицы [6, с. 217].

Дауры – народ, представители которого в настоящее время проживают в северной части Китая, в основном во Внутренней Монголии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Входят в 56 официально признанных национальностей страны. По религиозным верованиям – шаманисты [5]. Расселенные в Забайкалье, они были известны своим нравом кочевников, не приобщенных в ту пору ни к китайскому государству, ни к российскому.

Свято-Троицкий Селенгинский монастырь был основан на реке Селенге. Монастырская же заимка – на мысе Посольском. Духовная жизнь начала обустраиваться там, где была пролита кровь невинных жертв. Но, как водится, именно на крови угодников Божьих и зиждется дело Христово.

Монастырь строился быстро. Отсутствие дорог, как с южной стороны Байкала, так и с северной, заставляло путешественников впасть

преодолевать великую водную преграду. Все, кто переправлялся с западного берега Байкала на восточный, прибегали к стенам Посольской обители и получали там для себя духовную поддержку, а подчас и необходимые средства для дальнейшего путешествия. Позже, когда появились другие пути, роль Посольского монастыря как важного транспортного узла постепенно была утрачена.

При покровительстве царской семьи Селенгинскому и Посольскому монастырям духовная и хозяйственная жизнь обителей стала осуществляться на обширных земельных угодьях, которые были им приписаны. С 1683 г. Посольскому и Селенгинскому монастырям принадлежало устье реки Селенги с богатыми рыбными ловлями. В 1688 г. Троицкому монастырю была пожалована Темлюйская деревня, летом следующего года монастырь получил «заречешные по Селенге покосы». С 1701 г. Даурской духовной миссии принадлежала Кударинская вотчина по правобережью устья Селенги. Здесь предполагалось основать монастырь для новокрещеных бурят, поэтому в этой вотчине оставлялось около половины хлебных запасов миссии «про брацкий обиход, и работным людям, и новокрещеным, и иноверцам, понеже то для новокрещеных и обитель оная велено строить» (впрочем, частые наводнения не способствовали развитию в этих местах земледелия). В начале 30-х гг. XVIII в. здесь была построена Благовещенская церковь.

В 1704 г. Троицкий монастырь стал владельцем богатой Хилоцкой вотчины в нижнем течении реки Хилок, где были сосредоточены основные бурятские кочевья. В 1708 г. к вотчине присоединили земли в устье Хилка, в 1720 г. – деревню Буй. В 1729 г. Троицкий монастырь получил обширные сенные покосы по реке Киреть, между реками Чика и Хилок, через год – пахотные земли и выгоны для скота по левобережью Хилка до Бичуры и до Кирети. Вследствие этих пожалований монастырскими стали деревни и заимки Хилоцкой вотчины: Еланская, Сухой Ручей, Бичура, Узкий Луг, Буй, Красная Слобода и Куналей. В 1723 г. в центре Хилоцкой волости, селе Харитонове, насчитывалось 37 дворов. Позднее эти русские поселения вошли в состав Мухоршибирской и Куналейской волостей и стали вторым по значимости центром христианской культуры в Западном Забайкалье. В 1724 г. во владения Троицкого монастыря перешло Котокельское озеро со всеми впадающими в него реками, с сенокосными угодьями. Дворы, земельные участки, промышленные заведения, принадлежавшие монастырям Даурской духовной миссии, появились в Селенгинске, Удинске, Кяхте, Иркутске.

Всего во владениях миссии распахивалось около 200 десятин земли, миссия получала 25 пудов зерна с каждого двора как продуктовую ренту. Монастырские мельницы обслуживали не только приписных крестьян, но и посадских людей, а также земледельцев всего Западного Забайкалья. Излишки хлеба продавались. В первой половине XVIII в. монастырская торговля хлебом стала значительным фактором в развитии экономики Забайкалья, то же самое можно сказать о торговле рыбой и солью с монастырских ловлей и варниц.

Получая от правительства земли, монастыри устраивали на них заимки и деревни, в которых селили всех, кто пожелает обосноваться в Забайкалье: людей «гулящих», беглых, «присыльных» из Центральной России. С конца XVII в. в связи с освоением нерчинских сереброрудных месторождений правительство стремилось к расширению пахотных угодий в Восточном Забайкалье для поселения приписных к сереброплавильным заводам крестьян. При этом правительство опиралось на помощь Посольского и Селенгинского монастырей, которым был дарован ряд льгот, в частности, разрешение селить на своих землях «беспаспортных» и беглых. Жизнь крестьян во владениях Даурской духовной миссии во многом регулировалась монастырским уставом, и они являлись проводниками христианства в местной языческой среде.

На монастырских землях образовывались селения крещеных бурят, стремившихся устроить свой быт на новых основаниях, не смешиваясь с кочевой языческой средой. Таковы были приходы Троицкий, Посольский, Куядский, Кударинский, Голоустный, Твороговский, Куналейский, Еланский¹. Развитие нового для Забайкалья типа хозяйствования – земледелие, наравне с организацией рыболовного, солеваренного и прочих промыслов – позволяло создать надежную экономическую базу для новокрещеных. По мнению ученых, к началу XVIII в. относится переход бурят к земледелию, причем первыми стали заниматься земледелием буряты, принявшие крещение, что было заслугой Даурской духовной миссии. Монастыри способствовали бракам русских переселенцев с новокрещеными бурятками и тунгусками, давали на обзаведение дом, скот, зерно; семьи расселялись «за Селенгою на речке Кударе в пустых местах». В Забайкалье стали появляться «карымы», родившиеся от смешанных русско-бурятских браков [6, с. 218–219].

¹ Число крещенных членами Даурской духовной миссии бурят и тунгусов неизвестно из-за частых пожаров, уничтоживших архивы миссии, в том числе «записные о новокрещеных именные книги».

Но главным в монастырской жизни остается молитва и просвещение. Даурская миссия, начавшаяся в 1681 г., просуществовала недолго. В территорию окормления миссией входила в том числе и территория современной Иркутской области. «... Из приложенной от Слупцова таблицы видно, что в 1727 г. в состав Иркутской епархии вошли... в городе Иркутске 9 церквей... В Иркутском дискрикте церкви: Идинская Троицкая, Балаганская Спасская, Бельская Сретенская, Кудинская Троицкая, Оецкая Афанасия и Кирилла, Бадайская Николаевская, Олонская Благовещенская, Усольская и Уриковская, обе во имя Нерукотворенного Образа, Китайская Христорождественская, Вверх-Иркутская Введенская, Верхоленская Воскресенская, Бирюльская Покровская, Манзурская Введенская и Агинская Ильинская...» [4]

К началу XVIII в. тибетский ламаизм стал проникать на территорию России. Конфликт между двумя центрами духовной жизни – ламаистским Тибетом и православной Москвой – оказался неизбежным. Проникновение лам в Забайкалье стало настолько масштабным, что не считаться с этим московское правительство уже не могло. В 1734 г. из-за опасения осложнений в отношениях с Китаем русское правительство запретило миссионерскую деятельность в Восточной Сибири. К середине XVIII в. среди забайкальских бурят широко распространился ламаизм, поскольку по условиям Буринского и Кяхтинского договоров (1727–1728 гг.) российское правительство обязалось этому не препятствовать, в результате чего в Забайкалье прибыли 50 тибетских и 100 монгольских лам [6, с. 219]. Можно видеть, что коренные жители – буряты, жившие к востоку от озера Байкал, были со временем почти полностью посвящены в религиозную жизнь буддизма. Тунгусские племена и буряты, исповедовавшие шаманизм, были вытеснены в северные районы Забайкалья и Прибайкалья. К рубежу XVIII–XIX вв. к востоку от Байкала бурятское население было практически полностью ламаизировано.

Итоги работы миссии сегодня требуют серьезного осмысления. Епископ Вениамин (Благодеров) в «Письмах из Посольского монастыря» относил окончание деятельности Даурской духовной миссии к времени после назначения настоятеля Посольского монастыря архимандрита Илариона (Труса) в 1734 г. главой Пекинской миссии с оставлением в должности настоятеля и после кончины архимандрита Мисаила (1743) [6, с. 219].

Знаменательным событием в духовной жизни Забайкалья стало появление в наших краях святителя Иннокентия (Кульчицкого), первого епископа Иркутского, направлявшегося для окормления оказавшихся

в китайском плену албазинцев. Албазинцы – это потомки русских казаков-поселенцев пограничного с Китаем острога Албазин, основанного Никифором Черниговским в 1665 г. на Амуре (ныне село Албазино Амурской области) на предполагаемом месте расположения крепости даурского князя Албазы, сожженной дотла Е. П. Хабаровым в 1651 г. [1]. Промыслом Божиим и интригами иезуитов при китайском императорском дворе будущий святитель в Китай допущен не был. Большую часть лет, проведенных в Сибири, он жил в пределах Селенгинского Троицкого монастыря – в Староселенгинске. Усматривается прямая связь между его появлением и оживлением миссионерской идеи. Находившаяся в упадке государственная и духовная жизнь в Забайкалье требовала обновления. Святитель Иннокентий за три года смог преобразить жизнь в этом крае настолько, что из глухой провинции окрестности Байкала стали местом служения великих угодников Божих: по его стопам последовали святитель Софроний Иркутский, святитель Иннокентий, митрополит Московский, святитель Мелетий, епископ Рязанский, преподобный Варлаам Чикойский.

С начала XIX в. церковные власти рассматривали идею учреждения новой миссии для активизации проповеди среди бурят, эвенков и других местных народов. Деятельность миссионеров в Забайкалье активизировалась с 1814 г. при Иркутском епископе Михаиле (Бурдукове). В 20–30-х гг. XIX в. миссионерским делом в селениях по берегам рек Уда, Она, Чесан, Кижинга, Хилок, Селенга и других заведовал священник Александр Бобровников, составивший грамматику бурятского языка. В 1830 г. при Иркутской епархии был создан Комитет по делам духовной миссии. Из-за нехватки средств и сотрудников, а также активизации буддизма успех миссионеров оказался незначительным [7].

Продолжением дела Даурской духовной миссии стало учреждение Забайкальской духовной миссии в 1861 г. К тому времени был накоплен богатый опыт успешных миссий Америки и северо-востока Сибири. Благодаря деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) были заложены новые принципы организации миссионерского дела. Центром вновь образованной миссии стал Посольский Спасо-Преображенский монастырь. В 1861 г. было образовано Селенгинское викариатство, во главе которого, а также начальником Забайкальской духовной миссии стал епископ Вениамин (Благодрагов). Епископ Вениамин в течение шестилетнего управления миссией, без всякого пособия от казны, благодаря частной благотворительности, со своими соратниками устроил 11 миссионерских станов с церквями, домами для миссионеров,

псаломщиков и учеников при них, богадельню для престарелых и больных новокрещеных и центральное училище в Посольском монастыре [10], которое было учреждено в 1862 г.

В ученики набирались дети из инородческих новокрещеных семейств с целью приготовления их к миссионерскому служению. Состав учащихся был разделен на два отделения, старшее и младшее. В первом обучались чистописанию, священной истории, пространному катехизису, объяснению богослужения, церковному пению, арифметике, русской грамматике, географии, русской истории и книжному монгольскому языку. Младшие учились русскому чтению и письму, молитвам, краткой священной истории, краткому катехизису, а некоторые чтению и письму на монгольском языке и пению. В 1866 г. обучалось 18 мальчиков и одна девочка. Из них трое было приходящих, а остальные на монастырском содержании [2]. Миссионерское училище помещалось в монастырских зданиях.

Современные исследователи указывают на развитую инфраструктуру монастырского комплекса, включавшую в себя Спасо-Преображенский собор, Никольскую церковь, монастырские кельи, Святые Врата с лестницей, часовню Заболоцкого, часовню Г. А. Осколкова, угловые башни, монастырскую ограду, мемориальный комплекс (могилу посла и его спутников), трапезную, главные входные Ворота с часовней во имя Иоанна Богослова с восточной стороны (со стороны села Посольское). Центр Забайкальской духовной миссии в Посольском монастыре просуществовал, однако, недолго – всего 18 лет. Уже в 1880 г. кафедра Селенгинского викариатства из Посольска была перенесена в Читу.

В чем был смысл организации миссионерской деятельности, ее стиль, «изюминка» и отличительные черты? Безусловно, очень серьезное идеологическое и методологическое влияние на работу миссии оказал святитель Иннокентий (Вениаминов). Одной из самых успешных миссий, осуществленных Русской Православной Церковью, стала миссия Американская, которая благодаря Святителю и его сподвижникам закрепила за Аляской именование Русской Америки. Само содержание духа и следа, оставленного русской цивилизацией, до сих пор не могут быть уничтожены.

Когда нам довелось на небольшом парусном корабле проходить между островами Алеутской гряды, стало отчетливо понятно, какими трудами этот континент навсегда останется русским. Господь сохранил святителя Иннокентия и его уникальный опыт для будущих миссионеров, сберег народы, вошедшие через проповедь христианской веры в число цивилизованных народов мира. И этот опыт был

востребован в организации Забайкальской духовной миссии. Святитель Иннокентий считал обязанностью православного духовенства поддерживать все добрые обычаи, существующие у кочевых народов, и одновременно не возлагать на недавно пришедших к Вере Православной «бремена тяжелые и неудобноносимые» (Мф. 23:4). Нельзя, учил святитель Иннокентий, например, требовать от кочевников отказа от мясной пищи во время постов, так как мясо их основная, а нередко и единственная пища. Благодаря по-христиански разумному подходу к святому делу миссионерства, когда православный проповедник, по слову святого апостола Павла, для всех «сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22), не отступая при том от догматов и канонов Святой Церкви, многие нехристиане обратились к Православию [3]. Необходимо, чтобы народ не почувствовал не только насилия над своей традиционной духовной культурой, но и увидел радость и естественность своего вхождения в мир Православия. В этом смысле серьезное, научное рассмотрение опыта этой миссии сегодня для нас с вами звучит особенно актуально.

Можно ли говорить, что миссия завершена? Пока существует Церковь, ее миссия не заканчивается. Она лишь с каждой новой исторической эпохой приобретает новые черты и особенности. И народы, живущие в Сибири и Америке, ждут своих миссионеров, которые обязательно придут и укажут им тот путь в Царствие Небесное, по которому шли наши предки, населявшие некогда и наш Байкальский край, и Русскую Америку, и другие территории нашего славного Отечества. А возрожденная духовная жизнь Посольской обители – прямое этому свидетельство, обнадеживающее послание из прошлого, указывающее нам на то, что миссия продолжается.

Литература

1. Албазицы. [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EB%E1%E0%E7%E8%ED%F6%FB>.
2. Вениамин (еп.). Забайкальская духовная миссия в 1866 г. // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1867. № 14. С. 160.
3. Внутренняя миссия в Восточной Сибири в XIX в. и Посольский Спасо-Преображенский монастырь [Электронный ресурс] // Читинская епархия. URL: <http://www.eparhiachita.ru/index.php/ct-menu-item-357/ct-menu-item-359/ct-menu-item-363/ct-menu-item-397/ct-menu-item-407>.
4. Громов П. Иннокентий Святой, 1-й епископ Иркутский. Начальный состав Иркутской епархии // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. 1863. № 23. С. 344.

5. Дауры [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E0%F3%F0%FB>.
6. Жалсараев А. Даурская духовная миссия // Православная энциклопедия. М. : Церков.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 14. С. 217–219.
7. Жалсараев А. Забайкальская духовная миссия // Там же. 2008. Т. 19. С. 427.
8. Заболоцкий Ерофей. Биография [Электронный ресурс] // Академик. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/25975>.
9. История Российской духовной миссии в Китае : сб. ст. М., 1997. С. 42.
10. Мелетий (еп.). Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1885 год // Иркут. епарх. вед. Прибавл. 1886. № 29. С. 329–336.

УДК 281.93+269(798)

*Гортер Валинг Т.**

ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО! ЗАМЕТКИ ПО ИТОГАМ ПУТЕШЕСТВИЯ НА АЛЯСКУ

В статье представлена краткая история утверждения и развития православия на Аляске от первых годов существования духовной миссии до ее современного состояния. Большое внимание уделено переломным моментам в истории Православной Церкви в Америке, в частности изменению ее положения после передачи Аляски Соединенным Штатам.

В статье говорится об исключительной роли православного духовенства, и в частности святителя Иннокентия, в культурно-историческом развитии Аляски. Рассказывается о рецепции православия местным населением, особенно алеутами, как своей народной культуры, а также поднимаются проблемы сохранения православной культуры в Америке на современном этапе.

Ключевые слова: Аляска, Русская Православная Церковь, духовная миссия, коренные народы, креолы, алеуты, национальная культура, язык.

**Гортер Валинг Тееувис, аккредитованный музеолог, NMF (Ассоциация музеев Норвегии). Лонгиербуен, Свальбард (Шпицберген), Норвегия.*

Gorter Waling T., accredited researcher of museum, NMF (Association of the museums of Norway), Longiyerbyuen, Svalbard (Spitsbergen), Norway.

E-mail: arkptomor@online.no

**GOD IS FAR UP HIGH, THE TSAR IS FAR AWAY
(LITERAL)
THE NOTES ON THE RESULTS OF JOURNEY TO
ALASKA**

The article represents the brief history of the statement and development of Orthodoxy on Alaska of the first years of existence of spiritual mission to its current state. Much attention is paid to turning points in the history of Orthodox Church in America, in particular to change of its situation after transfer of Alaska to the United States.

In the article it is told about an exclusive role of orthodox clergy, and in particular the St. Innocent, in cultural historical development of Alaska. It is told about reception of Orthodoxy by local population, especially Aleuts, as national culture, and also the problems of preservation of orthodox culture in America at the current phase are raised.

Keywords: *Alaska, Russian Orthodox Church, spiritual mission, indigenous people, Creoles, Aleuts, national culture, language.*

В июне 2012 г. мне посчастливилось побывать на Аляске. По прибытии в Анкоридж я отправился в столицу штата Джуно, где проходил фестиваль племен тлинкитов и хайда. Там я встретился с отцом Майклом Бойлем, священником собора Михаила Архангела в Ситке (Ново-Архангельске) на острове Баранова. Его присутствие на фестивале является ярким примером тесных связей между Православной Церковью и коренным населением на Аляске. Майкл Бойль и главный археолог Аляски Дэйв Мак-Мэхан показали мне Ситку. В Анкоридже я встретился с главой Аляскинского диоцеза¹ Майклом Олексой. Потом я поехал в старообрядческое село Николаевск на полуострове Кенай и село Нинильчик, которые по планировке очень напоминают поморские села. Дальнейший путь лежал по морю. На острове Кадьяк я познакомился с о. Иннокентием Дрездовым, посетил собор и духовную семинарию. А в Уналашке в соборе Воскресения Христова меня принял о. Андрей Кашеваров. Без поддержки и благословения Его Преосвященства Епископа Сан-Францисского и Запада Вениамина и главы диоцеза Майкла Олексы мои встречи в различных православных приходах Аляски и в православной духовной

¹ Территориально-административная единица (епархиальный округ).

семинарии оказались бы невозможны. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую признательность всем, кто нашел время для беседы со мной, за их содействие, доброжелательность и духовность.

Аляска – колыбель православия в Америке

История Русской Православной Церкви (РПЦ) на Аляске началась с истории ее заступничества за коренное население от притеснений русских промышленников, которые, как это ни парадоксально, сами распространяли христианство среди местных жителей Русской Америки. В результате этого заступничества императрицей Екатериной II на Аляску была направлена православная духовная миссия. Во многом благодаря миссионерской деятельности началось объединение коренного населения и креолов². Торговая компания старалась улучшить положение коренного населения и просветить его.

Это стало возможным, прежде всего, благодаря прямому участию духовенства в жизни на полуострове. Наиболее значимой личностью в этом процессе был свт. Иннокентий (Вениаминов), ставший в 1868 г. Митрополитом Московским. В 1870-е гг. он организовал новую миссию, защищавшую интересы православных христиан на Аляске. В этот период в США эмигрировали много русских, и вскоре на остальной территории США стало больше православных, чем на Аляске. В 1870 г. духовная миссия на Аляске получила статус епархии, которую возглавил епископ Алеутский и Аляскинский. Уже в 1872 г. архиерейская кафедра была переведена из Ситки в Сан-Франциско. С 1903 г. Священный Синод вновь открыл епархию на Аляске с центром в Ситке. С 1924 г. по политическим соображениям РПЦ в Америке объявила о своей независимости от Москвы, что, однако, не получило одобрения у Патриарха Тихона, и стала называться Русской Православной Греко-Кафолической Церковью в Америке. Только в 1970 г. Церковь получила автокефалию у РПЦ. 14-й Всеамериканский Собор в 1970 г. стал первым Собором Поместной автокефальной Православной Церкви в Америке. На этом Соборе был канонизирован прп. Герман Аляскинский. Этот год считается началом Православной Церкви в Америке (ПЦА).

В настоящее время в ПЦА – 551 приход и 19 монастырей. Из них 91 приход расположен на Аляске. Резиденция диоцеза Аляски, который возглавляет протоиерей Майкл Олекса, расположена в Анкоридже. Помимо духовной семинарии в Кадьяке (Семинария прп. Германа)

² Потомки от смешанных браков русских с алеутами, эскимосами или индейцами.

в диоцез входят 87 церквей и часовен с 25 имеющими духовное образование священниками. Сегодня на Аляске, по данным ПЦА, зарегистрированы около 30 тысяч православных христиан. Около половины из них – активные прихожане. Эти цифры в целом соответствуют данным государственной переписи населения 2000 г., согласно которой 21 000 человек причислили себя к исповедующим русское православие.

Большая часть православных на Аляске – это коренное население Алеутской гряды (самоназвание – унанан), Кадыяка, Кусковима, Юкона (соответственно алутиики, чугачи и юпики) и юго-восточной Аляски (индейцы-глинкинты). Многие из них проживают сейчас в районе развивающегося Анкориджа. Там в последнее время были открыты 10 новых православных храмов. 19 сентября 1993 г. Патриарх всея Руси Алексий II освятил краеугольный камень нового собора в Анкоридже. Собор был освящен 15 октября того же года по случаю 200-летнего юбилея Православной Церкви на Аляске и в Америке. Это представляется очень символичным! Ведь именно Русскую Православную Церковь можно назвать краеугольным камнем Американской Православной Церкви! Она положила начало новой духовной миссии на Аляске. Церковь Аляски называет себя церковью коренных народов (Native church).

2 января 1966 г. сгорел главный православный храм Аляски в Ситке, построенный Российско-американской компанией в 1841–1848 гг. Пожар всколыхнул многих равнодушных и послужил началом возрождения духовности и культуры. По официальной версии, пожар возник случайно. Но существует мнение, что собор был подожжен. Катастрофа стала последней каплей, переполнившей чашу терпения, в ситуации, когда уровень суицида среди аборигенов был в три раза выше, чем в среднем по стране, и когда коренное население Аляски было одной из беднейших групп населения в США. Причиной этому послужила жесткая американизация данного региона. Наложили свой отпечаток золотодобыча и промышленное рыболовство. Наиболее серьезная ситуация сложилась среди инупиков (эскимосов) на севере Аляски, которые, как и большая часть атапасков во внутренних частях материка, вообще не имели контактов с Русской Православной Церковью. В местах проживания этих народов процветали насилие, алкоголизм, инцест, убийства и самоубийства.

Что касается истории алеутов, то здесь не обойтись без упоминания захвата японцами Алеутских островов 6 июня 1942 г. и предшествующей ему принудительной эвакуации всего коренного населения. По отдельным утверждениям, от болезней и голода в японских концлагерях

и американской эвакуации на Аляске погибло до 60 % всех алеутов. Есть свидетельства, что алеуты во время войны подверглись такому расовому преследованию, которое можно сравнить разве что с фашистскими концлагерями. Японцы бомбили не только Перл-Харбор на Гавайях, но и Уналашку на Алеутских островах, а также оккупировали острова Киска и Атту. 30 мая 1943 г. они отступили перед американцами, чья база размещалась в Уналашке. Православная церковь и архиерейский дом в Уналашке, чудеснейшим образом не пострадавшие от японских бомбардировок, были осквернены американскими войсками. В течение двух лет Алеутские острова оставались закрытой военной зоной. Православные храмы стали мишенями во время стрельбищ. Осквернялись святыни. Шло разграбление домов местных жителей, церковной и муниципальной собственности.

После пожара в соборе Архангела Михаила в Ситке были канонизированы и прославлены несколько аляскинских святых и мучеников. Первым был канонизирован преподобный Герман в 1970 г., в 1977 г. – Иннокентий (Вениаминов), а в 1994 г. – св. Иаков (Нецветов). Мученики Ювеналий и Петр были прославлены Архиерейским Собором в 1970 г. Теперь уже не имеет значения, был ли пожар в кафедральном соборе в Ситке несчастным случаем, или поджогом, главное то, к чему он привел. Собор был памятником культуры федерального значения. Поэтому после его утраты власти возвели точную копию храма, а новые колокола были вылиты из бронзы старых. Так как пожар начался в центральном куполе, жителям Ситки удалось спасти практически всю церковную утварь собора. По живой цепочке люди передавали предметы из храма. В пожаре были утрачены только одна икона из центрального иконостаса и колокола. Люди спасали иконы и утварь, рискуя жизнью. Казанская (Ситкинская) чудотворная икона Божией Матери и центральное паникадило, привезенное в свое время из Санкт-Петербурга, по словам местных жителей, были спасены чудом.

Параллельно в 1960-е гг. государством предпринимались меры по развитию коренных общин. Но эти меры спускались сверху, что еще более усугубило кризис самосознания. После 1867 г. английский язык стал официальным языком администрации и торговли, а с 1912 г. – обязательным языком обучения. В результате значение алеутского, эскимосского и тлинкитского языков, как и церковно-славянского и русского, было сведено к социолингвистическим символам соответствующих этнических групп. Гармоническое сочетание разных культур, характерное для русского периода на Аляске, сейчас лучше всего проявляется в тех областях, где наиболее влиятельна Православная Церковь.

Одновременно американизация, насаждавшаяся фундаменталистскими религиозными течениями (пресвитерианами, методистами, баптистами и моравскими братьями), а также римско-католической церковью, имела противоположный результат. По всей видимости, это привело в целом к духовному смятению, в результате чего Аляска оказалась американским штатом с самой низкой долей верующих (около 20 % населения, согласно переписи населения 2000 г.).

Утверждение Русской Православной Церкви на Аляске и создание духовной миссии

Еще в XVII в. поморы из Холмогор и Великого Устюга на кочах совершали морские переходы по Северо-Восточному проходу, по крайней мере, от Лены в Берингово море. В 1648 г. Семену Дежневу удалось дойти до Анадыря и Диомидовых островов. Несколько кочей исчезло во время шторма. Возможно, они дошли до земли по другую сторону моря, то есть до Аляски. Картографические данные позволяют предположить, что уже тогда промышленникам была знакома земля по другую сторону Берингова моря. В период правления Петра I север-восток был уже известен. Ближайший советник Петра I Иван Кириллов разработал план российской экспансии и освоения Америки. Существует мнение, что Петр I мечтал о расширении Российской империи вдоль американского побережья от Берингова пролива до испанских колоний в Калифорнии! Однако при жизни Петр застал только первый шаг в этом направлении – образование первого российского тихоокеанского порта Охотска.

После прибытия на Аляску Жердева (1732 г.) и Беринга с Чириковым (1741 г.) до этих земель стали добираться также и парусники колониальных западных держав, главным образом из Великобритании и Испании. Российские суда уступали им по размеру, но они строились кораблями (главным образом из поморов) на берегу Охотского моря. И только в 1803 г. к этим берегам подошел первый российский корабль из европейской части России, совершавший кругосветное путешествие.

Русские промышленники из Восточной Сибири расширяли свои охотничьи угодья дальше на восток. Этому способствовали высокие цены в Китае на пушнину (особенно на мех морских бобров). В обмен в Россию импортировался китайский чай. Заманчиво предположить, что чай стал национальным русским напитком благодаря сбыту в Китай меха морского бобра из Аляски. В России существовала государственная монополия на торговлю мехами с Китаем и Монголией (Кяхтинская торговля). Но в 1762 г. правительство монополию отменило и открыло доступ частным компаниям к торговле пушниной.

В Русской Америке этой деятельностью занимались четыре компании, одна из которых в 1799 г. получила монополию. Сфера их деятельности и определила границы Российской империи на Аляске. Добыча велась, главным образом, на Алеутских островах и в направлении тлинкитской Ши Атики (русские упростили название до «Ситки»). В 1804 г. это поселение было отвоевано у тлинкитов, захвативших в 1802 г. находящееся в 10 км первое русское поселение, Михайловский редут, где было уничтожено более тысячи человек (русских, алеутов и других коренных жителей). Ши Атика была переименована в Ново-Архангельск. Помимо морского бобра важным товаром были песок и чернобурка. В XIX в. преобладала торговля белкой, горностаем и соболем.

Открытие Аляски в начале XVIII в. вызвало оживленные дискуссии в Санкт-Петербурге относительно возможного морского пути на восток через Северный полюс. Вспомнили предыдущие попытки, предпринятые в конце XVI в. (В. Баренц) и в начале XVII в. (Г. Гудзон). В 50-е гг. XVIII в. Ломоносов задумал новую экспедицию. 20 сентября 1763 г. он подал предложение в Адмиралтейство по двум полярным маршрутам до Алеутских островов и Аляски. В 1765 г. Адмиралтейство снарядило одну экспедицию под руководством Василия Чичагова из европейской части через Шпицберген и вторую экспедицию – из Берингова моря. Экспедиция Чичагова перезимовала на базе в Бельсунне на Западном Шпицбергене, однако севернее пройти не смогла. Она вошла в историю как первая в мире научная экспедиция на Северный полюс, перезимовавшая на Шпицбергене!

Значительная часть участников промысловых экспедиций в Беринговом море являлись выходцами с Русского Севера или их потомками. Многие из них были поморами. Они применяли на Аляске поморские орудия промысла и методы судостроения. Останки шитых поморских судов были найдены в различных местах на Аляске.

При освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока особое значение имели Иркутск, Камчатка и Охотское море. Многие из поселенцев были староверами или старообрядцами. В археологических коллекциях встречаются как никонианские, так и старообрядческие нательные крестики. Например, выговские меднолитые образки, складни и кресты. Так православие проникало в районы промысла на морского бобра и лисиц вдоль Алеутских островов и до мест, ныне называемых Ситкой и Врангелем. Алеуты стали православными еще в 1750-е гг. Их центральным поселением была Уналашка, которую посетила экспедиция Беринга. В настоящее время Уналашка с портом Дач Харбор является важнейшим рыбным портом США на

Тихоокеанском побережье. В 1774 г. порт Илиулиук (в Уналашкинском заливе) стал первым русским поселением на Аляске. В 1787 г. настал черед алутииков (эскимосской группы), населявших Кадьяк. Большая часть населения приняла православие. Общее вероисповедание способствовало развитию отношений между местным населением и первыми русскими промышленниками.

Одновременно Россия усиливала контроль над этими землями. Получив в 1793 г. прошение от хозяина одной из промысловых компаний Григория Шелихова о церкви и священнике, Екатерина II не только разрешила строительство церкви и отправку на Аляску одного священника, но послала туда целую духовную миссию, профинансировав ее из личных средств. Миссия прибыла на Аляску в 1794 г. Она состояла, главным образом, из монахов Валаамского и Коневецкого монастырей на Ладожском озере. По справедливому мнению Екатерины, монахи из удаленных монастырей лучше могли справиться с трудностями на Аляске. Екатерина была против того, чтобы предоставить монополию на аляскинские промыслы и торговлю пушниной какой-то одной компании. Поэтому пушниной торговали еще три компании. Между ними порой возникали стычки, как, например, в Уналашке, где урегулировать конфликт в качестве посредника пришлось валаамскому монаху Макарию. Но компания Шелихова была сильнее и пользовалась поддержкой иркутского губернатора, в результате чего стала самой влиятельной. Компания не ограничивалась традиционной деятельностью. Когда популяция промысловых видов животных резко уменьшилась, компания занялась разведением песка и чернобурки на нескольких Алеутских островах. Местные алеуты руководили этим производством.

По указанию царицы местное население должно было присоединяться к Российской империи добровольно. Насилие могло караться смертью. Однако компания Шелихова, игнорируя царскую волю, принуждала к этому. Первоначально иркутские власти смотрели на это сквозь пальцы. Но после прибытия на Аляску духовной миссии в сентябре 1794 г. стали известны серьезные случаи насилия над местными жителями, например, не справившимися с заданием по заготовке пушнины. Даже иркутские власти призвали Шелихова к умеренности и выдали проездные документы с бесплатным проездом через всю Сибирь одному из членов духовной миссии с тем, чтобы тот заступился перед Павлом I за обиженных. В результате была создана правительственная комиссия (1803–1804) по расследованию, которую возглавил Николай Резанов.

Резанов прибыл на Аляску на флагмане «Надежда» в сопровождении фрегата «Нева». Это было первое кругосветное плавание российского флота в 1803–1806 гг. Впервые русский флот поднял флаг над Аляской. По иронии судьбы приход «Невы» повлек за собой применение грубого насилия против индейцев-тлинкитов, которые за два года до этого полностью уничтожили Михайловский редут (редут Архангела Михаила). Орудия фрегата поставили точку на военных действиях, и в сентябре 1804 г. «столица» индейцев-тлинкитов Ши Атика (Ситка) была завоевана Российско-американской компанией. Каргополец Александр Баранов символично окрестил новую столицу Аляски Ново-Архангельском. Ведь Архангел Михаил традиционно ассоциируется с защитой Святой Руси от язычников как на Русском Севере, так и здесь, на восточных рубежах. Еловый лес рядом с Ши Атикой (Ситкой), где в сентябре 1804 г. стояли индейские укрепления, сохранился и по сей день. В 1910 г. этот лес стал первым памятником федерального значения на Аляске. В 1916 г. он вошел в систему национальных парков Соединенных Штатов и с 1972 г. называется «Ситкинский национальный исторический парк».

Первый Ново-Архангельск Баранова (Михайловский редут) расположен всего в 10 км от Ситки. Сегодня на месте первоначального Ново-Архангельска стоит православный памятный крест. Николай Резанов, как оказалось, вел двойную игру и был причастен к хищению 2 000 золотых рублей из кассы Российско-американской компании. Средства были выделены для миссии Священным Синодом в 1797 г. в дополнение к ежегодной дотации, утвержденной Екатериной II. Кроме того, Резанов незаконно присвоил почти 7 000 золотых рублей, предназначавшихся для миссии и находившихся на борту фрегата «Надежда». В результате миссии пришлось справляться, главным образом, своими силами. До места назначения на Аляске дошли только лишь церковная утварь и одеяния.

Русская духовная миссия на Аляске

Русская духовная миссия времен Екатерины II состояла из десяти человек. Из них четверо были в священном сане (архимандрит Иоасаф, иеромонахи Ювеналий, Афанасий и Макарий), двое других (Нектарий и Стефан) были иеродиаконами, еще двое (Герман и Иоасаф) – простыми монахами. Шестеро из них прибыли из Валаамского монастыря, двое – из Коневецкого монастыря на Ладожском озере. Руководил миссией архимандрит Иоасаф с Валаама. Кроме того, в миссию вошли еще десять представителей коренного населения, которые прошли перед этим соответствующую подготовку.

Предполагалось, что Российско-американская компания должна оказать миссии поддержку, однако вскоре миссия вступила в конфликт с компанией, а в 1800 г. несколько монахов были даже задержаны управляющим торговой компанией Барановым. В результате миссии пришлось полагаться только на себя, заняться рыбной ловлей и завести подсобное хозяйство. Сначала миссия остановилась в Уналашке. Затем она переехала в Павловскую Гавань на острове Кадьяк. Поселение находилось на месте нынешнего города Кадьяк, который в 1867 г. стал вторым по величине городом после Ситки. Миссия прибыла на Аляску в сентябре 1794 г., и уже к маю 1795 г. несколько тысяч представителей коренного населения приняли крещение. Только на Алеутских островах к 1797 г. были крещены несколько тысяч человек.

С 1796 г. в Уналашке обосновался иеромонах Макарий. Он нашел методы русской компании по заготовке пушнины совершенно неприемлемыми, и в этом его поддержал епископ Иркутский. В 1802 г. Макарий получил аудиенцию у царя Павла I, на которой он доложил о положении алеутов в Уналашке. В результате Павел I лично распорядился о принятии мер по улучшению условий их жизни.

Екатерина II еще в 1796 г. постановила назначить архимандрита Иоасафа, возглавившего миссию, епископом Аляски. 10 апреля 1799 г. в Иркутске Иоасафа возвели в сан. Он стал первым епископом Аляски. Иоасаф планировал пополнять духовенство представителями коренного населения. К сожалению, он погиб в море неподалеку от Кадьяка, после чего духовным руководителем миссии стал валаамский монах Герман (прп. Герман Аляскинский). К 1807 г. из членов миссии в живых осталось совсем немного, и отец Герман был официально назначен ее руководителем. В 1810 г. в сан православного священника впервые был рукоположен представитель коренного населения Аляски. Духовное образование он получил в России.

Многие тлинкиты к югу от современного Анкориджа приняли православие после того, как Иоанн Вениаминов создал тлинкитскую письменность и перевел Библию и другие церковные тексты на тлинкитский язык. То же самое было сделано для чугачей и юпиков, проживающих севернее. Постепенно духовный центр сместился в Ново-Архангельск, который в 1804 г. стал русской «столицей» Аляски. В 1843 г. там был построен архиерейский дом. Это здание, как и русская школа по соседству, дожило до наших дней, и теперь там расположен государственный музей. Миссия исполняла заветы Екатерины: обращать язычников в христиан не только проповедью, но, прежде всего, добрым личным примером, правильным образом жизни и любовью к ближнему. Миссия не должна была хозяйничать в гостях у других. Она стала защитником коренных жителей от притеснений со

стороны компании. Согласно имеющимся данным, торговая компания переводила миссии лишь незначительную часть средств, выделяемых ей государством на нужды миссии. Скорее всего, потому что духовные лица отказались подчиняться компании. По мнению управляющего компанией Александра Баранова, монахи опирались на идеалы, годные лишь для отшельнической жизни в скитах и пустынях. А проповедуемые самостоятельность и свобода для коренного населения могли привести лишь к грабежу и вечному варварству...

Однако со временем положение улучшилось, в частности еще и потому, что иркутский губернатор также призывал к умеренности. Русская Православная Церковь на Аляске сыграла важную роль посредника и защитника коренного населения как в русский, так и в американский периоды истории Аляски. В Кадьяке помнят о том, что миссия, состоявшая, главным образом, из валаамских монахов, рассматривала свою деятельность среди коренного населения Аляски как продолжение миссии Валаамского монастыря по просвещению язычников Русского Севера. Миссия на Аляске стала самой удаленной православной миссией в мире, а поселение Павловская Гавань на острове Кадьяк – ее штаб-квартирой.

Современная Православная Церковь на Аляске, сохранив традицию, открыла в 1972 г. новую духовную семинарию преподобного Германа, первоначально возле Кеная, а позднее, в 1974 г., перевела ее в Кадьяк. Храм первых пяти аляскинских святых при семинарии был возведен в 1994 г. по случаю 200-летия Русской Православной Церкви на Аляске.

Аляскинские святые

Монахи Екатерининской духовной миссии прибыли в Кадьяк в 1794 г. В последующие годы болезни и кораблекрушения унесли жизни большинства членов миссии. Лишь самый молодой монах Герман из Валаамского монастыря на долгие годы пережил своих товарищей и до самой смерти 12/25 декабря 1837 г. заботился о пастве, обеспечил преемственность поколений. Над его могилой на Еловом острове установлена отреставрированная в 2007 г. икона святителя Николая с преподобными Сергием и Германом Валаамскими.

Герман родился между 1756 и 1760 гг. в Серпухове. Он принял монашеский постриг в Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом и уже оттуда направился в Валаамский монастырь. В начале 1830-х гг. барон Фердинанд Врангель (1796–1870), работавший с 1830 по 1835 г. соуправляющим Российско-американской торговой компанией, был так поражен деятельностью отца Германа, что в 1831 г. присвоил участку, на котором располагался скит миссии на Еловом

острове вблизи Павловской гавани, официальное название Новый Валаам. Отца Германа канонизировали в 1970 г. Будучи монахом, он носил нательный крест на специально изготовленной железной цепи весом 8 кг, которая должна была напоминать ему о бремени жизни. Мощи преподобного Германа Аляскинского, его вериги с крестом и другие святыни хранятся в Кадьякском соборе прп. Германа.

Еще два аляскинских мученика были прославлены Архиерейским Собором Православной Церкви в Америке в 1970 г. Это участники миссии иеромонах Ювеналий и алеут Петр. Иеромонах Ювеналий (в миру – Яков Говорухин) отправился на Аляску в составе миссии из Коневецкого монастыря. В 1796 г. Ювеналий был убит по наущению юпикского шамана. Другой мученик – алеут Петр – погиб в 1815 г. в образованном русскими в 1812 г. форте Росс от пыток иезуитов, которые пытались обратить его в католичество.

Большое влияние на развитие Русской Православной Церкви в XIX в. оказали святитель Иннокентий (Вениаминов) и святой праведный Иаков Нецветов. Святителя Иннокентия (в миру – Иван Попов) (1797–1879) также называют апостолом и просветителем Аляски. В 1824 г. отец Иоанн прибыл из Иркутска в Уналашку, где прослужил священником десять лет. В новой церкви, построенной в 1825 г., был сохранен старый иконостас из храма 1808 г. Царские врата отец Иоанн смастерил сам. Этот храм уцелел и сейчас является правым приделом собора, возведенного в 1896 г. и отреставрированного в 1996 г. В настоящее время он объявлен памятником культуры национального значения. В центральной части собора сохранилась часовня прп. Сергия Радонежского 1858 г. Другой, левый придел собора также был построен Иоанном. В нем расположены Царские врата из храма 1808 г. Иконостас также был вырезан отцом Иоанном. Он посвятил этот придел свт. Иннокентию Иркутскому. Из семи бронзовых колоколов собора по-прежнему используются шесть. Они образуют полный комплект колоколов, несомненно, лучший по звучанию на всей Аляске. Собрание икон в соборе – самое ценное на Аляске. Строительство храмов Иоанном Вениаминовым в Уналашке, Кадьяке, Ново-Архангельске и в других местах было оплачено Российско-американской компанией, которая к этому времени уже примирилась с Церковью. Местные жители вносили свои вклады на внутреннее убранство храма, сбывая пушнину компании.

Отец Иоанн был уникальной личностью. Он выучил шесть языков коренного населения, разработал алеутский и тлинкитский алфавиты на основе кириллицы, перевел на эти языки Священную Литургию и часть Священного Писания. Он вел миссионерскую работу и окрестил несколько тысяч человек из коренного населения. Строил церкви и

иконостасы, мастерил мебель и даже сконструировал часы для башни собора Архангела Михаила в Ново-Архангельске (Ситке).

В 1837 г., когда он находился в Санкт-Петербурге по вопросу публикаций книг на языках коренных народов Аляски и сбора средств на церковные нужды, на Аляске умерла его жена. Согласно традиции он принял монашеский постриг с именем Иннокентий. 31 декабря 1840 г. был возведен в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. В 1841 г. Иннокентий возвращается обратно на Аляску и остается там до тех пор, пока в 1850 г. не становится епископом Якутским. В 1868 г. он назначен Митрополитом Московским и Коломенским и возглавляет Русскую Православную Церковь.

Иннокентий всегда пристально следил за ситуацией на Аляске. В 1867 г. после передачи Аляски Соединенным Штатам он организует миссионерскую компанию для заботы о православных на Аляске и в других регионах Дальнего Востока. Архиерейский дом Иннокентия с часовней и семинарией, а также отдельно стоящим помещением школы в Ситке сохранился до наших дней и удивительно напоминает не только очертаниями, но даже своей окраской келейные корпуса Соловецкого монастыря.

Святой праведный Иаков (Яков Нецветов) был креолом, родившимся на Алеутских островах. Он символизирует собой объединение разных народов в лоне Церкви. Этому и посвятил свою жизнь. Символично, что он был похоронен в соборе Ново-Архангельска, стоявшем на границе тлинкитской и русской территорий. Иаков был канонизирован во время освящения собора преподобного Иннокентия в Анкоридже 15 октября 1994 г. Его священническая деятельность началась в 1829 г. К этому времени численность русских в Русской Америке была очень незначительна, но креолов было уже много, несколько тысяч. Они получали русское подданство и были свободными людьми на территории России, где в это время еще существовало крепостное право. Сословие наследовалось по мужской линии. Положение креолов в целом ухудшилось после того, как Аляска отошла американцам в 1867 г. Многие креолы эмигрировали в Россию.

До 1844 г. отец Иаков служил священником на Алеутских островах, после чего переехал на территории юпиков и атапасков, находящихся севернее по побережью и во внутренних частях материка. Позднее Иаков перешел служить в совершенно особый храм в Ново-Архангельске, расположенный в буквальном смысле на границе тлинкитской и русской территорий. В собор вело два входа: соответственно с русской и тлинкитской сторон. Между русской и тлинкитской частями города проходил частокол. Эта стена явилась результатом войн между русскими и тлинкитами в 1802 и 1804 гг.

Тлинкитам было позволено находиться в Ново-Архангельске только в дневное время, и то под наблюдением. Они не имели права селиться в самой Ситке. Только на этих условиях индейцам было разрешено вернуться на свои старые земли в 1826 г. Праведный Иаков был прославлен как просветитель народов Аляски. Сам деревянный храм, где служил прав. Иаков, до наших дней не сохранился, но могила Иакова цела. На этом месте построена миниатюрная часовня-беседка.

Говоря об аляскинских святых, невозможно не сказать и о свт. Тихоне, который с 1898 по 1905 г. был епископом Алеутским и Северо-американским, а с 1905 по 1907 г. – архиепископом Алеутским и Америки со штаб-квартирой в Свято-Николаевском соборе Нью-Йорка. Свт. Тихон (Василий Иванович Белавин) (1865–1925) – первый русский патриарх после восстановления патриаршества в России. Перед Тихоном стояли гигантские задачи по спасению Церкви в послереволюционной России. Как-то Тихон отметил, что годы, проведенные в Америке, научили его уважать культурное разнообразие и видеть в бесцензурной демократии политическую альтернативу. Он много путешествовал по Аляске. В 1907 г. созвал первый Всеамериканский Собор. При Тихоне количество приходов на Аляске и в США увеличилось с 15 до 70, а число исповедующих православную веру на Аляске удвоилось и достигло 90 000 верующих. При нем были открыты три духовных семинарии, одна из них – на Аляске. В 1981 г. Патриарх Тихон прославлен, а в 1989 г. канонизирован в лике новомучеников и исповедников российских.

Положение Русской Православной Церкви после передачи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г.

После передачи Аляски Соединенным Штатам туда устремились различного рода протестантские конфессии из США. Фундаменталисты поделили территорию Аляски между собой: пресвитериане обосновались в Ситке (на территории индейцев-тлинкитов), баптисты – на острове Кадьяк, методисты – на Алеутских островах, а моравские братья – в Кусковиме (у юпиков). Римско-католическая миссия не осталась в стороне и обосновалась на Юконе. Из них только моравские братья допускали использование родного языка. Так что юпики пострадали в этом отношении меньше всех. Для других же коренных народов Аляски настали тяжелые времена. Новые религиозные течения не допускали использование ни церковно-славянского, ни русского, ни родного языка – только английский. Бытует мнение, что американские христианские миссии затратили больше средств на борьбу с православием, чем на обращение в христиан атапасков и эскимосов-инупи (на севере), где по-прежнему оставалось много язычников. Это

вызвало ответную реакцию у местного населения. Народ встал на защиту своих родных языков и письменности с русским алфавитом. До введения в 1912 г. обязательного обучения на английском языке русскому языку обучали в русских православных школах. Обучение коренного населения церковно-славянскому языку и родным языкам ушло в «подполье». Таким образом, к 1960-м гг., когда началось движение за возрождение культуры коренных народов, православное наследие не было полностью утрачено. Местное население встало за защиту Русской Православной Церкви как своей народной культуры. Это в большей степени относится к алеутам, которые до сих пор предпочитают называть себя именно так (слово «алеут» русского происхождения), а не унанан (самоназвание). Для них понятие «алеут» подчеркивает культурную общность на основе православных ценностей.

В настоящее время в южной части Аляски распространено много русских фамилий. И это до сих пор дает их носителям определенное чувство принадлежности к России. Кроме того, православная вера хорошо вписывалась в языческие представления коренного народа. Например, алеуты тоже использовали воду во время своего языческого крещения, а использование икон было сопоставимо с использованием алеутами масок. Христианское Рождество совпадало по времени с древним алеутским праздником, отмечавшимся в масках. К шаманизму в православии относились с терпением. А некоторые православные священники знали шаманов лично и даже были с некоторыми из них в родстве, например, зырянские священники на Аляске. Таким образом, отношения были основаны на взаимоуважении и терпимости.

Индейцы-глинкиты, с которыми у русских было много конфликтов, после 1867 г. в массовом порядке вступили в Русскую Православную Церковь, приняв ее как свою собственную христианскую веру. В течение XIX в. православие становится их основной верой: в противовес всем новым миссионерам из США! На рубеже веков на Аляске было построено много православных храмов, издано много русских учебников. В школах при поддержке из России велось преподавание на четырех языках: родном, церковно-славянском, русском и английском.

Октябрьская революция и борьба с религией в стране Советов пришлось на руку американским миссионерам. Испортились отношения между государствами. Поддержка со стороны Русской Православной Церкви из России прекратилась. Под руководством пресвитерианца Шелдона Джексона были открыты крупные школы-интернаты для детей коренного населения, в которых шло систематическое отучение от русского православия, родного языка и этнической идентичности.

Школа-интернат Шелдона Джексона в Ситке обанкротилась всего несколько лет назад, в 2007 г. Здание в настоящее время является музеем. Интересно отметить, что миссионеры собрали много этнических «раритетов», теперь образующих музейные коллекции. Директор государственного музея на Аляске Боб Бангхарт отметил, что музей разрешает использовать коренному населению предметы из музейных коллекций как свои собственные. Действительно, на фестивале в Джуно в этом году тлинкиты выступали в традиционных нарядах из музея. Это очень важно для возрождения их культуры.

Во второй половине XIX в. Соединенные Штаты находились в состоянии постоянной войны с индейцами на Диком Западе. Многие американцы боялись, что и на Аляске вспыхнет война. Но на Аляске все было по-другому. Сейчас мы понимаем почему. Это должны были бы понять и американские миссионеры, однако они этого не сделали. Особенно терпимы и миролюбивы были жители юго-западной части Аляски. Ранее алеуты и тлинкиты находились в состоянии постоянных конфликтов друг с другом и брали друг у друга в рабство пленных. Русские воспользовались этими противоречиями, чтобы установить свой контроль над территорией. Со временем усилились интеграционные процессы. Конфликты и войны между русскими и коренным населением стали историей в конце XVIII в. Однако с тлинкитами конфликты продолжались до 1830-х гг. Даже в 1850-е гг. наблюдались некоторые волнения. Постепенно у тлинкитов появилась письменность, и они начали занимать высокие посты в администрации Ново-Архангельска. Это в какой-то степени умерило их пыл. Во время эпидемии ветрянки, унесшей с собой жизни многих людей, Православная Церковь помогала программе вакцинации населения, чем продемонстрировала свое превосходство над шаманами, оказавшимися бессильными против эпидемии. Так миссия постепенно обратила в свою веру все население Русской Аляски.

Современная Православная Церковь

В Джуно стоит очень красивая деревянная восьмигранная церковь (по одной грани на каждый день недели и одна дополнительная – для Господа Бога, как там говорят). В иконостас включены иконы св. Кирилла и Мефодия, основоположников церковно-славянского языка и создателей кириллицы. Таким образом тлинкиты, чья письменность была создана на основе кириллицы, хотели подчеркнуть, что к Богу можно обращаться на родном языке (а не только на английском). По утверждениям сотрудников духовной семинарии в Кадьяке, уровень грамотности среди коренного населения Русской Аляски в XIX в. был выше, чем в среднем среди крестьян в Сибири!

Постепенно количество русских православных храмов росло. Сейчас на Аляске около 100 православных церквей и часовен. Все они построены из дерева. Из-за влажного умеренного климата на юге Аляски и сурового арктического климата на Алеутских островах деревянные постройки недолговечны и должны регулярно подновляться. В настоящее время наблюдается нехватка священников. Духовная семинария, ныне расположенная в Кадьяке, занимается подготовкой священников с 1973 г. Новые храмы строятся и сейчас. В 1994 г. был открыт новый собор в Анкоридже. 29 июля 2012 г. Преосвященный Вениамин, епископ Сан-Францисский и Запада, освятил строительную площадку нового храма православной миссии в Василле на Аляске.

Новая православная миссия и ее организация «Outreach Alaska» проводят активную работу по возрождению Православной Церкви. В Нидерландах из бронзы старых колоколов были отлиты новые. В Ситке сохранились два старых упавших во время пожара и расколовшихся колокола. Было установлено, что эти колокола отлиты в Ново-Архангельске. История с колоколами стала символичной. Ситкинский собор был отстроен заново как точная копия старого собора. Только теперь огнеупорные стены собора скрывают стальные конструкции, и вновь звучат его колокола!

Собор в Уналашке и архиерейский дом в Ситке являются одними из уникальнейших построек на Аляске. В последний раз собор реконструировался в 1896 г. Особого внимания заслуживает его собрание иконописи. Икона на холсте над иконостасом была подарена царем Николаем II в период между 1910 и 1914 гг. Еще одна большая икона привезена в дар с Афона. В соборе имеется полный набор из 12 икон всех святых конца XVI – начала XVII в. Архиерейский дом 1882 г., расположенный рядом с собором, сам по себе является архитектурно-культурным памятником. Каждое воскресенье в Уналашкинском соборе отцом Андреем Кашеваровым ведутся богослужения на церковно-славянском, алеутском и английском языках.

Старообрядцы на Аляске

Санкт-Петербургское правление Российско-американской компании не разрешало старообрядцам из России селиться на Аляске. Но археологические раскопки на месте крепости в Ситке свидетельствовали об их присутствии. Возможно, многие промышленники были старообрядцами.

В конце 1960-х гг. на Аляску эмигрировали несколько старообрядческих групп. Они как бы вернулись «домой», в места, столь похожие на Сибирь, где ранее проживали их предки. Их села

расположены, главным образом, на полуострове Кенай на берегу пролива Принца Уильяма между Кадьяком и Анкориджем. Одна группа приехала сюда при поддержке Толстовского фонда в Нью-Йорке в 1967 г. и приобрела здесь землю.

Многие старообрядцы после революции бежали из России через Китай и другие страны и, наконец, осели в США или в Австралии. Это сделали и предки основателей старообрядческого села Николаевск на полуострове Кенай. Сельский батюшка Кондратий Фефелов, чьи родители вместе с другими прихожанами бежали в свое время из Восточной Сибири, родился в 1936 г. во Внутренней Монголии (Китай). Там его семья проживала до 1957 г. С приходом к власти Мао Цзэдуна им пришлось бежать и из Китая. С 1957 по 1963 г. эта община нашла убежище в Бразилии, а с 1963 по 1969 г. – в штате Орегон в США и, наконец, в 1969 г. они переехали на Аляску, где основали село Николаевск. Их первый язык по-прежнему русский.

Прихожане придерживаются строгих правил во всем, также и в стиле одежды. На богослужениях используется только церковно-славянский. Молодое поколение сегодня предпочитает разговаривать на английском языке, и это беспокоит стариков. Несколько компенсируют такое положение контакты с российским Дальним Востоком. Так, в николаевской школе работает русская учительница из Хабаровска Нина Фефелова. Она замужем за членом семьи о. Кондратия Фефелова. В настоящее время в Николаевске проживает около 500 человек. В селе около 50 домов и два магазина. В семьях, как правило, по 10–12 детей. Магазин, принадлежащий семье священника, торгует одеждой, и в нем устроено почтовое отделение. Во втором магазине находится кафе «Самовар» и простая гостиница с лавкой, где можно приобрести изделия русского прикладного искусства и сувениры. Все доходы от торговли в этом магазине идут на нужды старообрядческого прихода и воскресной школы в Хабаровске. Там на средства из Николаевска построен старообрядческий храм, освященный николаевским батюшкой Кондратием Фефеловым в 1996 г. Содержит магазин Нина Фефелова. Кроме сувениров там продаются печатные издания и компакт-диски из России, а также чай и различные травы.

Сельская церковь святителя Николая в Николаевске открыта в 1985 г. Кондратий Фефелов умер в 2008 г. и был похоронен возле церкви. Плачущие прихожане приходят к его могиле, целуют землю, три раза касаются двуперстием земли, обнимают и целуют крест. Николаевск производит очень сильное впечатление. Попав туда, окунаешься в мир, о котором ранее можно было прочесть только в книгах. Местные жители держатся сплоченно. Говорят друг с другом на русском и на английском языках. Многие ходят в традиционных

крестьянских одеждах. Мужчины носят длинные бороды. Особых контактов с руководством епархии в Ситке, архиепископом в Сан-Франциско и в целом с Православной Церковью Америки у них нет. Их приходы абсолютно самостоятельны. Местная церковь Николая Чудотворца оказалась слишком маленькой, и сейчас там строится большая по размеру церковь. Жители села посильно помогают строительству нового храма из средств, выручаемых ими от ведения сельского и лесного хозяйства, а также ловли тихоокеанского лосося.

Вместо послесловия

Тесные дружеские отношения православных на Аляске и в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и Русском Севере традиционны. Еще в конце XVIII в. промышленники собирали средства в дар северорусским монастырям и церквям. Есть упоминания, что в Соловецкий монастырь поступали пожертвования с Аляски. Епархия свт. Иннокентия (Вениаминова) охватывала территории по обе стороны Берингова пролива. Эти контакты не утрачены.

Говорят, что история не повторяется. На самом деле она повторяется в «новой редакции». Коренное население Русской Аляски сохранило добрую память о прежних временах. Люди гордятся связями с Россией, своими фамилиями, культурным наследием и религией. Среди коренных народов Аляски до сих пор сильны устные традиции, и они являются важной защитой коренного населения от воздействия глобальной письменной культуры. Недавно была издана книга воспоминаний тлинкитов о русском периоде. Несмотря на многочисленные конфликты между русскими и тлинкитами в ходе истории, все русское стало частью культурного наследия тлинкитов. Они обрели письменность и были поддержаны Русской Православной Церковью, оказались лучше подготовлены к защите своего языка и культуры от американизации. Русская Православная Церковь выжила по той же причине. Несмотря на то что Русская Православная Церковь на Аляске была отлучена от России на 70 лет, она поддерживалась силами мирян. Плохие отношения между СССР и США (особенно после 1950-х гг.) осложнили положение. Только начиная с 1971 г., после того как в Америке заговорили о защите прав коренных народов и представители коренных народов получили полные гражданские права, стало возможно широкомасштабное культурное и языковое возрождение. Этот процесс поддержали Служба национальных парков США и Министерство внутренних дел. Тлинкитский и хайдский фестиваль, проводящийся раз в два года в Джуно, является хорошим тому примером. Приятно заметить, что этот фестиваль имеет открытый характер, и в нем могут участвовать представители других

национальностей. Все могут облачиться в индейские одежды, изучать индейскую культуру, танцы и язык. Благодаря этому Аляска представляется, возможно, наиболее многообразным и богатым в культурном плане штатом США.

История, как известно, бросает тень на настоящее, в котором мы живем. Это перекресток прошлого и будущего. До сих пор в Кадьяке родители пугают непослушных детей Кусковым: «Вот заберет тебя Кусков!» Кусков был приверженцем жесткой трудовой дисциплины. Это мне напомнило то, как в поморском селе Койда заигравшихся на льду детей до сих пор пугают Варгаевым: «Вот унесет тебя на Варгаев!» Варгаевым поморы называли Варде, поморскую «столицу» Норвегии!

Литература

1. См. полный вариант статьи : Гортер Валинг Тееувис. До Бога высоко, до царя далеко! (заметки по итогам путешествия на Аляску) // Соловецкое море : истор.-лит. альм. 2013. № 12.

2. Минаева Т. С., Готер В. Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX века // Вестн. Север. (Аркт.) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 5–12.

УДК 215: 304.4-5

*А. К. Черкашин**

НАУЧНАЯ И МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ МЕТАКУЛЬТУРЫ ЖИЗНИ

Исследуются практические и теоретические проблемы, следующие из опыта миссионерской деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) и анализа современной политической ситуации в стране и мире. Рассматривается концепция становления многополярной

** Черкашин Александр Константинович, д-р геогр. наук, профессор, заведующий лабораторией теоретической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.*

Cherkashin Alexander K., doctor of geographical sciences, professor, head of the Laboratory of Theoretical Geography V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk.

E-mail: cherk@mail.icc.ru. <http://irigs.irk.ru/>

культуры в аспекте единства многообразия культурных миров на основе системы метакультурных законов общечеловеческой морали, позволяющих создавать новый миропорядок культурного диалога. Особое внимание уделяется миссии примирения как мирному способу борьбы против проявлений насилия через спокойное разрешение вечных противоречий.

Ключевые слова: научные и религиозные основы миссионерской деятельности, многополярная культура, метакультурные законы, миссия примирения.

Alexander K. Cherkashin

SCIENTIFIC AND MISSIONARY ACTIVITIES IN FORMATION AND DEVELOPMENT OF LIFE CULTURE

Practical and theoretical issues following from the experience of the missionary work of St. Innocent and analysis of the current political situation in the country and the world are studied. The concept of establishing a multipolar culture in the aspect of the unity of the diversity of cultural worlds based on system of metaculture laws of universal morality is developed to create a new world order of cultural dialogue. Special attention is given to the mission of reconciliation as a peaceful method of struggle against violence through calm resolution of perpetual contradictions.

Keywords: scientific and religious basis of missionary activity, multipolar culture, metaculture laws, the mission of reconciliation.

Направление данного исследования имеет как личностный, так и научный контекст, и определено прежними геоисторическими и теоретическими изысканиями с отражением связей местного и глобального, познавательного и просветительского, соотношением задач паломничества и миссионерства.

В 1990-х гг. я занимался проблемами хозяйственного освоения Восточной Сибири, в том числе в аспекте участия в этом процессе моих предков – первых илимских пашенных крестьян и верхоленских сосланных на поселение черкашенинов XVII в. Оказалось, что из верхоленского населения вышло много представителей русской культурной элиты, повлиявших на развитие географической и исторической науки и Русского географического общества. К их числу относят историка и публициста А. П. Щапова (родился в с. Анга, 1831 г.), академиков А. П. Окладникова (с. Константиновка, 1908 г.)

и В. Е. Зуева (д. Малые Голы, 1923 г.). Многие известные люди побывали здесь в политической ссылке (полководец М. В. Фрунзе, министр В. М. Молотов, писатель Ф. В. Гладков).

Среди уроженцев верхоленского края – и святитель Иннокентий (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов, с. Анга, 1797 г.). Он интересен как всесторонняя личность – священник-миссионер, ученый-географ, организатор и управитель церковной жизни. В одной из своих статей в Известиях СОРГО, написанной по итогам этнографической экспедиции в Верхоленский край в конце 60-х гг. XIX столетия, А. П. Шапов писал, что жители Подпругинского села, что находилось недалеко от села Манзурка, вспоминали: мать нынешнего митрополита Московского и Коломенского родом из их деревни. Получалось, что у нас с ним общие сибирские корни, поскольку моя бабушка, урожденная Е. П. Подпругина, также родилась в этой деревне, что влилась в село Седово, сейчас исчезнувшее с карты Иркутской области.

В дальнейшем я много читал про жизнь и деятельность святителя Иннокентия, приходя через это к пониманию смысла истории Сибири и Русской Америки XIX в. Сейчас с печалью думаю о том, сколько раз у меня была возможность осознанно пройти по пути святителя Иннокентия, соприкоснуться с местами его жизни и местом смерти, а пришлось пройти мимо, только по касательной к ним. После окончания Иркутского государственного университета в 1974 г. я распределился в Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, и в августе вместе с группой молодых ученых был отправлен на сельскохозяйственные работы в Качугский район строить загоны для телят в селе Анга на реке с подобным же названием. Затем несколько лет жил с семьей в Иркутске рядом с улицей Володарского, на перекрестке которой с ул. Большой до 1931 г. находилась Благовещенская Иркутская церковь, где в 1821–1823 гг. служил священником будущий митрополит. В 1980 гг. через г. Загорск проезжал несколько раз в г. Переславль-Залесский в Институт программных систем РАН. Долго стоял на автобусной остановке рядом с воротами Троице-Сергиевой лавры, где похоронен (1879 г.) Иннокентий – святой равноапостольный митрополит Московский и Коломенский, Апостол Сибири и Америки. Конечно, если предварительно знать, то по-иному использовал бы нечаянные поездки по святым местам страны так, как это осознанно могут делать и делают паломники нашего времени. Для этого не надо далеко ехать – достаточно посетить в переломные моменты жизни верхоленскую землю и получить здесь благословение на будущие дела.

Сама жизнь (1797–1879) Ивана Попова (Иоанна Вениаминова, епископа Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского) вызывает удивление и уважительное отношение. Думается, что если бы Иннокентий не был священником, он стал бы хорошим учителем, ученым, художником, политиком или государственным деятелем. Его, как и его земляка А. П. Шапова, жизнь подняла из глубинных мест Российской Сибири в те времена, когда это было практически невозможно, исходя из объективных исторических условий, и в этом, прежде всего, их собственная заслуга. Умение самостоятельно обустроить свой быт, быт семьи и забота об окружающих людях делали Иннокентия свободным от жизненных обстоятельств на всех этапах его служения и позволили многого добиться в своем деле.

Святитель Иннокентий сегодня для нас важен как сибиряк, многогранная личность, человек, внесший вклад в формирование разных типов культуры, связанных с формами общественного сознания и направлениями самостоятельной деятельности – религиозной, научной, художественной, политической и организационной.

Каждая из них соотносится с определенными правилами мышления и жизнедеятельности, исключая бытие других форм. В том случае, если эти противоречия приобретают антагонистическое содержание, одни типы культурной деятельности вытесняют или контролируют другие, чему есть многие свидетельства в истории России и мира: борьба политической власти с религией, ликвидация частного предпринимательства, партийное руководство искусством, наступление писателей и карикатуристов на позиции веры и т. д. Тяжким примером нашего времени является уничтожение террористической организацией исламского государства (ИГИЛ) иноверцев и их культурного наследия – позитивных достижений современной жизни, установившегося порядка и артефактов прошлых эпох. Ее деятельность оценивается как военные преступления и преступления против человечества. ИГ с начала своего существования проводит активную пропаганду своих антигуманистических идей, пользуясь современными средствами информации и ссылаясь на свою особую историческую миссию. Миссионерскую позицию утверждают разные государства, общественные движения и партии, стремящиеся к власти для влияния на умы людей и их повседневную жизнь и в местном, и в глобальном масштабе. Привлекательная идея о мировой социалистической революции также была опасна, как сегодня высказываемая мысль о глобальном лидерстве США или повсеместном распространении исламского государства. Ошибочные суждения, не принимающие альтернативных высказываний, вредны и безжизненны, и только единство многообразия культур и культурного

самовыражения способно поддержать необходимый для устойчивого развития баланс творческих сил.

В этом отношении продуктивна модель многополярного мира как системы независимых координат жизнедеятельности, представленных различными цивилизациями, государствами, культурами, идеями и др. Их существование основывается на многомерных сквозных общечеловеческих ценностях, на основе которых выделяются истинные мысли и действия, способные к инвариантному, вечному существованию как эталоны красоты жизни. В этой аксиологической среде формируется мир вечных проблем, постоянное решение которых обеспечивает саморазвитие культур и общества в целом. Все понятия приобретают новый диалектический смысл, противостоящий формальному, антагонистическому и в определенном смысле демоническому пониманию проблем. Например, западная толерантность вытесняет и убивает одну из сторон противоречия, когда восточные обычаи приходят на смену европейским или новые сексуальные отношения вытесняют традиционную семью как естественный институт самовоспроизводящегося общества. Истинная толерантность подразумевает мирную борьбу с инакомыслием, отстаиванием собственных позиций и прав, и эта благородная деятельность не может быть осуждена государством и обществом. На основе диалектического мышления формируются диалогические отношения, когда непримиримая борьба культурных миров переводится в форму культурного диалога.

Всеобщим достоянием формируемой таким образом метакультуры являются принципы мирного сосуществования, свободы, независимости, равенства, невмешательства, защиты слабых, зафиксированных в религиозных канонах, этических законах философского знания, в нормах международного права. Базируясь на этих принципах, всякая самостоятельная часть (координата) культурной жизни привлекает и словом, и делом на свою сторону людей и сообщества без насилия, тихо выполняя свою мессианскую функцию. Наука в этом процессе предоставляет достоверные данные и знания, описывая реальность, как она есть, без фальсификаций в пользу одной стороны, одной правды. Религия духовностью закрепляет в жизни основополагающие этические постулаты и дает возможность чувствовать и осознавать степень греха – отклонения от общечеловеческих правил нравственности, что позволяет избавиться от двойной морали в интерпретации событий жизни. Политика регламентирует появление этих законов и соответствующих прав, настраивает людей на правильный (праведный) путь развития. Художественное творчество расцветивает жизнь разнообразными

красками, определяя ее красоту как выражение прекрасного. Организационная работа от простого физического труда до управления производством и государствами создает новый мир, удобный для жизни. Все эти процессы протекают в единстве, порождая в качестве примеров своих гениев, творцов, мудрецов, героев и святых. Речь идет об единстве как всеобщего культурного пространства, так и различных возможностей и способностей в каждом человеке. Прекрасным примером соединения многих способностей в одном человеке служит для нас святитель Иннокентий.

Миссионерский опыт Иннокентия (Вениаминова) учитывался при формировании Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви, положения которой творчески развиваются в ее епархиях, исходя из местных условий и конкретных возможностей [1].

Миссия (свидетельство) – проповедь для пробуждения веры людей на территории пастырской ответственности, миссионерском поле, где борются свет и тьма. В 1990-е гг. возникла необходимость «второй христианизации» народов России, и 1990 г. стал переломным, годом второго крещения Руси, периодом подготовки к коренным социально-экономическим реформам в СССР. Только духовно готовые к изменениям люди жили и выжили в тех условиях психосоциального стресса. Современная миссионерская деятельность требует нового глубокого богословского осмысления различных традиций и способов пастырского попечения и руководства.

Многие традиции христианской церкви не до конца осознаны и оценены наукой. Религиозный опыт требует теоретического анализа и включения в сферу метакультурного знания, но не как основы некоторой единой и универсальной религии, а как система общечеловеческих постулатов жизни на Земле и следствий из них, общих для всех проявлений культурной жизни. Это своеобразное надрелигиозное, наднаучное и в целом надкультурное метазнание о нормах деятельности.

Далее приводится список вариантов метакультурных законов, построенный в порядке убывания их общественной значимости методом интерпретации общесистемных законов в терминах гуманитарного знания [2; 3].

1. *Закон о всеобщем благе.* О разнообразии жизни. Благо есть идеал и инвариант человеческого существования. Разнообразие жизни есть благо. Все допускается, если это идет во благо, на пользу разных форм жизни.

2. *Закон о ценности жизни.* Жизнь есть благо, и жизнь человека и общества неприкосновенна.

3. *Закон о свободе жизни.* Общественное развитие есть благо, и каждый человек (общество) имеет право на творческое развитие личности, индивидуальности.

4. *Закон о свободе деятельности.* Деятельность есть благо, и каждый человек может выбирать себе деятельность по призванию и реализоваться в своем деле.

5. *Закон о защите собственного достоинства.* Каждый человек (общество) может свободно развиваться на своей собственной основе.

6. *Закон о равноправии.* Все люди разные, но равны и равноправны.

7. *Закон о мире.* Мир есть благо, и все конфликты должны разрешаться мирным путем.

8. *Закон о равенстве возможностей.* Деятельность людей различна и равнозначима.

9. *Закон о ценности результатов.* Результаты деятельности людей одинаково ценны для всех.

10. *Закон о защите детства.* Всякая рожденная жизнь имеет право на развитие и самовыражение (через деятельность и ее результаты).

Эти формулировки пересекаются с основными богословскими положениями, содержанием миссионерских задач и задач развития по направлениям культуры. Основной вопрос религиозного сознания постулируется в первом законе: что есть благо, с чем оно связано, существует ли благо вообще и в каком виде? Последующие законы дают ответы на эти вопросы, определяя критерии выбора правильных решений и действий. В частности, согласно закону 10 воспитание и помощь страждущим есть естественная форма благого поведения. Отсюда вытекает основная задача миссионерской деятельности – просвещение и воспитание тех, сознание которых в правовом и историческом плане не подчиняется метакультурным ценностям.

Особо важной в современном мире является миссия примирения как способ борьбы против насилия, экстремизма и напряженности отношений. Это седьмой закон – закон о мире, мирном сосуществовании. Миссия примирения, реализуя этот закон, должна помогать людям осознать возможность и необходимость созидания мира на различных уровнях общественной организации. Православные христиане по своей вере, обычаям и традиции терпимы к проявлениям других культур и религиозных убеждений. Предпосылкой действия закона о мире является закон о равноправии, несущий смысл тождества противоположностей, равенства различного, единства многообразного, выраженный в заповеди любви к ближнему и дальнему, внутреннему и внешнему, отличному по сути, по вере, национальности, полу, происхождению и социальному статусу. В основе таких отношений к

людям, обществу и ко всему миру лежит истинное благо для всех, везде и всегда. Одним из важных аспектов миссии примирения является «примирение в памяти», когда согласно закону 10 снимаются прежние конфликты с теми, кто «не ведает, что творит», но желает знать и понять. Тогда примирение превращается в форму прощения – высшей меры наказания для нераскаявшихся в своих преступлениях.

Таким образом, разнообразные виды деятельности и сформированные ими культурные миры создают защитную среду жизни человека и общества. Культура существует как саморазвивающееся единство многообразия отдельных культур – взаимоисключающих и дополняющих векторов многомерного, многополярного координатного пространства жизни. Объединяющим началом разного рода культурной деятельности являются метакультурные законы, отражающие правила общечеловеческой морали, позволяющей выжить человечеству, создать новый миропорядок культурного диалога на единой основе. Современная миссионерская деятельность призвана учить метакультурному знанию, мышлению и общению независимо от того, как оно трактуется – как следствие научного поиска или выражения богоданных нравственных норм. Главное, что она подвигнет нас к миру, согласию и благоденствию – всему тому, что понимается как истинное благо и красота жизни. Религии в этом процессе отводится особое место в связи с возможностью дойти до ума и сердца каждого человека. При этом важно, чтобы каждый человек имел возможность совершить паломничество в центры природной, научной, политической, деловой и религиозной активности, побывать в местах, где родились, трудились и похоронены наши святые, гении и герои.

Литература

1. Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. М. : Рус. Православ. Церковь, 2007. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>.

2. Черкашин А. К. Методология полисистемного анализа и прогнозирования устойчивого социального развития России // Закономерности социального развития – ориентиры и критерии моделей будущего развития. Методологические подходы к анализу и прогнозированию устойчивого развития. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1994. Ч. 2. С. 77–88.

3. Черкашин А. К. Полисистемный анализ и синтез. Новосибирск : Наука, 1997. 499 с.

*С. В. Мельникова**

ОЦЕНКА ИНОРОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПУТЕВЫХ ЖУРНАЛАХ И ДНЕВНИКАХ СИБИРСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ XIX ВЕКА

На материале журналов и путевых дневников сибирских миссионеров XIX в. в статье раскрываются некоторые аспекты проблемы культурного взаимодействия православного духовенства с коренным населением Сибири. Журналы и дневники миссионеров рассматриваются как мемуарные источники, отражающие уникальный индивидуальный опыт общения их авторов с местным населением и рефлексию по этому поводу.

Мемуары духовенства вводятся в литературный контекст, представленный «миссионерским» рассказом Н. С. Лескова «На краю света».

***Ключевые слова:** диалог культур, Сибирь, коренное население, православные миссионеры, путевые журналы, дневники, Лесков.*

Sofia V. Melnikova

THE ASSESSMENT OF DIFFERENT NATION'S (INORODTSIES) CULTURES AND THE PROBLEM OF CULTURAL INTERACTION IN TRAVELLING MAGAZINES AND DIARIES OF THE SIBERIAN ORTHODOX MISSIONARIES OF THE XIX CENTURY

In the article on material of magazines and travel diaries of the Siberian missionaries of the XIX century some aspects of a problem of cultural interaction the orthodox clergy with the aboriginal population of Siberia are

** Мельникова Софья Владимировна, канд. филол. наук, гл. научный сотрудник ГБУК «Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского», г. Иркутск.*

*Melnikova Sofia V., candidate of philological sciences, senior researcher, FBIC Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of I. I. Molchanov-Sibirsky, Irkutsk.
E-mail: memuaristika@yandex.ru*

disclosed. Magazines and diaries of missionaries are considered as the memoirs sources, reflecting unique individual experience of communication of their authors with local population and a reflection about it.

Memoirs of clergy are entered into the literary context presented by the «missionary» story of N. S. Leskov «At The World's End».

Keywords: *dialogue of cultures, Siberia, aboriginal population, orthodox missionaries, traveling magazines, diaries, Leskov.*

Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими с самого начала предполагало не только столкновение с неизвестным до этого географическим пространством и непривычными природными условиями, но и тесный контакт с иными культурами – верованиями, традициями и бытом небольших, но многочисленных местных народов. Для русских жителей Сибири отношения с ее коренным населением выходили далеко за рамки рафинированного этнографического интереса – это был насыщенный и животрепещущий вопрос совместного существования. Вопрос этот стоял не только перед учеными, государственными чиновниками и крестьянами, но и перед местным духовенством, которое по роду и духу своего служения, преимущественно миссионерского, должно было вступать с инородцами в особенно тесный контакт.

Наиболее полное представление об особенностях миссионерского служения в Сибири, о целях и задачах Духовных миссий можно получить из такого исторического источника, как ежегодные Отчеты начальников миссий, предоставляемые в епархиальные управления и Св. Синод. Важной составляющей этих отчетов, в свою очередь, были сведения, почерпнутые из путевых журналов и дневников миссионеров, вести которые вменялось им в служебную обязанность¹.

¹ Обязательность этих отчетов подтверждают архивные документы. Так, в выписке из журнала Святейшего Правительствующего Синода августа 28 1859 г. под № 54 «О слушании рапорта преосв. Парфения, еп. Томского о предоставлении отчетов миссионеров» указывалось, что Св. Синод предписывал миссионерам «по окончании обозрения каждого прихода обязать составить журнал с обстоятельным описанием всего ими замеченного и за подписанием своим предоставить епархиальному архиерею, а сей последний доносить святейшему синоду по прошествии каждого года» [21]. Четкие требования к ведению таких отчетов были сформулированы преосв. Иннокентием (Вениаминовым): «Для того, дабы начальство могло видеть успехи и труды каждого из священников и миссионеров и потому ценить их, каждому из них поставляется в обязанность вести журнал, в который записывать все действия, касающиеся обязанностей их, а также и то, что стоит внимания.

Содержание миссионерских журналов, как можно судить исходя из анализа многочисленных источников, включало несколько обязательных моментов: точное описание маршрута поездки, с указанием всех мест, в которых миссионер останавливался для проповеди, службы или исполнения треб среди крещеного населения; подробное изложение проповедей и бесед с инородцами; статистические сведения о крещеных инородцах и т. п. На страницах журналов активно обсуждались проблемы православных миссий, и ключевой среди них была проблема взаимоотношений с местным коренным населением.

Таким образом, именно путевые журналы и дневники миссионеров, на наш взгляд, являются одним из самых информативных источников по вопросу о взаимодействии сибирского духовенства с инородческими культурами. С одной стороны, они содержат официальные сведения, в том числе статистические, с другой, будучи источниками личного происхождения, во многом близкими мемуарной литературе, отражают реальный и, что особенно важно, индивидуальный опыт общения с представителями иных культур и авторскую рефлексию по этому поводу.

Духовное миссионерское служение в Сибири всегда воспринималось как апостольское. «Если сколько-либо продолжительное время читать их [алтайских миссионеров – С. М.] творения (особенно своеручные путевые дневники и переводы) или тщательно читать труды их деесписателей, то вдруг совершенно по-иному начинает восприниматься, можно сказать, просто оживает для читающего и сама книга Деяний Святых Апостолов, в которой алтайские миссионеры вслед за первоапостолом Алтая – отцом Макарием Глухаревым – всегда созерцали «подобный небесам образ Церкви Христовой» [22]. И это можно сказать не только об алтайцах. Яркое подтверждение тому – фигура святителя Иннокентия (Вениаминова), великого миссионера XIX столетия, прославленного как апостол Сибири и Америки.

Однако отношение к миссионерскому служению как к апостольскому зачастую было неотделимо от отношения к самим инородцам как к «жалким» народам, «блуждающим во тьме и сени смертной», о чем, например, прямо говорилось в обращении высокопреосв. Парфения, архиепископа Иркутского и Нерчинского к Вениамину (Благонаравову), новопоставленному епископу Селенгинскому, первому начальнику Забайкальской духовной миссии:

И таковой журнал каждогодно предоставлять благочинному, который со своими отметками препроводит его к епархиальному начальству» [15].

«Преосвященнейший Владыко!

Приводилось ли вам совершать свое путешествие среди мрака темной ночи, сбившись с дороги, без путеводителя? Вы идете и сами не знаете, куда; вы напрягаете взоры, чтобы разглядеть, что впереди вас, и ничего не видите, кроме тьмы: между тем в этой тьме, в нескольких шагах от вас – страшная стремнина и пропасть!

Посреди мрака подобной ночи, только не физической, а что страшнее, – духовной, среди подобных опасностей сени смертной ходят те люди, к которым отселе посылает Вас Господь, воззавший вас на высокую степень апостольского святительства; ибо все эти буряты <...> как блуждающие вдали от единого истинного пути – Христа Спасителя <...> суть воистину люди, сидящие во тьме, народ, ходящий в стране и сени смертной<...> Сердце содрогается, преосвященнейший, когда воображаешь всю безотрадность положения этого жалкого народа <...> Вас первого посылает Господь, в высоком сане святительства, с дарами апостольского служения, в эту безотрадную страну тьмы и сени смертной; примите в свою отеческую любовь этот жалкий, но добрый народ, приложите с апостольскую ревностью попечение о их просвещении светом Христова евангелия» [26].

В представлении православного духовенства местные народы находились не только на уровне духовно-нравственного, но и физического вымирания. Так, по мнению арх. Нила (Исаковича), высказанного им на страницах «Путевых записок» (Ярославль, 1874), содержащих описание миссионерской поездки по Лене от Качуга до Якутска и обратно, сибирская природа – «великан», но «сам человек, витающий здесь среди терния и волчцев, носит образ тени, готовой явиться к Харону не сегодня, так завтра» [20].

В русской классической литературе есть уникальное в своем роде произведение, которое в художественной форме обобщает многочисленные проблемы русского миссионерства того времени. Это рассказ Н. С. Лескова «На краю света». В рассказе говорится о том, как молодой и горячий епископ (прототипом его, как указывал сам Лесков, и был иркутский архиепископ Нил (Исакович)) [19], приезжает в далекую сибирскую епархию и рьяно принимается за дело крещения. Представителей коренного населения он воспринимает как дикарей и испытывает к ним неприкрытое презрение, а когда дело доходит до близкого контакта, и физическое отвращение. «Чем этот мой молодец станет раздумывать, когда у него вся думалка комом смерзлась и ему ее оттаять негде <...> Где ему с этими средствами искать отвлеченных истин, и что ему в них? Они ему бремя: ему надо вымирать со всем родом своим, как вымерли ацтеки, вымирают индейцы <...> Ужасный

закон!» [19, с. 489] – таково первое впечатление архиерея о своем проводнике.

Одну из основных проблем рассказа Лескова, пользуясь словами И. В. Столяровой, можно определить как «отношение к «чужому», к человеку другой национальной культуры, другой веры, к другому народу, не вышедшему еще из состояния полудикости» [25]. Аналогичная проблема остро стояла и для реальных православных миссионеров, решаясь ими на разных уровнях – от бытового до философского.

Подобно лесковскому герою, сибирские миссионеры могли испытывать чуждость инородцам, вплоть до физического отвращения к ним, о чем открыто писали в своих путевых журналах и дневниках: «Наутро 8 августа мы уже безостановочно доехали до Чемала. Как приятен был чай, приготовленный в русском доме, как вкусен мягкий хлеб и как удобен показался ночлег на постели с чистым бельем – это знает всякий миссионер, бродивший по дебрям Алтая, где пищей бывают одни сухари, а ночлегом – грязный войлок на грязной земле дымной и полной всякими насекомыми юрты» [14, с. 18].

Большое место в записках миссионеров занимает описание местных обычаев, а также религиозных обрядов и верований, к которым они испытывали неподдельный, прежде всего, научный интерес. Например, в записках алтайского миссионера священника Василия Вербицкого за 1861 г. мы находим подробный рассказ обо всем местном языческом пантеоне богов, с верховным богом Эрликом во главе². Однако многие из этих обычаев кажутся христианским проповедникам дикими, а иногда и просто отвратительными. Так, в записках алтайцев неоднократно встречается описание жестокого обряда жертвоприношения: живого коня удушают или разрывают на части арканами, привязанными к его конечностям. Это жертвоприношение, как кульминация богослужения Эрлику, описана и у Вербицкого. Его же, на фоне сцены великого камлания и разнузданной калмыцкой пьянки, изображает священник Петр Бенедиктов [14, с.12].

Возмущение диким обрядом высказывает и Михаил Чевалков, сам, что немаловажно, алтаец по происхождению. Будучи выходцем из местного населения, Чевалков крестился, служил переводчиком при

² Дается описание полного богослужения Эрлику с жертвоприношением и обрядом призвания стихий. Приводится рассказ о путешествии кама на 9 небес и сведения о том, что шаманы избираются самим Эрликом еще в детстве, а также алтайское сказание о том, что до потопа горы были богатями, но после, когда земля лишилась первоначальной твердости и не смогла держать их, остались лишь имена [11].

миссии, основанной архим. Макарием (Глухаревым), который был его первым учителем, а затем принял священство. Чевалков – человек, совмещающий в себе две культуры. Постепенный переход от языческой культурной парадигмы к христианской показан в его автобиографии, озаглавленной «Памятное завещание» [28]. Любопытно, что при описании быта и традиций алтайцев Чевалков занимает уже внешнюю по отношению к ним позицию – этнографа и собирателя. Автор сильно обрусел, ему, как и многим русским по происхождению сослуживцам, неприятны не только жестокие обычаи, но и нечистоплотность местных жителей: «В это время вынули мясо в большие деревянные блюда и начали есть. Я посмотрел и увидел, что никто из них не мыл рук и начали глотать кости, держа их грязными руками. Когда сало с мяса, смешавшееся с грязью рук текло по рукам, они ладони облизывали языком, а пальцы клали в рот и обсасывали» [28, 1896, № 4. С. 11]. На многое Чевалков смотрит как на элементарное суеверие: «На ущербе месяца чужим людям молока не дают <...> Но кто хочет пить у них в юрте, тому дают. «Так не уйдет из юрты чистота», – говорят они. Некоторые не дают огня в чужие юрты» и т. п. [28, 1896, № 4. С. 8]. Возмущает автора и дикость бытовой жизни алтайцев: «большую часть домашних работ у них исполняют женщины. Даже когда женщины бывают и беременны, и тогда они носят дрова на себе» [28, 1896, № 4. С. 7]. Огорчает не только быт «тубинцев», но и их темнота, незнание законов: «Тубинцы подобно стаду без пастуха: кто у них богат, того они и почитают как начальника; а кто беден, те, как запуганные рыбы, боятся суда... Когда я спросил: почему вы не объявляете суду о ваших обидах, они отвечали: как просить суда тому, у кого нет больших табунов скота и денег в сумах! Они боязливы, как зайцы и молчаливы, как рыба» [28, 1896, № 4. С. 8].

Поднимается в записках миссионеров и такая сложная проблема, как отношение к коренным народам не только их самих, но и местного русскоязычного населения: «Но по смерти его, из отвращения к инородческой неопрятности, никто из русских не решался омыть тело его и приготовить к погребению. Этот бессострадательный поступок оседлых христиан побудил меня с дьячком собственно своим примером в назидание им показать должную обязанность христианской любви к умершему», – пишет в своем журнале священник походной церкви Илия Новоспасский [23].

Еще более определенно по этому поводу высказывается в своих записках свящ. Василий Вербицкий: «Много зла происходит от фарисейского пренебрежения и отчуждения русских людей от инородцев, которые вполне заслуживают участия и сострадания,

а отнюдь не презрение. Унижаемые всеми и не имеющие другого звания, как «татары», чады церкви Христовой теряют цену в собственных глазах своих и потому нравственно ослабевают. «Когда мы орда, «татары», говорят они, так чего же от нас и спрашивать, мы и живем по-татарски. Особенно прискорбно и горько слышать звание *татарин* часто с приложением *собака*. За то только, что недавно крещеный человек, живя среди некрещеной братии своей, соблазняется иногда поесть конского мяса, и от кого же слышать? – из уст коренного христианина-прелюбодея. Сочетание русских и инородцев при таком важном деле, как причащение Св. Тайн, много возвышает последних» [12]. Показательно, что при публикации рукописи записок в «Душеполезном чтении» это рассуждение было опущено [13].

При публикации записок свящ. И. Смольяникова за 1858 г. подверглось жесткой корректуре сопоставление инородцев и русских крестьян. В рукописи: «Вообще новокрещеные инородцы усерднее крестьян исполняют все обязанности православного христианина и несравненно приверженнее к Св. Храму, преданы служителям его и простодушнее» [7]. В печатном тексте сравнение с русскими, говорящее явно не в пользу последних, вычеркнуто: «Утешительно было видеть, что новокрещеные инородцы усердно исполняют все христианские обязанности, привержены к святому храму, преданы служителям церкви и вообще искренны и простодушны» [8]. Смягчали редакторы и некоторые пугающие подробности из жизни самих инородцев. В рукописи: «старик с Чемала с десятилетним сыном, страждущим от гнилых ран венерического свойства» [5]. Очевидно, что редактору гнилые раны венерического свойства у десятилетнего ребенка показались слишком неллицеприятными, и он заменил их на просто «заразительные» [6].

Несмотря на во многом естественное отчуждение, миссионеры ощущали свою ответственность перед «несчастливым» народом как проповедники и цивилизаторы. «В одну ночь судьба забросила меня в юрту татарина и оставила во мне воспоминание, которое, должно быть, долго не забыть мне», – читаем мы в записках алтайского миссионера С. Ивановского. Автора поразила нищета юрты: «Юрта была построена конусом из жердей и сверху покрыта одной только берестой. В ней было так тепло, что я счел лучшим не снимать с себя шубы <...> Больно и тяжело было видеть этого татарина и его бедное семейство. Сколько, я думал, таких несчастных разбросано по Алтаю! <...> Никому нет до них дела <...> Лишь только какой-нибудь десяток миссионеров бродят еще по горам и лесам, отыскивая заблудших во мраке невежества и суеверий». Негативное впечатление усиливает эпидемия, увиденная

Ивановским в Пыже: «Нельзя было смотреть на кочевников без содрогания! Без всякой медицинской помощи, они не имели даже хлеба и поддерживали свою угасающую жизнь только поджаренным ячменем, обращенным в муку (талкан). Больше у них ничего не было» [10].

Крещение, казалось бы, могло снять межкультурное напряжение, кроме того, оно могло иметь для инородцев не только религиозное и социокультурное значение, но в какой-то мере служить выходом и из тяжелого экономического положения, так как принявшее христианство местное население получало материальную поддержку и льготы от российского правительства. Однако проблема состояла в том, что крещение предполагало не только смену веры, но и почти полное «обрусение», то есть изменение привычного образа жизни (переезд из юрт в избы, введение оседлого земледелия и т. п.), а, в конечном счете, разрушение традиционной культуры.

В эпоху Петра Великого насильственный путь христианизации колоний был частью государственной политики. Это подтверждают, например, указы царя тобольскому митрополиту Филофею Лещинскому [27]. В указах предписывалось уничтожать языческие святилища вплоть до применения военной силы. Однако в дальнейшем государство стало воздерживаться от столь агрессивного вмешательства в дела миссий.

Но сами настроения религиозной войны против «неверных» оставались актуальными в духовной среде вплоть до конца XIX столетия. Подтверждения тому можно найти, например, в высказываниях по этому поводу иркутского архиепископа Вениамина (Благодярова), бывшего некоторое время главой Забайкальской духовной миссии (1862–1868 гг.) и выступавшего за полную русификацию бурят: «Таким образом, в отношении к иноверцам православие должно вести борьбу не просто с чужою верою, но и с чужою национальностью, с нравами, привычками и всею обстановкой обыденной жизни инородцев, убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими. Эта перемена в их глазах есть такое условие, без которого нельзя быть настоящим христианином...» [2, с. 7]. Неудивительно, что, как отмечал сам епископ, «Иркутск чуть не сравнивает меня с Нероном и Диоклитианом для забайкальских язычников» [3, с. 37].

Очевидно, подобное настроение, прекрасно ощущаемое и другой стороной, приводило к тому, что, несмотря на все усилия миссионеров, выстроить диалог с местным населением было очень сложно, а порой и невозможно. Путевые журналы миссионеров пестрят отчетами о подобных коммуникативных провалах. Эти неудачи заставляют,

например, иеромонаха Макария (Невского) горестно восклицать: «Что говорить и как действовать среди этого беспечного и неподвижного народа? Сколько сделали переездов и говорили, и нет ни одной души, которая бы вняла гласу проповеди! И что можем сделать, если не будет с нами Господь, поспешествующий и слово утверждающий» [9].

Инородцы не только не хотели, но и боялись креститься, как якут из рассказа Лескова: за Христа «зайсан бьет, шаман бьет, лама олешков сгонит». Христианизация действительно приводила инородцев не только к внешнему конфликту с русскими, но и порождала конфликты внутри самих национальных культур. Все это делало жизнь новокрещеных довольно сложной. Там, где господствовал буддизм, христиан-инородцев не просто притесняли, но устраивали на них гонения, объявляли бойкот, творили откровенный произвол, например, отбирали детей у крещеного отца и отдавали их некрещеной матери. Такие случаи неоднократно описывались в миссионерских журналах. Многие раскаивались в крещении, как старый чукча, монолог которого приводит в своих записках известный якутский миссионер Андрей Аргентов: «Я молод был. Русские предлагали мне свое знакомство, лаская дружбой; сопротивляться было нельзя, и я крестился. Теперь гляжу на былое иными глазами, стариковскими. Что принесло нам крещение? Испытал на себе, видел и над другими, что, крестившись, люди беднеют, стада у них умяляются, олени пропадают, переводятся. Да и самые люди переводятся и пропадают, иногда неладно, с тех пор, как начали креститься» [1, с. 49].

Иногда само крещение совершалось способами безнравственными – с помощью подарков и водки, точно так же, как крестил зырянин из лесковского рассказа. Следует признать, что влияние русских на коренные народы Сибири, к сожалению, не всегда было благотворным и цивилизаторским. Не случайно русские ассоциировались у них не с христианской верой и более высокой, чем их собственная, культурой и моралью, а с табаком и водкой. Пьянство и эпидемии, которые приносили с собой русские, становились прямой угрозой для туземцев, и в путевых записках сибирских миссионеров мы находим многочисленные тому подтверждения: «Но затем чукчи пошли на попятную <...> мы любим независимость и волю и просторный свой край <...> Но как обойтись без табаку и железа, а то и другое идет к нам от русских. От русских же иногда пользуемся и водочкой <...> Ведь тут ничего дурного нет. По чарочке, по другой выпьешь ее, веселящей, и сердце отмякнет, забудешь про всякое горе, душа отдохнет от житейских забот. И только. Я часто твержу моим детям: держитесь

русских поближе, без них нам не прожить» – это монолог старого чукчи, приведенный в записках Андрея Аргентова, говорит сам за себя [1, с. 50].

Однако крещение очень часто оставалось формальным и не приводило к истинному воцерковлению не по причине нерадивости миссионеров или недопонимания ими своих задач, но по объективным причинам. Новообращенные, большинство из которых вели кочевую жизнь, после крещения были предоставлены сами себе, так как иногда годами священники не могли добраться до какого-либо отдаленного улуса или кочевья, а значит, там не совершались ни богослужения, ни церковные Таинства. Только постоянные проповеди и богослужения могли дать желаемый результат, но они были невозможны по причине малочисленности миссионеров, а также сложного материального положения миссий.

Другой важной проблемой культурного диалога была проблема языковой коммуникации и перевода Священного Писания и богослужебных текстов на языки местных народов. О «трудностях перевода» пишет в своей повести Лесков: «...как постичь эту молвь, такую бедную и немногословную, что ее едва ли можно и языком назвать. Во всяком разе это не более как язык жизни животной, а не жизни умственной <...> выражения поэтические и фигуральные на него вовсе не переводимы <...> Как рассказать им смысл слов: «Будьте хитры, как змии, и незлобивы, как голуби», когда они и ни змеи и ни голубя никогда не видали и даже представить их себе не могут. Нельзя им подобрать слов: ни мученик, ни креститель, ни предтеча, а пресвятую деву если перевести по-ихнему словами шочмо Абя, то выйдет не наша богородица, а какое-то шаманское божество женского пола, – короче сказать – богиня...» [19, с. 468].

Вопрос о целесообразности христианской проповеди на местных языках нельзя назвать частным, поскольку он скрывает под собой споры об отношении к чужой культуре и традициям в целом, так как сохранение языка предполагает сохранение культуры. При этом высказывались диаметрально противоположные точки зрения. Архиепископ Вениамин (Благонаравов) предлагал решать проблему перевода радикально: «...я держусь такого правила, что если новокрещенные понимают по-русски, то не навязывать им монгольского. Пусть скорее обрусеют: это лучше утвердит их в вере, а дети их не будут знать ничего бурятского, ни веры, ни языка» [3, с. 109]. Однако многие выдающиеся миссионеры, напротив, считали необходимым переводы на туземные языки. Архим. Макарий (Глухарев) переводил на алтайский, преосв. Нил (Исакович) на монгольский. Огромное внимание проблеме сохранения инородческих языков и создания для них письменности

уделял святитель Иннокентий (Вениаминов): он создал алеутскую азбуку и написал на алеутском одно из лучших своих богословских сочинений «Указание пути в Царствие Небесное» [17], а когда к Камчатской епархии была присоединена Якутия, архиепископ Иннокентий переселился в Якутск и сделал все возможное для организации богослужения в местных храмах на родном для местного населения языке.

Но все-таки не все героические усилия миссионеров оказывались бесплодны. Как редкие драгоценности собирают и описывают они в своих журналах все проявления подлинного религиозного чувства у туземцев и с особой радостью сообщают о каждом новокрещеном. «Их влекло сюда не пустое любопытство увидеть торжество праздника, или принять только участие в праздничных пиришествах, как это бывает нередко в русских селениях, но истинное религиозное чувство, чтобы им не быть лишними общих молитв и святой воды, свойство и значение которой они узнали еще в таинстве крещения», – так алтайский миссионер Сергей Ивановский описывает праздник Крещения Господня и служение у иордани [10, с. 18]. Сходные впечатления отразились и в воспоминаниях мыотинского миссионера, в описании литургии в Улалинской церкви: «Взглянул я на людей – лица все не русские. В церкви тишина, новокрещенные стоят благоговейно <...> видя усердие, с каким молились новокрещенные, мне думалось: ныне силы небесные с нами невидимо служат, потому то и дух молящихся так высоко парит. Век апостольский давно прошел, а здесь он продолжается» [4]. «Как бы ни было – а проповеди миссионеров не остаются бесплодными, чему доказательством служит ежегодное присоединение из язычества нескольких человек, даже в тех отделениях миссии, где язычество еще сильно большинством и влиянием на население своих представителей <...> Припоминая эти поучительные факты, на душе становится отрадно: уныние, готовое овладеть миссионером при видимой бесплодности проповеди бесследно исчезает и ощущается бодрость тела и духа для новых трудов. Поэтому, прочитывая годовые отчеты миссионеров, жадно ищешь этих видимых проявлений благодати Божьей, которые помогают миссионерам переносить бодро их нелегкое служение» [14, с. 22].

В финале рассказа Лескова «На краю света» архиерей, потрясенный поистине христианским подвигом спасшего его туземца, высказывает почти еретические мысли о врожденной христианской нравственности туземцев и их превосходстве над многими «просвещенными». Но это не поэтическая вольность автора. Сходные мысли были и у святителя Иннокентия (Вениаминова). В его письмах к митрополиту Филарету

(Дроздову) можно прочитать следующее: «Чем более знакомлюсь я с дикими, тем более люблю их, и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением далеко, далеко уклонились от пути к совершенству, почти не замечая того; ибо многие, так называемые дикие, гораздо лучше многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении. Например, во всей Камчатской епархии, можно сказать, совсем нет ни воровства, ни убийства; по крайней мере, не было примера, чтобы собственно тунгус, или камчадал, или алеут были под судом за сии преступления <...> Но кроме сего, между дикими есть много примеров и добродетелей. Например, первый тунгус, с которым мне пришлось видеться и говорить (в Гижиге), удивил и утешил меня своею верою и преданностью Богу. После рассказа его об их житье-бытье, можно сказать, полубедственном, когда я сказал ему: «за то вам будет хорошо, если вы будете веровать Богу и молиться Ему». Тогда он, видимо изменившись в лице своим, с сильным чувством сказал: «Тунгус всегда молится, тунгус знает, что все Бог дает. Убью ли я хоть куропатку, я знаю, что Бог мне дал, и я молюсь Богу и благодарю Его. Не убью, значит, бог мне не дал, значит, я худой... и я молюсь Ему». Не могу вспомнить сих слов без движения сердца, и не могу после того не сказать в духе благодарности: «Благословен Господь, открывающий познание веры и истины младенцам и утаивающий оное от мнящих быть мудрыми!» [18] Именно «детскому» уму дикаря и открывается непосредственность веры, сама суть религиозного сознания как Страха Господня и постоянного ощущения Его присутствия, которая недоступна сознанию искушенному.

Следует особо отметить, что отношение к старообрядцам было совершенно иным, нежели к аборигенам. Если тунгусы, якуты, камчадалы, буряты – это для миссионеров, скорее, неразумные дети, заблудившиеся в мраке язычества, то староверы – враги, против которых необходимо предпринимать самые решительные меры. Приведем лишь одну цитату из путевого дневника архиеп. Нила (Исаковича): «В Куйтуне, обозрев церковь, приветствовав беседой православных, отправился в раскольничью часовню. Собрание было велико. Обширен и предмет беседы с людьми сими, становящимися в притчу для самих язычников. Развращению их нет меры. Многие чувствуют это и сознаются в своем окаянстве. Но влияние уставщиков страхом сковывает волю и совесть народа. Раскольнические населения. В дальнейшем странствии старался я посетить глухие раскольнические населения. На пути сем много причиняли огорчения вести о своеволиях и наглости уставщиков. Укореняемая ими в народе безнравственность несносна для самих язычников. Но как ни скорбно состояние

обращенных среди сих аспидов сыны церкви радостно приветствовали меня, умоляя о обуздании раскольнического своеволия» [24].

Таким образом, отношение сибирского православного духовенства к инородческой культуре, что следует из его собственноручных записок, было далеко неоднозначным и колебалось в диапазоне от утверждения необходимости религиозной войны против «неверных» до признания их нравственного превосходства над многими «просвещенными». Но какие бы оценки ни давались самому факту проникновения в чужую культуру, именно священнослужители становились первыми просветителями края, и их общекультурное влияние было чрезвычайно велико и разнообразно.

Литература и источники

1. Аргентов А. (священник). Путевые заметки священника-миссионера в приполярной местности: материальный быт якутов, юкагиров, тунгусов и чукчей // Записки СОРГО. 1857. Кн. 4. С. 1–59.

2. Вениамин (Благонаравов) (архиеп. Иркут. и Нерчин.). Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб, 1885. 32 с.

3. Его же. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.) / с предисл. и примеч. К. В. Харламповича. М., 1913.

4. Воспоминания мыютинского миссионера (за 1860 г.) // Томск. епарх. ведомости. 1893. № 5. С. 8.

5. Выписка из дневника миссионера Алтайской духовной миссии протоиерея Стефана Ландышева за 1-ю треть 1859 года // РГИА. Ф. 176. Оп. 140. Д 1081. Л. 91 об.

6. Выписка из дневника миссионера Духовной Алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева за 1-ю треть 1859 года // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 2. С. 311.

7. Записка Улалинского отделения Алтайской духовной миссии миссионера, свящ. Иоанна Смольяникова за 1858 год // РГИА. Ф. 176. Оп. 140. № 1081. Л. 89.

8. Записка Улалинского отделения Алтайской духовной миссии миссионера, свящ. Иоанна Смольяникова за 1858 год // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 244.

9. Записки миссионера Алтайской духовной миссии иеромонаха Макария за 1863 год // Душеполезное чтение. 1864. Ч. 2. С. 70.

10. Записки миссионера Алтайской духовной миссии Кебезенского отделения, священника Сергия Ивановского за 1889 год // Томск. епарх. ведомости. 1890. № 11. С. 27.

11. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии свящ. Василия Вербицкого за 1861 год // РГИА. Ф. 796 (канцелярия Синода). Оп. 440. Д. № 1254–1276. Л. 26–30.
12. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии свящ. Василия Вербицкого за 1858 год // РГИА. Ф. 176. Оп. 140. № 1081. Л. 14–15.
13. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии, свящ. Василия Вербицкого за 1858 год // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 1. С. 230–248.
14. Из дневника миссионера Чемальского отделения, священника Петра Бенедиктова // Томск. епарх. ведомости. 1891. № 11. С. 11–23.
15. Иннокентий. Избранные труды Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Новосибирск, 1997. С. 178–179.
16. Именной, Сибирскому митрополиту Феодору. 6 дек. 1714 г.а // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1713–1719. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. С. 133.
17. Иннокентий (Вениаминов-Попов И. Е., свт.). Указание пути в Царствие Небесное : беседы с начинающими христианскую жизнь. М., 2010.
18. Иннокентий (митр.). Письма епископа Иннокентия (Вениаминова) к митрополиту Филарету // Рус. архив. 1879. Кн. 2. С. 277.
19. Лесков Н. С. На краю света // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 5. М. : Правда, 1989. С. 489.
20. Нил (Исакович) (архиеп.). Путевые записки. Ярославль, 1874. С. 288.
21. О слушании рапорта преосв. Парфения, еп. Томского о предоставлении отчетов миссионеров // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 1081. Л. 88.
22. Пивоваров Б. (прот.). История миссионерской деятельности Русской Православной Церкви и современность // Миссионерское обозрение. 1997. № 1 (15). С. 20–23.
23. Путевой журнал священника Туруханской походной церкви Или Новоспасского за 1858 год. Писарская копия. Л. 2–11. // РГИА. Ф. 176. Оп. 140. № 1081. Л. 3 об.
24. Святейшему правительствующему Синоду Нила Архиепископа Иркутского Донесение. От 15 марта 1843 г. // РГИА Ф. 834 : (Рукописи Синода). Оп. 2. № 1713. Л. 5.
25. Столярова И. В. «Свет небес высоких...». Проблема идеала в рассказе Н. С. Лескова «На краю света» // Sciences and Humanities: Современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. СПб., 2006. Вып. 7. С. 22.

26. Труды православных миссий Восточной Сибири // Изд. Иркут. комитета православ. Миссионер. о-ва. Иркутск, 1883. Т 1 : (1862–1867). С. 1–2, 4.

27. Царская грамота бывшему митрополиту Сибирскому и Тобольскому Федору об истреблении остяцких идолов, самих же остяков обращать в христианскую веру, 7 июня 1710 г. // Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. С. 413–414.

28. Чевалков М. В. Памятное завещание // Томск. епарх. ведомости. 1894. № 8, 13, 19, 21 ; 1895. № 16, 17, 22 ; 1896. № 4, 6.

УДК 281.93+266:069(571.53)

*В. В. Тихонов**

ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена вопросам сохранения и популяризации материального наследия православной миссионерской деятельности Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в. путем музеефикации материальных объектов, связанных с бурятской миссионерской деятельностью на территории Предбайкалья, а также с жизнью и деятельностью святителя Иннокентия (Вениаминова). Автором предлагается вариант создания экспозиции «Бурятский миссионерский стан» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» и воссоздание усадьбы Иннокентия (Вениаминова) в пос. Анга Качугского района Иркутской области, отражающих быт и раскрывающих значение духовной православной миссии в регионе позапрошлого столетия.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, сохранение материального наследия, музеефикация, миссионерский стан, святитель Иннокентий (Вениаминов).

* **Тихонов Владимир Викторович**, канд. культурологии, директор ГАУК «Архитектурно-этнографический музей “Тальцы”», г. Иркутск.

Tikhonov Vladimir V., candidate of Culturology, head of the SACI Architectural and Ethnographic Museum «Taltsy», Irkutsk.

MUSEUMIFICATION'S PROSPECTS OF ELEMENTS OF ORTHODOX MISSIONARY ACTIVITIES OF THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY OF THE IRKUTSK REGION

The article is devoted to questions of preservation and promoting of material heritage of orthodox missionary activity of the Irkutsk province of the second half of XIX – early XX century by a muzeumifikation of the material objects connected with the Buryat missionary activity in the territory of Predbaykalya and also with life and activity of the St. Innocent (Veniaminov). The author offers option of creation of an exposition «The Buryat Missionary Camp» in the Architectural and ethnographic museum of «Taltsi» and a reconstruction of the estate of Innocent (Veniaminov) in the settlements Anga of the Kachugsky region reflecting life and opening value of spiritual orthodox mission in the region of century before last.

Keywords: *missionary activity, preservation of material heritage, muzeumifikation, missionary camp, St. Innocent (Veniaminov).*

В последние годы проблемы сохранения элементов традиционной культуры в наиболее объективной интерпретации во всем мире решаются посредством создания этнографических музейных комплексов под открытым небом. В недалекой перспективе современные глобализационные процессы, затронувшие цивилизацию, полностью вытеснят из повседневной жизни народную культуру, оставив ее отголоски или в музейной форме, или в современной ее подаче в виде шоу. Это в существенной степени ослабит значимость традиционной культуры в сохранении культурной идентичности, а следовательно, культурной безопасности этносов и этнических групп, что, в свою очередь, поставит под угрозу безопасность страны в целом, потому что общий смысл государственности определяется правом народа на свою культуру и территорию.

Одним из основополагающих элементов традиционной культуры русского народа является православие. Охват значительных пространств Российского государства православием происходил посредством миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. До нашего времени в материальных носителях культуры дошли лишь незначительные элементы этой деятельности прошлых столетий. Необходимо успеть эти элементы сохранить, а кое-что, по возможности,

реконструировать. Мы более близкие свидетели уходящей эпохи, и потому более объективные ее реконструкторы, чем последующие поколения.

В плане музеефикации и реконструкции материальных элементов православной миссионерской деятельности в Иркутской области особое внимание необходимо уделить сохранению историко-культурного наследия, связанного с жизнью и служением нашего земляка, митрополита Московского и Коломенского Иннокентия Вениаминова, апостола Аляски и Сибири, а также с существовавшей во второй половине XIX – начале XX в. в Иркутской губернии сетью из 28 православных миссионерских станов.

В 1996 г. в рамках подготовки к 200-летию со дня рождения Иннокентия Вениаминова по просьбе епископа Иркутского и Ангарского Вадима сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск) А. К. Нефедьева провела исследования по определению отношения дома, приобретенного Иркутской епархией в пос. Анга, к личности святителя Иннокентия (Вениаминова). В ходе исследований было установлено, что родительский дом Святителя в Анге, фотография которого сделана священником Н. Пономаревым в 1913 г., не сохранился.

Дом, купленный Иркутской епархией, принадлежал дяде И. Вениаминова Дмитрию Попову, у которого будущий Святитель жил после смерти отца с шести до пятнадцати лет. Фактически мировоззрение Иннокентия Вениаминова начало формироваться в этом доме [2, с. 16]. Дом ранее стоял в другом месте и в конце XIX в. был перенесен туда, где он находится сегодня [4, с. 335]. В течение осени 1997 г. работниками АЭМ «Тальцы» была организована реставрация дома и в его интерьерах построены экспозиции. В декабре 1997 г. музей И. Вениаминова открыли. Таким образом, первый этнографический музейный комплекс под открытым небом, сохраняющий материальные элементы, связанные с православной миссионерской деятельностью нашего выдающегося земляка, митрополита Московского и Коломенского Иннокентия Вениаминова, в современной России появился на территории Иркутской области, в пос. Анга Качугского района в 1997 г. [1, с. 61].

В 2010 г. сотрудники музея «Тальцы» провели разработку расширения экспозиции. Основанием для расширения стал тот факт, что дом относился к разряду крестьянских домов и соответствовал их обустройству. Усадьба, в которой он стоял, традиционно должна была включать во второй половине XIX в.: дом, амбар, амбар-кобрик, завозню, стайку, возможно с поветью, конюшню и баню. Исходя из

исторического прошлого, предполагалось сформировать усадьбу в стиле того времени [4, с. 218]. Недостающие объекты можно было восполнить за счет переноса аналогов-оригиналов, которых еще достаточно в районе. С 1997 по 2014 г. музей Святителя фактически был филиалом Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» [6, с. 497; 5, с. 139]. С 2014 г. экспозицию обслуживает Иркутский областной краеведческий музей.

Вторым значимым в культурной жизни Иркутской области элементом сохранения культуры православного миссионерства может стать реконструкция бурятского православного миссионерского стана в экспозиционном пространстве АЭМ «Тальцы» [3, с. 87]. К 1910 г. в Иркутской губернии крещеных было 85,8 % населения. Значительное число крещеных составляли представители инородческого населения, главным образом буряты. Росту количества крещеных среди бурят способствовали православные миссионеры. В 1861 г. была учреждена Иркутская православная миссия. В 1863 г. в Иркутской губернии уже было пять миссионеров, проповедовавших православие среди бурят. Для подготовки миссионеров в духовных учебных заведениях Иркутской губернии ввели преподавание бурятского языка. При крещении бурятам в качестве поощрения давали три рубля и дарили вещи (рубашку или халат). Для крещеных бурят также существовали льготы при уплате налогов. Однако большая часть крестившихся бурят не отказывалась от обычаев, регламентированных шаманизмом, таким образом они становились двоеверцами.

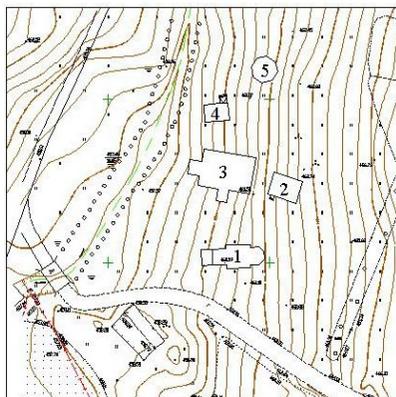
Продвижение православной веры среди коренного населения Предбайкалья происходило и в результате деятельности православных миссионерских станов, которых здесь на начало XX в. насчитывалось 28, в основном в Балаганском, Верхоленском и Иркутском уездах [4, с. 96; 7, с. 380]. Православный миссионерский стан был рассчитан на обслуживание от 15 до 43 улусов с общим количеством населения от 3 до 10 тыс. человек. Основой миссионерских станов были церкви. При церквях имелись школы, дававшие двухклассное образование. В школах обучались как дети коренных народностей, так и русские из расположенных рядом деревень. Всего при православных миссионерских станах в Иркутской губернии в начале XX в. было 11 школ, при которых проживали дети из бурятских семей.

Православный миссионерский стан старались устроить у реки, где можно было проводить массовое крещение местного населения. Церковь обычно строили по чертежам рекомендованных готовых проектов. Церкви были деревянными. Дома для священников строились рядом с церковью, и они содержали все необходимое. Часто недалеко от

дома священника ставили деревянную юрту для родителей инородческих детей, приезжавших к ним на свидания из улусов. Для того чтобы отучить местное население от обращения за медицинской помощью к шаманам и ламам, в инфраструктуре миссионерских станов имелись фельдшерские пункты с аптеками, где были элементарные средства оказания первой медицинской помощи.

Работы по формированию в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» бурятского православного миссионерского стана ведутся с 2000 г. Автором проекта экспозиции является А. К. Нефедьева. Для размещения стана в музее выбран склон у безымянного ручья в пределах видимости из улуса-зимника. По эскизному проекту у ручья располагается церковь и далее по долине четырехстенная юрта. Дом священника, школа и фельдшерский пункт располагаются на верхней террасе ручья.

Миссионерский стан в бурятском улусе.

- Экспликация:
 1. Церковь.
 2. Дом священника.
 3. Церковно-приходская школа.
 4. Фельдшерский пункт.
 5. Юрта.

Для формирования экспозиции в 2004 г. в музей вывезена церковно-приходская школа из пос. Кимильтей, находящаяся в настоящее время во временной сборке. Школа вывезена с территории проживания бурятского населения [3, с. 15]. Здание школы имеет бурятские мотивы.

Дом священника пока не подобран. Возможно, это будет здание из г. Иркутска (ул. Профсоюзная, 35), в котором жил священник [4, с. 193]. Такие дома городского типа были к рубежу XIX–XX вв. широко распространенными, особенно у зажиточных бурят. Двухэтажное здание фельдшерского пункта вывезено в музей из улуса Аларь и находится во временной сборке. На первом этаже располагался

фельдшерский пункт с аптекой, на втором этаже жил фельдшер. Четырехстенную большую юрту с подпорными столбами внутри предполагается вывезти из с. Кузнецы Качугского района. При доме священника планируется сооружение одноэтажного двухкамерного амбара для хранения инвентаря и продуктов, а также завозни, где находились бричка и кошевка для выездов, и коновязи, у которой ставились под навесом лошади. Построек, связанных со скотоводством и земледелием, не предусматривается, так как священники на рубеже столетий уже имели возможность не заниматься сельским хозяйством, получая жалованье в размере от 500 до 800 рублей в год.

Очень часто уровень цивилизации общества определяется его способностью сохранять информацию о прошлом и передавать ее будущим поколениям, в особенности через материальные носители, каковыми являются музейные экспонаты как движимые, так и недвижимые. Вариантами передачи такой информации в Иркутской области могут стать предлагаемые нами к реконструкции и музеефикации этнографический комплекс Иннокентия Вениаминова в пос. Анга Качугского района и экспозиция «Бурятский православный миссионерский стан» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы».

Литература

1. Нефедьева А. К. Реставрация ангинского дома святителя Иннокентия и создание мемориальной экспозиции // Тальцы. 1999. № 1 (5). С. 58–61.
2. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Дом святителя Иннокентия (Вениаминова) в Анге. Иркутск, 2007. 52 с.
3. Тихонов В. В., Нефедьева А. К. Основные направления развития архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2006. 216 с.
4. Тихонов В. В. Историко-культурный потенциал Предбайкалья. Иркутск, 2013. 367 с.
5. Тихонов В. В. Перспективы музеефикации комплекса святителя Иннокентия (Вениаминова) в селе Анга // Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель : материалы науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 137–141.
6. Тихонов В. В. Перспективы сохранения материальных носителей культуры, связанных с русской колонизацией Северо-Запада Америки // Русская Америка : материалы III Междунар. науч. конф. Иркутск, 2007. С. 489–497.
7. Тихонов В. В. Перспективы сохранения материальных носителей традиционной культуры предбайкальских бурят // В мире научных открытий. 2013. № 9 (45). С. 376–387.

МИССИОНЕРСТВО КАК ВИД КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Статья посвящена актуальной теме инкультурации современного социума и роли в этом процессе православного миссионерства как культурологической деятельности.

Важным ресурсом для инкультурации общества в условиях постмодерна и активизации глобализационных процессов автор считает творчество современных православных художников. В своих работах художники адаптируют духовные смыслы иконы для упрощения их понимания современниками. Подобная адаптация, по мнению автора статьи, обеспечивает преемственность поколений, способствует восстановлению религиозных корней и подчеркивает духовно-нравственное, воспитательное значение русской культуры.

Статья также обобщает собственный опыт автора в преподавании школьного курса «Основы православной культуры».

***Ключевые слова:** миссионерство, культурологическая деятельность, инкультурация, свт. Иннокентий (Вениаминов), современные православные художники, преподавание основ православной культуры.*

Elena V. Drobnaia

MISSIONARY WORK AS A KIND OF CULTURAL ACTIVITY (FROM EXPERIENCE)

Article is devoted to a hot topic of an inkulturation of modern society and a role in this process of orthodox missionary work as culturological activity.

For an inkulturation of society in the conditions of a postmodern and activization of globalization processes the author considers an important resource works of modern orthodox artists. In the works artists adapt

**Дробная Елена Валериановна, аспирант кафедры истории и теории, культуры искусств и дизайна ФБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита.*

Drobnaia Elena V., postgraduate student of Department of History and Theory, Culture of Arts and Design, FPBEI HE Transbaikals State University, Chita.

E-mail: lena-168@mail.ru

spiritual meanings of an icon for simplification of their understanding by contemporaries. Similar adaptation, according to the author of article, provides continuity of generations, promotes restoration of religious roots and emphasizes spiritual and moral, educational value of the Russian culture.

Article also generalizes own experience of the author in teaching the school course «Bases of Orthodox Culture».

Keywords: *missionary work, culturological activity, inkulturation, St. Innocent (Veniaminov), modern orthodox artists, teaching bases of orthodox culture.*

Возрастающий интерес российского социума к вопросам веры, к осмыслению роли православия в формировании ценностного ядра национальной культуры актуализирует различные направления духовного служения Церкви, перечисленные в «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [4]. Два из них – необходимость обобщения и распространения опыта просветительской работы в современных условиях – рассматриваются в предлагаемой статье.

Культуру необходимо понимать как синергическое сотворчество, сотрудничество с Богом, «совместную деятельность по воспитанию человеческой личности, сохранению и возделыванию окружающей среды» [7, с. 75]. Происхождение слова «культура» от латинских «cultus» (почитание, служение) и «colere» (возделывать, обрабатывать) прямо указывает на ее религиозные корни и воспитательное значение. Задача миссионера – найти в конкретной культуре «добрую землю», на которую упадут «семена слова Божия» [7, с. 74], пневматологически¹ отделяя сферу действия Духа Святого от религиозно-этического содержания языческой культуры, в которой действуют иные духи [7, с. 75–76]; самостоятельно создавая эту почву, если необходимо.

Обращение современной культуры к дохристианским и нехристианским религиозно-культурным традициям актуализирует миссионерскую деятельность по инкультурации, под которой в православии понимают «воцерковление», «христианизацию» культуры, противопоставленные секуляризации христианских ценностей [7, с. 82, 84] и воздействию нивелирующих глобализационных процессов.

Миссионерство как культурологический вид деятельности направлено на «воссоздание культуры народа или общества на <...>

¹ Пневматология (от греч. πνευμα, дух) – учение о Святом Духе, его действии в мире и человеке. Прим. ред.

христианском основании» посредством духовного воздействия на «социальную», «надорганическую» природу человека (каковой является культура) [7, с. 78], формирующую и транслирующую модели его поведения и мировосприятия [7, с. 79].

В процессе инкультурации одними из самых актуальных проблем для современного социума становятся воспитание, культурная и нравственная идентификация подрастающего поколения. Ведению миссионерской деятельности среди подрастающего поколения способствует тот факт, что система образования России, отзываясь на потребности общества в возрождении традиционных ценностей, стремится к решению задач по становлению и духовно-нравственному воспитанию личности ученика: в школьную программу с 2012 г. введен учебный предмет ОРКСЭ (Основы религиозных культур и светской этики), включающий в себя культурологический модуль «Основы православной культуры», формирующий у младших школьников представления о православных нравственных идеалах и ценностях, способствующий «становлению основ гражданской идентичности и мировоззрения обучающихся» [3, 5]. Положительные результаты преподавания Основ религиозных культур и светской этики подтверждаются обсуждением Министерством образования и науки РФ вопроса о продлении преподавания этого предмета, в том числе и курса «Основы православной культуры», на всех ступенях школьного образования.

Опыт автора по преподаванию модуля «Основы православной культуры» в школе свидетельствует о большом интересе учащихся к занятиям. Изучение школьниками религиозных традиций, отличных от светского восприятия мира, ведет к общению, взаимодействию разных поколений семьи независимо от того, насколько старшие ее члены ассоциируют себя и своих детей с Православной Церковью и православной культурой.

Сложности преподавания данного курса модуля «Основы православной культуры» и колебания в выборе этого модуля родителями связаны, прежде всего, с атеистической традицией, сформированной несколькими десятилетиями отказа российским социумом от религии. Препятствием становится стереотипное атеистическое суждение о безусловной ценности «научного», светского мировоззрения и его противопоставления «архаичному, отсталому» мировоззрению религиозному. Преподавание курса «Основы православной культуры» призвано создать у учащихся целостную картину мира, дать представление о том, что научный и религиозный взгляды на мир не противопоставлены, а дополняют друг друга.

Главными проблемами курса «Основ православной культуры» являются малое количество часов его преподавания, недостаток квалифицированных педагогов по предмету и отсутствие возможности по их подготовке, нехватка методической и учебной литературы [11].

Для улучшения качества подготовки педагогов, работающих по модулю «Основы православной культуры», при поддержке Читинской и Краснокаменской епархии был реализован издательский проект «Азбука православной культуры. В помощь учителю», в который вошло учебно-методическое пособие Е. В. Дробной «Современные православные художники» [1], содержащее сведения о направлении в современном искусстве, объединившем художников, последовательно репрезентирующих в своем творчестве образы и духовные смыслы иконографического канона.

Миссионерские задачи может выполнять не только Слово, звучащее в проповеди, но и Слово живописное. Большой потенциал для инкультурации социума имеет религиозное изобразительное искусство: икона способна универсально разъяснить «всю полноту православного <...> миропонимания и мировидения, богослужения и искусства, православной церковной жизни и «оправославленного» быта» [6, с. 5] и представляет собой не какой-либо единичный аспект православного вероучения, а выражает национальную духовность как таковую. Однако современный социум испытывает потребность в адаптации языка иконы. Эта потребность объясняется тем, что за годы насильственной секуляризации были во многом утрачены религиозные знания и навыки, необходимые для понимания иконы как литургического текста.

Один из авторов, чье творчество представлено в этом пособии, – Ф. Москвитин. Православное мироощущение Ф. Москвитина определило тематику его работ, значительное место среди которых заняла иконопись, и послужило основой для миссионерской деятельности в сфере изобразительного искусства, обращенной к соотечественникам и зарубежному зрителю. Художник исследует проблему русской святости, изображая события из истории Русской Церкви, частью которой является история православной Сибири и Америки.

Ряд своих работ иркутянин Ф. Москвитин посвятил просветительской деятельности своего великого земляка – митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова), в миру – Иоанна Попова, уроженца Иркутской губернии. Это – несколько полотен, включенных в цикл «Русские апостолы и их подвиги» и картина «Свт. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский» (2010) [8].

Образ святителя Иннокентия, созданный Москвитиным в картине «Свт. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский», близок к иконописному: святой изображен в полный рост, в золотом архиерейском облачении; обе руки – в благословляющем пастырском жесте; иконографическому канону соответствуют золотой нимб и подпись на церковно-славянском языке. Бесконечное безжизненное, каменистое, покрытое вечными снегами пространство, которое «оттаивает» под ногами святого, превращаясь в благодатную землю, на которую упали посеянные им «семена Слова Божия», символизирует трудности и смысл миссионерского служения святителя Иннокентия. Подчеркивая значение Пастыря как «светоча Веры Христовой», художник помещает на картине изображение горящего маяка, стоящего на границе снегов и готовящейся к цветению земли. Солнце и луна на небосводе символизируют «непрестанный, каждодневный апостольский и миссионерский труд Святителя» [9, с. 67–68].

Ф. Москвитин своим творчеством предлагает соотечественникам задуматься о духовном подвиге, совершенном святителем Иннокентием и другими православными миссионерами, что формирует преемственность культурных генераций, обеспечивая инкультурацию социума.

Изобразительное искусство становится важным ресурсом преподавателя ОПК в миссионерской деятельности по инкультурации младших школьников. Частным примером исследования особенностей существования духовного компонента в художественном творчестве может служить исследование читинской школьницы, ученицы четвертого класса Виолетты Ли «Поединок Пересвета и Челубея в творчестве русских художников», выполненное в рамках школьной научной конференции под руководством учителя ОРКСЭ Е. В. Дробной. Объектом исследования В. Ли стал образ Пересвета, русского монаха, ответившего на вызов ордынского воина Челубея перед Куликовской битвой (1380 г.), а предметом – трансформация этого образа в творчестве русских художников, особенно часто возвращавшихся к теме подвига Пересвета в противоречивом XX веке.

Развитие образа схимонаха Пересвета школьница прослеживает от гравюры в летописи XVI в., иллюстрирующей текст. На этой иллюстрации, как и в искусстве дореволюционного периода, Пересвет – схимонах, исполняющий благословение преп. Сергия Радонежского и собственное предназначение. Атеистическая идеология советской эпохи исключила религиозную составляющую поединка, акцентировав внимание художников (М. Авилова, К. Васильева и др.) на теме защиты

Родины; и Пересвет, оставаясь духовно-нравственным идеалом, стал изображаться яростным воином, богатырем, противостоящим врагу. Современные авторы (П. Рыженко, С. Ефошкин и др.) делают акцент на христианском служении Пересвета Отечеству, высоте его морального облика. Они возвращают Пересвету духовную сущность подвига, монашескую схиму, что исторически достоверно и отражает социальный запрос на интерпретацию исторических лиц и событий «в поисках поддержки идей, ... корней и истоков» [10, с. 21].

В. Ли делает вывод, что интерес современных авторов к образу схимонаха Александра (Пересвета) отражает потребность российского общества в просвещении православной духовностью, что подтверждает возможности изобразительного искусства по актуализации исторических событий для духовной ориентации социума, сохранения его национальной идентичности, освоения обществом ценностей русской культуры, «генетически связанной с православием» [7, с. 173].

Соработничество школы и Церкви в деятельности по реализации задач духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения должно стать фундаментом, «на котором строится будущее нашего общества: государства и каждого отдельного человека» [11]. В этих условиях труд учителя становится миссионерской деятельностью по формированию целостной личности ребенка и преодолению затянувшегося духовно-нравственного кризиса социума через знакомство учащихся с культурологическими основами и аксиологией христианства, историей Церкви, сквозь призму которых понятия «патриотизм», «долг», «любовь», «жертва», «трагедия», «героизм», «счастье» становятся не только нравственными, но и духовными категориями.

По мнению Шубина, кризис идентичности в мировоззренческой плоскости российского общества вызван «... разрушением системы духовного самовоспроизводства общества и мировоззренческим вакуумом, в котором оно оказалось в последние десятилетия; отсутствием внятной общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в духовную общность “мы”» [13]. Церковь, история которой хранит множество примеров самоотверженного служения делу духовного просвещения, имеет огромный потенциал для инкультурации, нравственной идентификации и сплочения народа России вокруг традиционных ценностей.

Просветительское служение, начатое апостолами на заре христианства, продолжается и сегодня. «Хочу быть полезным» – таков девиз святителя Иннокентия, которому он следовал всю жизнь [12, с. 76]. Как вид культурологической деятельности, современное миссионерство

направлено на воцерковление российского социума, знакомство широких его масс с православными истоками русской культуры, на формирование преемственности ее духовно-нравственных основ подрастающими поколениями.

Литература

1. Дробная Е. В. Современные православные художники : пособие для учителя [Электронный ресурс]. Чита : Палитра, 2013. 68 с. (Рукопт: национальный цифровой ресурс). URL: <http://gucont.ru/efd/275420?cldren=0>.
2. Камедина Л. В. Миссионерский потенциал в Забайкалье // Иннокентиевские чтения. Чита, 2012. Вып. 9 : Выдающийся миссионер Иннокентий (Вениаминов) – Апостол Сибири и Америки. С. 30–33.
3. Концепция комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» на ступенях начального, основного, среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс]. – [Б. м.], 2012. URL: <http://pravobraz.ru/konceptsiya-kompleksnogo-uchebnogo-kursa-osnovy-religioznyx-kultur-i-svetskoj-etiki-na-stupenyax-nachalnogo-osnovnogo-srednego-polnogo-obshhego-obrazovaniya/>.
4. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. М. : Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <http://mospat.ru/ru/documents/church-mission/>.
5. Концепция, структура и особенности комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, [Б. г.]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/904272/>.
6. Лепяхин В. В. Икона и иконичность. СПб. : Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002. 399 с.
7. Миссиология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Миссионер. отд. Рус. Православ. Церкви, 2010. 400 с.
8. Москвитин Ф. Персональный сайт художника [Электронный ресурс]. URL: <http://moskvitin.ru/glavnaya.html>.
9. Надеяева О. Е. Образ святителя Иннокентия в творчестве Филиппа Москвитина // Иннокентиевские чтения. Чита, 2012. Вып. 9 : Выдающийся миссионер Иннокентий (Вениаминов) – Апостол Сибири и Америки. С. 67–68.
10. Попова И. История в искусстве чешского национального возрождения (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Диалог истории и искусства. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 19–29.

11. Семинар Германа Демидова по обучению родителей и педагогов основам православной культуры. [Электронный ресурс]. [М.]: Московский патриархат Русской Православной Церкви, 2015. URL: http://eparhia.ru/simbirsk_news/?ID=150312.

12. Складорова Т. В., Тукиш В. А. Педагогический аспект просветительской деятельности святителя Иннокентия (Вениамина) в контексте социокультурной обстановки в России в XIX в. [Электронный ресурс] // Вестн. православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. 2008. Сер. 4 : Педагогика. Психология. Вып. № 9. С. 74–93. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-aspekt-prosvetitel'skoy-deyatelnosti-svyatitelya-innokentiya-veniaminova-v-kontekste-sotsiokulturnoy-obstanovki-v>.

13. Шубин Ю. А. Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе : автореф. дис... канд. культурол. наук [Электронный ресурс]. СПб., 2009. 177 с. URL: www.dissercat.com/content/traditsiya-kak-resurs-sotsialno-kulturnoi-identichnosti-lichnosti-v-sovremennom-obshchestve#ixzz3АНТFQfke.

УДК 266.3+257(571.53)

*О. Н. Шахерова**

МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВО ИМЯ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ Г. ИРКУТСКА

В статье рассматривается практика миссионерской работы в НОУ «Православная женская гимназия во имя Рождества Пресвятой Богородицы» г. Иркутска. Выделяется два направления деятельности. Внутригимназическая миссионерская работа ориентирована на учениц гимназии, регулярно участвующих в богослужебной и таинственной жизни Церкви. Внегимназическая миссионерская деятельность ориентирована, в первую очередь, на людей, считающих себя

* *Шахерова Ольга Никифоровна*, канд. филол. наук, зав. кафедрой гуманитарных и эстетических дисциплин, НОУ «Православная женская гимназия во имя Рождества Пресвятой Богородицы», г. Иркутск.

Shakherova Olga N., candidate of philological science, manager of the Department of Humanitarian and Esthetic disciplines, NEI Orthodox Women's School for the sake of Christmas of the Virgin, Irkutsk.

православными, крещеных, но практически не участвующих в богослужебной и таинственной жизни Церкви. В статье рассматриваются разнообразные формы и виды миссионерской работы и говорится об ее значении в воспитании гимназисток.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, просветительское служение, благотворительные акции, средства массовой информации, Интернет.

Olga N. Shakherova

MISSIONARY WORK AT ORTHODOX WOMEN'S SCHOOL FOR THE SAKE OF CHRISTMAS OF THE VIRGIN OF IRKUTSK

In article practice of missionary work in NEI by «Orthodox Women's School for the sake of Christmas of the Virgin» of Irkutsk is considered. Two actions are assigned. Missionary work in school is concentrated on schoolgirls who regularly participate in liturgical and mysterious life of church. Additional missionary activity is concentrated, first of all, in public which consider themselves Orthodox Christians whom christened, but almost don't participate in liturgical and mysterious life of church. Article speaks about various forms and types of missionary work and of its value in education of schoolgirls.

Keywords: missionary activity, educational service, charity events, mass media, Internet.

В настоящей статье мне хотелось бы представить пока еще редкое для современного российского общества, а отчасти и уникальное явление – миссионерскую работу Православной женской гимназии, которая находится в г. Иркутске и в которой я имею честь и радость работать на протяжении уже нескольких лет. Работа эта стала важной и необходимой не только для меня: всех, кто связан с гимназией, объединяет ее особая духовная атмосфера, служение общему делу, любовь к Богу и детям. Под словом «миссия» мы понимаем просветительское служение. Живое слово о Живом Боге, направленное к тем, кто его не слышал, либо имеет неполное или искаженное понятие о Нем. Работа сотрудников Православной гимназии – и священников, и учителей, и даже поваров, и охранников, – по сути своей, миссионерская, потому что все взрослые в нашем учебном заведении включены в уклад гимназической жизни, тесно связанный с религиозным православным служением.

У нас особый учебный план, который включает специальные учебные предметы: Основы Православной веры, Церковное пение, Закон Божий. На уроках истории, русского языка и литературы учебные предметы изучаются в аспекте Православной веры. И вся воспитательная работа гимназии направлена на утверждение веры в Слово Божие. По утрам ежедневно проводятся общие молитвы, регулярно – по воскресным дням и Праздникам – службы в домовом храме. Мы участвуем в богослужениях в Знаменском соборе, в церкви во имя Спаса Нерукотворного, настоятелем которой является директор нашей гимназии протоиерей Александр Беломестных. Организация воспитательной работы соответствует церковному календарю: в день Рождества Пресвятой Богородицы мы празднуем день рождения гимназии, в Праздник Покрова Богородицы проводим выставку-конкурс для учащихся «Щедрая осень», празднуем Рождество Христово, Пасху и другие церковные праздники.

Отличаются ли гимназистки от своих сверстниц из светских учебных заведений? Внешне – нет, внутренне – существенно. В чем же отличие? Прежде всего в том, что в основе жизни – признание Бога Живого. Его Слово звучит на утренних молитвах, к Нему обращаются за благословением перед каждым уроком и благодарят после окончания трудов. Вся жизнь выстраивается в соотношении собственной малости с Богом. С самых первых шагов в гимназии девочки начинают входить в круг представлений, на которых зиждется Православная религия: Спасение, Молитва, Любовь. Эти представления невозможно усвоить умом, и десяти лет обучения не хватает воспринять их полноту. Известно: только опыт и готовность к духовному подвигу может приблизить человека к постижению глубины религиозных истин. Но уже в детстве и ранней юности гимназистки усваивают, что человек должен жить в соответствии с заповедями Христовыми, которые специально и строго направляют к достижению христианского совершенства. Они знают, что человек должен предпринимать упорные и упорядоченные усилия, как внешние, так и внутренние, предполагающие воздержание, самоотречение, борьбу, отказ от страстей.

В то же время нам нельзя не видеть жизнь вне гимназии, далекую от подобных установок. Мы не можем отрицать «мирскую стихию» – обычный общепринятый уклад современной жизни, ее цели и ценности, в которых пребывают многие гимназистки большую часть своей жизни. Поэтому гимназическая жизнь выстраивается с учетом этих противоречий: христианские установки усваиваются гимназистками в течение всего периода жизни в гимназии в процессе многообразной

работы и во время учебы, и в многочисленных индивидуальных и коллективных делах.

Священники и опытные педагоги понимают, что «правильные» установки могут заслоняться и оттесняться другими, важно одно: чтобы эти установки не угасли и не исчезли. Для того, чтобы этого не произошло, требуется осознанная деятельность, создание особых условий, особого «обустройства», задача которого – высвободить и вывести на первый план нужные духовные и душевные силы и стороны жизни. И в «обустройстве» гимназической жизни огромную роль играет именно миссионерская работа.

Традиционно сложилось так, что миссионерская работа в гимназии ведется в двух направлениях: внутренняя (среди гимназисток) и внешняя (среди невоцерковленных и некрещеных людей).

Внутригимназическая миссионерская работа ориентирована на обучающихся в гимназии девочек, регулярно участвующих в богослужебной и таинственной жизни Церкви. Можно выделить следующие ее формы:

- беседы священнослужителей перед таинствами исповеди;
- научно-практические исследования по гуманитарным предметам, гимназическая научно-практическая конференция;
- гимназическая православная учебная библиотека, которая ведет огромную просветительскую работу, включающую и регулярное информирование о христианских праздниках после утренней молитвы;
- литературная студия «Свеча»;
- театральная студия;
- гимназическая информационная деятельность (классные газеты и листы-поздравления, гимназический интернет-сайт, гимназическая газета, информационные стенды с просветительской информацией);
- доступность домового храма для всех желающих прихожан и консультирование священников.

Все перечисленные направления работы являются постоянными, можно сказать, рутинными, поэтому почти не замечаемыми. Это воздух, атмосфера, в которой развивается гимназическая жизнь.

Внегимназическая миссионерская деятельность ориентирована, в первую очередь, на людей, считающих себя православными, крещеных, но практически не участвующих в богослужебной и таинственной жизни Церкви. Просветительское служение реализуется через все возможные виды вне богослужебного служения Церкви: социальную работу, работу в молодежной среде, взаимодействие со средствами массовой информации, использование сети Интернет и многие другие.

Основной формой *социального служения* являются регулярные *благотворительные акции*. Например, «Подарок к Новому году»: готовятся подарки для детей из детских домов и детей из областного онкологического диспансера, организуется сбор вещей для детей-беженцев с Украины, а также детей, находящихся на длительном лечении в туберкулезном диспансере. Ежегодно дважды в год – в День пожилого человека и День Победы – проводятся Благотворительные концерты в Доме ветеранов. Девочки шефствуют над Домом малютки № 1 в микрорайоне Первомайский, над Иркутской коррекционной школой № 3, специализированной коррекционной школой № 8 для детей с проблемами зрения, детским домом № 1 для умственно отсталых детей, который расположен в микрорайоне Юбилейный. Они готовят рождественские спектакли и пасхальные концерты, дарят детишкам собранные ими игрушки. Как правило, эти посещения являются частью совместных с православными общинами города проектов: в них вместе с гимназистками участвуют сестры милосердия, клирики храма во имя Ксении Петербургской и других храмов.

Миссионерская деятельность в молодежной среде – еще одно из важных направлений в работе гимназии. На базе гимназии, совместно с МОУ ДПО ЦИМПО и Лингвистическим университетом, уже четыре года проводится областная научно-практическая конференция для старшеклассников «Великое русское слово», в которой участвуют и гимназистки. Ежегодно наши ученицы выступают с докладами на многих городских и региональных научно-практических конференциях. Представление о направлении их исследований могут дать темы некоторых выступлений: «Идея “Москва – III Рим” – национальный идеал Московской Руси», «Библейские мотивы в тексте “Легенды о Данко” М. Горького и иллюстрациях художников к легенде», «Мысль Горького в “Драме на дне” Иннокентия Анненского», «Проект «Передвижная выставка “Новомученики и исповедники Земли Иркутской”», «Храм во имя Успения Божией Матери как фактор формирования социокультурной среды г. Иркутска», «Святой покровитель моей семьи», «Буквица славянская» – азбука, содержащая первообразы букв» и др.

В гимназии регулярно проводятся Рождественский бал-маскарад для старшеклассников «Прощание с зимней сказкой» и музыкальный вечер «Весеннее настроение» с участием курсантов Института МВД; совместно со студентами геологоразведочного техникума был проведен музыкально-тематический вечер, посвященный 25-летию выхода советских войск из Афганистана. Репертуар, основанный на представлениях о вере в Бога, любви, сострадании к ближнему,

предлагается гимназистками на городском конкурсе патриотической песни «Февральские ветры», на конкурсе «Весенняя капель», конкурсе чтецов «Русское слово». Огромную роль в утверждении культуры православия играют выступления гимназического церковного хора перед молодежью и на конкурсах различного уровня.

Особое место в миссионерской работе гимназии занимает реализация социально-благотворительного проекта областной *фестиваль детского и молодежного творчества «Пасхальная радость»*. В проекте принимают участие воспитанники детских домов, школ-интернатов, коррекционных школ г. Иркутска и области в возрасте от 3 до 18 лет. Проект осуществляется гимназией при поддержке Иркутской митрополией ежегодно с 2004 г. В течение недели после Пасхи все гимназистки поют в хоре, участвуют в концертах, ставят спектакли, делятся пасхальной радостью с жителями города и области.

Большое внимание мы уделяем и *взаимодействию со средствами массовой информации*. О гимназии пишут в многочисленных СМИ. Материалы разнообразны по тематике, но во всех – рассказ об уникальности учебного заведения, о его мощном воздействии на духовное становление человека. С 2003 г. один раз в месяц выходит газета «Гимназистка», корреспондентами которой являются многие девочки. Основная цель гимназического печатного издания – воспитание духовности и развитие творческого потенциала детей. Работа ведется по нескольким направлениям, суть которых отражена в газетных рубриках: «Дивен Бог во святых Своих», «Гимназистки размышляют», «Мой родной край», «Зеленый флаг», «Хозяюшка», «Солнечный зайчик», «Наши родители». Кроме печатного тиража (250 экземпляров), читателям доступны PDF-версии номеров газеты.

Миссионерская деятельность в сети Интернет осуществляется через гимназический сайт. Он создан в соответствии с существующими требованиями к сайтам образовательных учреждений, на сайте отражена официальная информация, но помимо этого публикуются новостные статьи начинающих журналистов и наиболее интересные материалы разной направленности, отражающие не только внешние события, но и размышления, творческий поиск гимназисток.

Гимназическая газета и сайт – проекты динамичные, с каждым новым учебным годом обновляется состав редакции, появляются новые идеи, рубрики, концепции оформления, приложения и т. д. Неизменным остается одно: детям предлагается восприятие и понимание бытийных категорий и духовных ценностей посредством творчества. Таким

образом происходит воспитание духовности не путем заучивания догм и комплекса правил (этому учат на уроках!), а в напряженной творческой работе.

Миссионерская работа в Православной гимназии, то есть просветительское служение – донесение живого слова о Боге, напрямую связана с религиозным воспитанием. А религиозное воспитание связано с ростом, развитием человека, который меняется, становится непохожим на себя, продолжая оставаться той же личностью. Рост происходит в глубинах личности: возрастают понимание, силы, разум, чувства.

Педагоги гимназии хорошо осознают, что содействие росту происходит не тогда, когда говорится об этом, а лишь в том случае, когда методы обучения и воспитания пробуждают творческое усилие, поиски, дух исследования и, наконец, решение проблем. Весь учебно-педагогический процесс гимназии нацелен именно на это.

В неразрывной связи с целью религиозного воспитания находится и его «целостность». Это понятие означает, что христианская вера не является неким изолированным участком, – будь то частная жизнь человека или его отношения с окружающим миром. Нельзя быть христианином наполовину или время от времени, лишь в определенных сферах жизни. Церковь не может позволить себе пребывание в изоляции от нужд людей, поэтому воспитательный процесс в гимназии не изолирован от реальной мирской жизни. Важно научить сопереживать и сострадать нуждам и страданиям всех людей. И коллектив гимназии использует любую практическую возможность, чтобы вовлечь детей в добрые дела, которые множат их опыт общения с людьми, укрепляют внутренний религиозный опыт, приближают к Богу.

Литература

1. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Московский патриархат : [сайт]. М., 2011. URL: <http://patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения 21.12.2014).

2. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. Лекции по православной апологетике. Санкт-Петербург : Сатисъ, 2007. 352 с.

3. Слово Святейшего Патриарха Кирилла о миссии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Ижевская и Удмуртская епархия : [сайт]. Ижевск, 2015. URL: <http://udmmissia.ru/179/> (дата обращения 13.11.2014).

«МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРАВОСЛАВНОМ МИССИОНЕРСТВЕ». ОБЗОР РАБОТЫ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ

Перед конференцией ставились не только научно-исследовательские, но и духовно-просветительские и образовательные задачи, поэтому к участию во «взрослом» научном мероприятии пригласили и юных исследователей. В программу конференции была включена молодежная секция «Молодые исследователи о православном миссионерстве». В ее работе в качестве докладчиков и слушателей приняли участие учащиеся старших классов общеобразовательных школ Иркутска, Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы и их научные руководители – учителя истории и литературы.

Секция была организована в необычном для научной конференции формате – круглого стола с элементами урока-беседы о сущности и основных формах православной духовной миссии. Беседу проводила руководитель секции – кандидат филологических наук, гл. научный сотрудник ИОГУНБ *Софья Владимировна Мельникова*.

Беседа, направленная на формирование широкого представления о православной духовной миссии и разнообразии ее форм и задач, помогла объединить сообщения учащихся самой разной тематики – от рассказа о славянской азбуке до повествования об иркутских купцах-благотворителях. В докладах нашли отражение основные исторические и общественные роли православной миссии: распространение христианской веры; просвещение и духовное наставничество; освоение новых территорий и формирование русской государственности; благотворительность и т. д. Связующей нитью разговора стало имя святителя Иннокентия, в личности и деяниях которого воплотился, по сути, идеал миссионерского служения.

Форма круглого стола преследовала своей целью также формирование у старших школьников навыков научного диалога и культуры публичного выступления.

Первым прозвучал доклад **«Буквица славянская» – азбука, содержащая первообраз буквы»,** подготовленный ученицами 10 класса иркутской Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы *Ольгой Глазовой, Ульяной Осадчей, Екатериной Скурской*. Работа выполнена под руководством *Анастасии Владимировны Токаревой*.

Основная цель доклада заключается в том, чтобы *«показать, что каждая церковно-славянская буквица несет в себе духовный смысл, послание Господа людям через проповедь Кирилла и Мефодия»*. В докладе был представлен один из вариантов расшифровки славянской

азбуки: *«Я буквы ведаю, говорю и делаю добро. Добро есть жизнь. Живи совершенно, Земля, как и все люди. Люди мыслите: наш Он (Бог) покой...»*

Ученицы при подготовке доклада проявили не только научную любознательность в изучении старославянского языка, но и творческие способности и предложили вниманию слушателей созданный ими рукописный вариант азбуки, представленный в виде замечательного альбома.

Образы Кирилла и Мефодия, затронутые в докладе, позволили обратиться и к другим создателям письменности языческих народов и переводчикам на их языки Священного Писания – Стефану Пермскому, создателю коми-пермяцкой азбуки, и святителю Иннокентию – создателю азбуки алеутско-лисьевского языка и автору переводов Евангельских текстов на якутский язык.

О **«Роли Русской Православной Церкви в освоении Сибири»** рассказал *Иван Старцев*, ученик 10 класса лицея-интерната № 1 и воскресной школы Михаило-Архангельского Харлампиевского храма г. Иркутска. Основная тема доклада, подготовленного при помощи руководителя *Павла Леонардовича Воронова*, – первые годы распространения христианства на восток от Урала и создание в 1620–1621 гг. в Тобольске первой сибирской епархии. Доклад основан на документальных источниках и архивных материалах. Подводя итоги своего выступления, докладчик сделал вывод, что *«влияние Церкви на процесс освоения Сибири исследователи не оценивают однозначно, однако отмечают, что многие изменения в жизни народа востока Сибири произошли именно под влиянием деятельности Православной Церкви»*.

Рассказ о первой сибирской епархии логично продолжило повествование о первом Иркутском епископе – святителе Иннокентии (Кульчицком) и становлении традиции его почитания. Эта тема была представлена в докладе **«Почитание святителя Иннокентия (Кульчицкого) Иркутского в духовной культуре»** ученицей 9 класса СОШ № 31 г. Иркутска *Эльвирой Павличенко*. При подготовке доклада были использованы материалы местного краеведческого научно-популярного издания «Земля Иркутская».

Ученица 9 класса той же школы *Анна Каленникова* выступила с сообщением на тему **«Духовное наставничество в православии»**. В докладе предпринимается попытка освещения такой непростой темы, как старчество. Прослеживается история русского старчества от святого преподобного Феодосия (Печерского) до святителя Игнатия (Брянчанинова) и святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Приведенный в сообщении местный материал касается в основном схимонаха Герасима, иркутского чудотворца и основателя

Вознесенского монастыря. Следует отметить, что девятикласснице в целом удалось сформулировать понятие о старчестве и даже обозначить некоторые противоречия в оценке его роли в православной культуре.

Доклады Павличенко и Каленниковой подготовлены под руководством учителя школы № 31, магистра филологии **Ольги Юрьевны Сидоровой**, которая принимала участие в работе конференции не только как руководитель ученических работ, но и выступила с докладом на тему «**Педагогические идеи православных миссионеров**» на секции «Духовно-просветительская роль православных миссий: история и современность». В докладе рассматриваются педагогические идеи и труды выдающихся миссионеров: основателя Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарева), алтайского миссионера, впоследствии митрополита Московского и Коломенского святителя Макария (Невского), камчатского миссионера, впоследствии митрополита Кировоградского и Николаевского Нестора (Анисимова), святителя Иннокентия (Вениаминова). Как показано в докладе, основной принцип миссионерского воспитания может быть сведен к тезису о том, что *«христианское просвещение должно преобразить ребенка духовно, а не прививать ему черты только внешней образованности»*.

В подготовке школьников к выступлениям и непосредственно в работе секции активное участие приняли и другие педагоги и методисты г. Иркутска: **Нина Викторовна Прокофьева**, методист МКУ «ИМЦРО», **Елена Леонидовна Пономарёва**, методист МКУ «ИМЦРО», **Анна Викторовна Яценко**, учитель изобразительного искусства МБОУ СОШ № 23, **Зоя Александровна Космакова**, заместитель директора МБОУ СОШ № 23, **Ирина Леонидовна Шитова**, учитель МХК МБОУ СОШ № 23, **Наталья Николаевна Пожитная**, учитель изобразительного искусства, МХК МБОУ СОШ № 14, **Елена Юрьевна Антухова**, учитель истории МБОУ СОШ № 10, **Людмила Николаевна Финчурина**, учитель географии МБОУ СОШ № 10, **Светлана Анатольевна Пасынкова**, заместитель директора МБОУ СОШ № 42.

Историю Иркутской епархии невозможно представить без ее духовного и культурного центра – Вознесенского монастыря. Подробная **история Вознесенского монастыря** была описана в одноименном докладе **Валерии Кадыровой**, ученицы 11 класса школы № 42 г. Иркутска. Доклад отличается богатством использованных источников и иллюстративного материала. В частности, автор обращается к такому известному историческому источнику, как «Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря, составленное на основании монастырских актов

настоятелем монастыря и ректором Иркутской семинарии архимандритом Никодимом в 1839 г.). Особое впечатление на слушателей произвели размещенные по принципу контраста фотографии монастырского великолетия XIX в. и его разрухи в советские годы. История монастыря в сообщении доведена до дня сегодняшнего – восстановления Успенской церкви.

Кадырова представила в своем докладе результаты коллективной работы. О том, что в школе № 42 поселка Жилкино, где располагался Вознесенский монастырь, изучение его истории является востребованной темой ученических исследовательских работ, свидетельствует еще один доклад, подготовленный ученицей 8 класса той же школы *Эльвирой Ксенофонтовой* – **«Школа при Иркутском мужском Вознесенском монастыре: страницы истории»**. Цель сообщения была заявлена масштабно – *«выявить основные этапы становления школьного образования в поселке Жилкино Ленинского округа г. Иркутска, обосновать преемственность школьного образования XVIII–XX вв.»*. И содержание доклада, действительно, позволило проследить историю родной школы докладчицы: от первых, возникших при монастыре «мунгальской», а затем славяно-русской школ до советского периода, когда начальная и общеобразовательная школы располагались в исторических, оставшихся от монастыря постройках, и современной школы, расположенной уже в новом здании. Доклад богато иллюстрирован фотодокументами.

Вознесенский монастырь был разрушен при советской власти, но сохранился и является действующим. Другой древний монастырь, основанный еще в XVII в. – Знаменский. **«Исторический маршрут “Знаменский монастырь”»** представила в своем выступлении ученица 10 класса школы № 10 г. Иркутска *Анастасия Филиппова*.

Маршрут, в основном, касается описания некрополя монастыря, в котором покоятся духовные и светские лица, сыгравшие заметную роль в истории Иркутска и в целом Сибири. Прежде всего, это вновь обретенные мощи святителя Иннокентия (Кульчицкого) – покровителя Иркутска. На территории монастыря сохранились могилы «русского Колумба» Г. И. Шелихова, княгини Е. И. Трубецкой, декабристов Н. А. Панова и П. А. Муханова. Недавно на монастырском кладбище был похоронен великий русский писатель В. Г. Распутин. При подготовке доклада авторы использовали не только современные исследования, но и иркутские летописи, например летопись Романова за 1881–1901 гг.

Несомненно, большое значение для распространения христианской веры имела поддержка благотворителей, которые давали деньги на строительство и украшение храмов, издавали на свои средства книги религиозной тематики, оказывали финансовую помощь духовным

миссиям. И поэтому рассказы об иркутских купцах-меценатах, прозвучавшие в докладах учащихся иркутской школы № 10, носящей имя П. Пономарёва, и школы № 14 органично вписались в тематику конференции.

В докладе **«Меценаты Иркутска»** учащийся 9 класса **Влад Горбатенко** рассказал о представителях знаменитых иркутских купеческих фамилий: Трапезниковых, Базановых, Пирожковых, Хаминовых и других и их вкладе в развитие Иркутска – открытия на их средства учебных и медицинских учреждений, приютов, строительстве церквей. В поле зрения докладчика попали Кузнецовская и Медведниковская больницы, Хаминовские женские гимназии, Трапезниковское ремесленное училище, Базановский приют.

Важная мысль о необходимости сохранения памяти об иркутских благотворителях прозвучала в докладе ученика 9 класса той же школы **Дмитрия Сидельникова «Подвижники в названиях школ: П. А. Пономарёв»**. Доклад был выполнен под руководством учителя русского языка и литературы **Людмилы Николаевны Лаптийевой**. Основное содержание сообщения – биография купца Павла Андреевича Пономарёва, чье имя носит школа, а также история самой школы. Вниманию слушателей были представлены документы и фотографии из семейных альбомов Пономарёвых. В завершение докладчик с гордостью заявил, что *«Наша школа – это памятник бескорыстию, патриотизму, гуманизму иркутского купца»*. При подготовке сообщения был использован ряд научных краеведческих изданий, например, книга председателя иркутского общества «Родословие», сотрудника Иркутской областной универсальной научной библиотеки Н. С. Пономарёвой (*Пономарёва Н. С. Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники г. Иркутска. Аннотированный каталог / Составитель, автор вступительной статьи Н. С. Пономарёва. – Иркутск: Оттиск, 2008*).

История другой купеческой династии – Сибиряковых – была прослежена в докладе **«Сибиряковский характер»**, представленном **Александром Андрійчуком**, учеником 10 класса СОШ № 14 г. Иркутска. Особое внимание докладчик закономерно уделил Иннокентию Сибирякову, наследнику одного из богатейших родов России, тем не менее избравшему монашеский путь и совершившему беспрецедентный подвиг благотворительности. Следует отметить прекрасное оформление доклада, обилие иллюстративного материала и артистизм докладчика. Сильной теоретической стороной выступления стало умение обнаружить тесную связь частной жизни купеческого рода с историей всего Иркутска, а также показать ее отражение в современности.

В завершение работы секции была высказана мысль о том, что все члены Церкви, как Тела Христова, призваны быть миссионерами в широком смысле слова и нести общецерковное апостольское служение. И потому продолжение миссионерской деятельности в современных условиях возможно и должно осуществляться силами не только православных священников и монахов, но и мирян, в том числе и молодежи.

Прекрасным подтверждением этой мысли стал доклад ученицы 11 класса Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы *Александры Игнатенко* о реализации **благотворительного проекта «Областной фестиваль детского и молодежного творчества «Пасхальная радость»»**.

Фестиваль – это творческий проект, направленный на *«создание условий для сохранения и развития русской народной культуры и традиций, детского и молодежного творчества, сохранение духовного потенциала общества»* и призванный *«соединить православное детско-молодежное движение с культурой и искусством»*. *«Ключевой идеей проекта является миссия благотворительности»*.

Среди задач проекта:

- развитие детского творчества через участие в выставках декоративно-прикладного творчества, концертных программах в рамках фестиваля;
- оказание посильной материальной помощи воспитанникам детских домов, силами родителей и педагогов гимназии; привлечение спонсоров;
- привлечение учащихся к поисковой и исследовательской работе по истории своего края и др.

Инициатор и основной исполнитель проекта – ученический и педагогический коллектив Православной гимназии. В проекте также принимают участие воспитанники детских домов, школ-интернатов, коррекционных школ г. Иркутска и области в возрасте от 3 до 18 лет. Традиционно мероприятия фестиваля проходят в ТЮЗе им. А. Вампилова, музее деревянного зодчества «Тальцы», музее истории г. Иркутска, филиале Музея истории города Иркутска им. В. Рогая, здании Православной женской гимназии. Также проводятся экскурсионные программы по храмам г. Иркутска. В докладе была представлена хроника реализации проекта за 10 лет: с 2004 по 2014 г.

Следует признать, что в выступлениях учащихся имели место некоторые неточности, связанные с использованием церковной терминологии, пониманием и описанием реалий церковной жизни. Эти неточности, отмеченные присутствовавшими на заседании секции

представителями духовенства и светскими учеными, однако являются не более чем поводом для дальнейшей работы самих учеников и их руководителей. В связи с этим была высказана мысль о необходимости организации силами местного духовенства и научной общественности на базе Иркутской областной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского обучающего семинара для учеников, а также для самих преподавателей. Семинар должен быть посвящен истории РПЦ, и в частности православного миссионерства, вопросам организации церковной жизни, а также основам православной духовности, без понимания которых, очевидно, невозможно проведение и научных исследований по данной теме. Идея организации обучающего семинара отражена в резолюции конференции.

Завершить же обзор секции хочется отзывом, который был дан учащимся школы № 42 п. Жилкино по итогам их исследовательской и волонтерской работы священником церкви Успения Божией матери Алексеем Макаровым: *«Ознакомившись с материалами, собранными учениками школы № 42 о Вознесенском святителе Иннокентии, о мужском монастыре, некогда славно существовавшем в поселке Жилкино и распространявшем культуру и просвещение на весь наш Иркутский край, с радостью отмечаем, что в наших детях есть любовь и рвение к изучению родной истории и культуры. Работа, проделанная ими, действительно заслуживает всяческого внимания и рассмотрения. Хотелось бы и в будущем видеть в них такой же интерес и рвение в деле возрождения истории нашего родного края, а дело это действительно очень важное и нужное. Мы со своей стороны готовы и впредь оказывать всяческую помощь и поддержку»*. Очевидно, что эти слова могут быть отнесены не только к жилкинским школьникам, но и ко всем участникам молодежной секции – юным исследователям наследия святителя Иннокентия и его сподвижников.

Презентации докладов участников молодежной секции размещены на DVD-диске – электронном приложении к сборнику материалов конференции. Презентации публикуются в авторской редакции.

С. В. Мельникова,
канд. филол. наук, гл. научный сотрудник ИОГУНБ

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

15 мая 2015 г. в Дни славянской письменности и культуры в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского состоялась II научно-практическая конференция «Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях».

Конференция 2015 г. – вторая по счету, она явилась логическим продолжением состоявшейся в Иркутске в мае 2014 г. научно-практической конференции «Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель». Обе конференции организованы в рамках Национального проекта «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)». Проект, посвященный 220-летию со дня рождения Святителя, которое будет отмечаться в 2017 г., был инициирован Губернатором Иркутской области С. В. Ерощенко, получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и одобрение Президента РФ В. В. Путина.

Организаторами конференции выступили: министерство культуры и архивов Иркутской области, Иркутская митрополия Русской Православной Церкви, Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, Государственный архив Иркутской области, Иркутский областной краеведческий музей, Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

Конференция объединила представителей духовенства и светской научной общественности разных регионов России. В ней приняли участие духовные лица и светские ученые из Санкт-Петербурга, Якутска, Читы, Владивостока и Иркутска: Алексей Маркович Любомудров, д-р филологических наук, вед. науч. сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом), Людмила Васильевна Камедина, д-р культурологии, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного университета, Алексей Егорович Сергучев, канд. экон. наук, руководитель Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия), Инна Игоревна Юрганова, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник СО РАН, зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин Якутской духовной семинарии, Светлана Борисовна Белоглазова, канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, протоиерей Алексей Середин, настоятель Князе-Владимирского храма г. Иркутска, протоиерей Евгений Старцев, настоятель Михаило-Архангельского храма г. Иркутска, Александр Константинович Черкашин, д-р геогр.

наук, профессор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Александр Павлович Санников, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, Тамара Александровна Крючкова, канд. ист. наук, науч. сотрудник Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма г. Иркутска, Марина Владимировна Михайлова, канд. ист. наук., вед. архивист Государственного архива Иркутской области и другие известные иркутские ученые – историки и филологи, представители музеев, библиотек и высших образовательных учреждений.

Тема православных миссий и миссионеров охватывает самый широкий спектр проблем – религиозного, церковно-исторического, культурно-просветительского и образовательного характера.

Роль православных миссионеров в духовном и общекультурном развитии Сибири, Дальнего Востока, а также Русской Америки и сопредельных территорий, начиная с момента их освоения русскими, трудно переоценить. Высокий апостольский подвиг и освящение далекого края Светом Евангельского Слова всегда были неотделимы от просвещения живущих в нем народов. Миссионеры формировали не только религиозные взгляды местных жителей, но и их историческое, научное и культурное самосознание.

Миссионерская деятельность, как было сказано Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом на V Всецерковном съезде епархиальных миссионеров 23 ноября 2014 г., остается важнейшей задачей и современной Церкви. Особенно «актуальной» является миссионерская деятельность среди жителей отдаленных от региональных центров поселений Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера».

Основная цель конференции была определена как изучение истории православных миссий на территории Сибири и Дальнего Востока, а также обсуждение проблем популяризации и сохранения их духовного и материального наследия.

Для обсуждения были предложены следующие темы:

- архивные материалы о деятельности православных духовных миссий и миссионеров;
- труды православных миссионеров и проблемы их изучения и публикации;
- материальное наследие православных миссий и миссионеров и проблемы его сохранения;
- просветительская и научная деятельность православных миссионеров.

Конференция была направлена на раскрытие взаимосвязи миссионерских трудов современников и последователей святителя Иннокентия с миссионерской практикой нашего времени.

Конференция имела не только научно-исследовательские, но и образовательные цели, в соответствии с которыми в ее рамках была организована молодежная секция. В качестве докладчиков на ней выступили учащиеся старших классов общеобразовательных школ Иркутска и Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Секция прошла в необычном формате – круглого стола с элементами урока-беседы о сущности и основных формах православной духовной миссии.

Конференция транслировалась в формате вебинара, что позволило значительно расширить аудиторию слушателей за счет включений из других регионов. Всего состоялось 28 подключений (20 на пленарном заседании, 8 на секциях).

По итогам конференции были приняты следующие рекомендации:

1. Продолжить проведение научно-практических конференций, посвященных святителю Иннокентию (Вениаминову) и направленных на изучение истории и современного состояния православных миссий, а также популяризацию и сохранение их материального и духовного наследия.

2. Расширить географию докладчиков за счет приглашения ученых из других регионов России, прежде всего, участвующих в проекте «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)», а также зарубежных специалистов.

3. Привлекать к участию в конференции в качестве докладчиков и слушателей молодежь – учащихся школ и студентов, а также школьных и вузовских преподавателей гуманитарных дисциплин.

4. ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского по итогам конференции издать сборник материалов с электронным приложением на DVD.

5. Инициировать регулярное проведение на базе ИОГУНБ круглых столов, посвященных проблемам православного миссионерства. Ежегодную научно-практическую конференцию рассматривать как итоговое мероприятие, обобщающее проблематику круглых столов.

6. Организовать на базе ИОГУНБ регулярный обучающий семинар для школьников по миссионерской тематике, в качестве лекторов привлекать духовенство Иркутской митрополии, специалистов высших и средних учебных заведений г. Иркутска.

7. ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского совместно с Государственным архивом Иркутской области, Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» и Иркутским областным краеведческим музеем, заручившись поддержкой Иркутской митрополии, начать работу по созданию сайта «Миссионеры Сибири и Дальнего Востока» с целью сбора и систематизации материалов о православных миссионерах и миссиях в регионе.

8. Поддержать предложение о создании Православной электронной энциклопедии Иркутской области и разработать план подготовки издания.

9. ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского инициировать работу по оцифровке «Иркутских епархиальных ведомостей», используя собственные ресурсы, а также пригласив к сотрудничеству Научную библиотеку ИГУ и Иркутский областной краеведческий музей.

10. ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, при поддержке Иркутской митрополии и с привлечением специалистов Иркутского государственного университета, Государственного архива Иркутской области, музеев и библиотек, организовать работу по подготовке юбилейного издания, посвященного 290-летию Иркутской епархии в рамках проекта «Путь святителя Иннокентия».

11. Включить в перечень мероприятий проекта «Путь святителя Иннокентия» сборник архивных документов «Святитель Иннокентий в Якутии (документы Национального архива Республики Саха (Якутия))», подготовленного Якутской епархией и Национальным архивом Республики Саха (Якутия).

12. Разрабатывать новые формы мероприятий, направленных на активизацию исследовательской, музейной и издательской деятельности в сфере популяризации и сохранения материального и духовного наследия православных миссий Сибири и Дальнего Востока.

**Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная
миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке
и сопредельных территориях**

Материалы II научно-практической конференции

Составитель, научный редактор С. В. Мельникова
Ответственный редактор С. Г. Ступин
Редактор Е. П. Малованюк

Ответственный за выпуск О. К. Стасюлевич

Библиографы: Л. А. Казанцева, Е. В. Сметанина
Компьютерная верстка И. В. Лисина
Оформление обложки И. А. Киберт

Подписано в печать 16.09.2015 г. Формат 60x84 ¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 14.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
Тел. (3952) 540 940